

Mar 12 94 ^v

Dem Ehrwürdigen Herrn Aufseher
vom Hebertsche

13. Juli 1881.

C. Pöbendorff
aus Russland

ХРИСТИЯНСКІЯ

Мот. 1294 ✓

НАЧАЛА

СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ.

Соч. ТИРША.

МОСКВА.
1861.

55

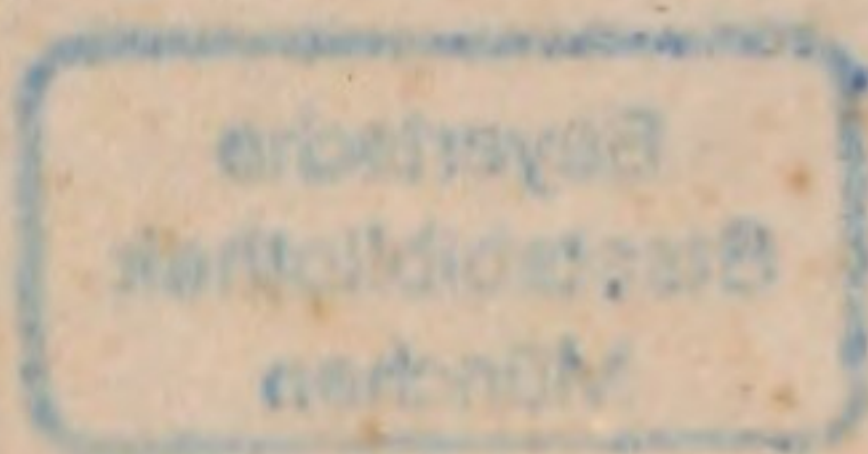
В

Мот. 1294[✓]

ХРИСТІЯНСКІЯ НАЧАЛА СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ.

Соч. Т И Р Ш А.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ С. СЕЛИВАНОВСКАГО.
1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва, 19 Декабря 1860 года.

Ценсоръ *Н. Гиляровъ-Платоновъ*.

Bayertsche
Staatsbibliothek
München

Thierschiana

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ.

	стр.
Отъ издателей	1
Предисловіе автора къ четвертому изданію	5
Введеніе	8

Б Р А К Ъ.

Первоначальное достоинство брака. Превращеніе его въ язычествѣ. Несовершенство брака въ Ветхомъ Завѣтѣ. Возвышеніе въ христіанствѣ.	11
Бракъ—союзъ физическій и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственный	19
Безбрачіе. Древне-христіанское, римско-католическое и протестантское понятіе о безбрачіи.	21
Второй бракъ	26
Неразрывность брака. Слова Спасителя о разводѣ. Протестантское начало развода. Исканіе въ наше время понятія объ этомъ предметѣ	28
Бракъ какъ договоръ гражданскій	42
Несчастные браки	45
Вступленіе въ бракъ	47
Взаимное уваженіе супруговъ. Охраненіе и продолжительность взаимной любви	50
Зависимость женщины. Ея страданія. Объ эманципаціи женщины	55
Власть мужа. Бремя лежащее на мужѣ и на женѣ. Обращеніе супруговъ другъ съ другомъ. Домашнее счастье	62
Властвованье жены надъ мужемъ. Жены-страдалицы	72
Попеченіе мужа о святости жены	77
Домашнее богослуженіе	82

В О С П И Т А Н І Е.

Трудность задачи воспитанья. Дурныя дѣти у добрыхъ родителей. Основное условіе успѣховъ воспитанія. Утѣшеніе родителямъ	89
Необходимость добраго отношенія между родителями	101
Воспитаніе въ семействѣ—въ монастырѣ—въ училищѣ. Національное воспитаніе. Обязательное обученіе въ школахъ. Правда-ли что въ школахъ мало учатъ закону Божію	104

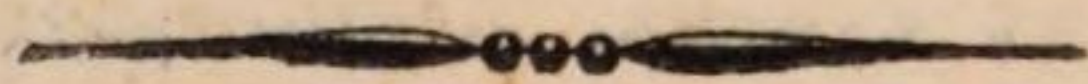
Религіозное воспитаніе. Доля матери и отца въ религіозномъ воспитаніи дѣтей	119
Значеніе Св. Крещенія. Ошибки въ религіозномъ воспитаніи. Религіозные романы.	125
Родительская власть и повиновеніе.	136
Наказаніе.	142
Честолюбіе и чувство чести.	152
Три главные добродѣтели которыя слѣдуетъ имѣть въ виду при воспитаніи	155
Основательность въ ученіи. Обученіе въ наше время. Учебныя заведенія для дѣвицъ	163

ОБЯЗАННОСТИ ДѢТЕЙ.

Есть ли, и гдѣ предѣлъ повиновенію?	173
Почтеніе къ родителямъ. Отношеніе дѣтей къ родителямъ въ старости.	176

ПРИСЛУГА	181
--------------------	-----

ОБЩИТЕЛЬНОСТЬ	193
-------------------------	-----

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Въ наше время замѣтнѣе чѣмъ когда нибудь выставлены на первый планъ вопросы о преобразованіи общества, объ исправленіи общественныхъ нравовъ и учрежденій, объ установленіи твердыхъ началъ, на которыхъ долженъ быть основанъ порядокъ общественный. Задача эта столько же важна, сколько и трудна къ разрѣшенію, отдѣльные вопросы ея умножаются съ каждымъ днемъ, возбуждаютъ дробныя изслѣдованія и угрожаютъ наконецъ самымъ обиліемъ плановъ, мыслей и матеріаловъ для обработки отдѣльных частей зданія, повредить ясному сознанію цѣли, для которой оно назначено и главныхъ началъ, безъ которыхъ не лзя и приступать къ его построенію. Обиліе формъ предлагаемыхъ и испытываемыхъ для примѣненія къ обществу и его потребностямъ, такъ велико, что изъ за формъ не мудрено забыть о томъ, для чего существуютъ формы и безъ чего онѣ всегда останутся мертвою буквой. Дѣйствительно, мы почти забываемъ иногда о живомъ человѣкѣ, для котораго составляются и устраиваются порядки общественные, о дѣйствующей силѣ личности человѣческой, безъ которой не рѣшаются никакія задачи и никакіе планы

не приводятся въ исполненіе, наконецъ объ органическихъ формахъ общежитія, въ которыхъ скрываются основы всякой общественной жизни.

Такою органическою формою жизни было и всегда будетъ — семейство. Если внутри этой единицы общественной искажены основныя начала жизни, если испорчено это зерно общественнаго развитія и порядка, то сколько бы ни творили мы искусственныхъ формъ, — онѣ не приведутъ съ собою здоровой жизни для общества. Мимо семейства, мимо воспитанія невозможно устроить на прочныхъ основаніяхъ общественный порядокъ.

Вотъ почему со всѣми общественными вопросами неразрывно связанъ великій вопросъ о лучшемъ устройствѣ семейственной жизни и семейнаго воспитанія. Нѣтъ возможности разрѣшить этотъ вопросъ съ теоретической точки зрѣнія — какъ разрѣшаются вопросы науки, — ибо семейныя узы объемлютъ цѣлаго человѣка, во всемъ безконечномъ разнообразіи психической и физической его природы, все бытіе человѣка, а не отдѣльные моменты и порядки бытія доступные научному изслѣдованію. Отъискивать идеаль семейнаго быта, въ глубинѣ »добраго стараго времени« значить гоняться за мечтою и вѣчныя задачи жизни разрѣшать на основаніи темныхъ соображеній и невѣрныхъ данныхъ, взятыхъ изъ области случайнаго, мѣстнаго и временнаго. Ограничиться однимъ критическимъ отношеніемъ къ явленіямъ и настоящей и прошедшей жизни — значить увлекаться впечатленіемъ минуты, разрушать зданіе по частямъ, безъ заботы о возстановленіи и созиданіи. Наконецъ

недостаточно — обращаться исключительно къ мысли объ общемъ интересѣ, общей пользѣ, взаимныхъ потребностяхъ людей, и въ этой взаимной связи общаго интереса искать разрѣшенія великаго вопроса нами указаннаго. Какъ бы ни было сильно сознаніе взаимной связи членовъ общества между собою и взаимныхъ интересовъ, въ этомъ сознаніи еще не заключается живое нравственное начало, въ немъ еще нѣтъ силы достаточной для исправленія общественныхъ недостатковъ въ коренномъ мѣстѣ порчи — въ жизни семейственной; потому что чувство эгоизма присущее каждому человѣку стремится всегда взять верхъ надъ сознаніемъ общей связи и общей пользы.

Надобно искать высшаго начала, такого которое могло бы проникнуть до глубины души и всю ее обнять цѣльнымъ чувствомъ и цѣльнымъ сознаніемъ. Таково можетъ быть только нравственное убѣжденіе. А нравственное убѣжденіе можетъ быть непоколебимо и дѣйствительно, можетъ достигнуть всей необходимой цѣльности только тогда, когда оно истекаетъ изъ религіозной идеи и связано съ нею также неразрывно, какъ связаны между собою корень, стволъ и плодъ въ одномъ и томъ же деревѣ. Одна религія въ состояніи захватить до глубины всю душу человѣка и родить въ ней ту необъятную, вѣчную, неудержимо дѣйствующую силу, которая творитъ и въ человѣкѣ и въ обществѣ нравственные преобразованія. Только при помощи религіозной идеи новѣйшее общество можетъ найти правду нравственную и жизненную свободу, которыхъ такъ усиленно и такъ безплодно ищетъ.

Вотъ почему, сознавая вполнѣ и неразвитость нравственныхъ убѣжденій въ обществѣ и крайнюю необходимость ихъ для общества, мы рѣшились издать въ русскомъ переводѣ небольшое сочиненіе о христіанскихъ началахъ семейной жизни, — проникнутое сначала до конца сильнымъ христіанскимъ убѣжденіемъ. Сочиненіе это пользуется большою извѣстностью въ Германіи, гдѣ оно выдержало нѣсколько изданій. Авторъ его, бывшій профессоръ Марбургскаго университета, Тиршъ, принадлежитъ къ числу немногихъ германскихъ богослововъ, которые умѣли при огромной учености удержатъ всю живость христіанскаго чувства, проникнутаго любовью и терпимостью. Онъ обращается къ читателю не съ сухими фразами богословской діалектики, но съ живымъ словомъ вѣры и убѣжденія. Вездѣ представляетъ онъ читателю самый чистый и самый строгій идеаль семейной жизни: можетъ быть въ иныхъ мѣстахъ идеаль этотъ даже строже чѣмъ можетъ понести природа человѣческая; но во всякомъ случаѣ для насъ, въ нашемъ состояніи, гораздо нужнѣе строгій голосъ вѣры и убѣжденія проникнутаго любовью, нежели рѣчь уступчивая и снисходительная къ слабостямъ и страстямъ, въ которыхъ мы сами привыкли находить готовое извиненіе, къ распущенности и лѣнности нашей природы, надъ которою мы только задумываемся, не находя въ себѣ силъ для исправленія.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА

КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНІЮ.

Благосклонный пріемъ этого сочиненія возбуждаетъ мою искреннюю благодарность и вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ причину четвертаго его изданія. Безъ всякаго старанія съ моей стороны эта книга явилась въ датскомъ, голландскомъ и англійскомъ переводахъ.

Я не думалъ объ этомъ, весной 1854 года, въ то суровое время моей жизни, когда было уничтожено столько моихъ надеждъ и почти совершенно прекращена моя личная дѣятельность*, и когда писалъ это сочиненіе въ невольномъ своемъ уединеніи.

Въ главномъ я не измѣнилъ ничего, потому что, кажется мнѣ, никто не имѣетъ права сказать, что изложенныя здѣсь требованія слишкомъ высоки. Не дана ли намъ въ образецъ христіанской нравственности проповѣдь Христа на горѣ, а здѣсь не требуетъ ли Онъ отъ насъ совершенства?—Только тогда, когда Его заповѣди являются предъ нами въ своемъ полномъ величіи, мы научаемся возлагать все наше упо-

* Авторъ говоритъ о томъ времени своей жизни, когда онъ былъ вынужденъ, по проискамъ враговъ своихъ, оставить Марбургскій университетъ.

ваніе на Него, а Онъ желаетъ, чтобъ эти заповѣди исполнялись нами.

Напротивъ здѣсь смягчено нѣчто суровое въ приговорѣ явленіямъ нашего времени. Платонъ говоритъ, что одиночество дѣлаетъ человека суровымъ: въ своемъ одиночествѣ я понялъ правду этихъ словъ Платона. Если же и за тѣмъ найдутъ здѣсь что либо суровое, то я уже не могу помочь этому. Я уважаю права личности. Хранить ихъ, мнѣ кажется, не только дозволенное право, но и обязанность cadaго. Эта обязанность тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе такое право признается въ настоящемъ. Сверхъ того должно вспомнить, что въ смѣшеніи и шумѣ голосовъ на литературномъ рынкѣ, отдѣльный голосъ, если хочетъ быть услышанъ, долженъ говорить такъ громко, какъ только можетъ.

Въ одно время съ этой книжкой о христіанской семейной жизни, появилось твореніе В. Г. Рилы: Семейство (Штутт. 1855). Оно доставило мнѣ такое высокое наслажденіе, что я прочиталъ его въ нѣсколько дней два раза. То чувствовалъ я живѣйшее удовольствіе, когда замѣчалъ сходство главныхъ мыслей съ мыслями моего сочиненія, родившимися совершенно независимо отъ сочиненія Рилы, то возбуждалась во мнѣ скорбь при мысли о томъ, какъ много потеряно для насъ изъ истинной семейной жизни. У меня вообще меньше надеждъ и для Германіи и для этого вѣка, чѣмъ у Рилы.

Въ его книгѣ находится много драгоцѣнныхъ объясненій на высказанныя здѣсь начала. Мое сужденіе исходитъ отъ центра, его—отъ окружности. Здѣсь на-

чинается съ необходимаго и отыскивается путь отъ божественнаго закона къ окружающей насъ дѣйствительности; тамъ изслѣдуется исторія съ ея многообразными подробностями и съ тѣми нравственными началами, которыя въ ней выразились. Здѣсь господствуетъ строгая сжатость, тамъ пріятная живость представленія.

Важное значеніе творенія Рила я вижу въ томъ, что онъ напоминаетъ намъ, въ какихъ широкихъ размѣрахъ осуществляли христіанскую семейную жизнь старинные нѣмецкіе нравы и на сколько это осуществленіе продолжается еще и теперь. Онъ указываетъ какъ, съ помощью возврата къ истиннымъ семейнымъ началамъ, наша жизнь можетъ быть восстановлена въ христіанскомъ и вмѣстѣ истинно германскомъ характерѣ.

Статья моя, подъ названіемъ: Средство замѣнить внутреннюю миссію, выкинута уже въ предшествовавшемъ изданіи. Мнѣ очень жаль, что ею я огорчилъ тѣхъ, кто мнѣ дорогъ и кого я уважаю. Я охотно занялся бы разработкой вопроса о правильномъ и неправильномъ отправленіи внутренней миссіи, но нахожу, что это трудно для исполненія и можетъ далеко повести. Книжка ничего не потеряетъ, если этотъ вопросъ, собственно сюда и не принадлежащій, будетъ совершенно устраненъ.

Взамѣнъ этого я обогатилъ примѣчанія нѣкоторыми цитатами и извлеченіями.

Марбургъ. Февраля 1, 1859 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Какъ въ мірѣ физическомъ, такъ и въ мірѣ нравственномъ есть божественные законы и правила, управляющія движеніемъ и развитіемъ всѣхъ силъ въ средѣ, для которой назначены. Физическая природа слѣдуетъ Божественнымъ законамъ по необходимости: въ мірѣ нравственномъ эти законы требуютъ содѣйствія свободной воли, которою человѣкъ обнимаетъ ихъ и утверждаетъ въ себѣ. Однако и въ той и въ другой сферѣ законы эти одинаково тверды и дѣйствіе ихъ совершается — какъ бы ни было по видимому сильно противодѣйствіе. Неизмѣнно, какъ ходъ свѣтилъ небесныхъ, Божіе опредѣленіе, по которому долженъ двигаться міръ человѣческій—нравственный космосъ. Основные законы этого міра столь же мало похожи на мертвую букву или форму, какъ и тѣ силы, коими совершается движеніе сферъ небесныхъ. Тогда именно, когда человѣкъ думаетъ отрѣшиться отъ нихъ,—чувствуетъ онъ внутри себя всю дѣйствительность нравственнаго закона: для повинующагося этотъ законъ является охранительною, благодатною силой, для нарушителя — силою разрушительною и карательною. Какъ слово Творца (а оно у Творца то-

же что и дѣло) съ первой минуты творенія дѣйстви-
тельно носить въ себѣ и поддерживаетъ все суще-
ствующее, — такъ же и въ сферѣ человѣческихъ от-
ношеній дѣйствительно Божественное слово и Боже-
ственное дѣло творенія, съ той самой минуты какъ
оно дало бытіе человѣку—и до конца вѣковъ.

Изъ всѣхъ богоучрежденныхъ человѣческихъ отно-
шеній — семейство самое древнее и самое великое.
Основные законы его—вѣрность, любовь, самопожерт-
вованіе, повиновеніе служатъ самыми сильными, са-
мыми прочными основами всякому человѣческому бла-
гу. Съ ними связано процвѣтаніе и благословеніе;
только слѣдуя имъ можно достигнуть нравственнаго
развитія и успѣха на пути къ совершенству. Чело-
вѣкъ можетъ ослабить эти благодѣтельные узы его
связывающія, но не можетъ вовсе разрушить ихъ;
если же и на это покусится, то почувствуетъ во вреду
своему всю внутреннюю ихъ крѣпость. Онъ можетъ
исказить, запутать эти отношенія; — по мѣрѣ развра-
щенія человѣчества дѣлались всѣ возможные попытки
вовсе ихъ разрушить,—и при всемъ томъ во всѣ вре-
мена первоначальная основная сила этихъ отноше-
ній и порядокъ ихъ остаются непоколебимы. Сила
семейныхъ отношеній выражается слѣдующими явле-
ніями въ жизни человѣчества. Прежде всего этой не-
поколебимости семейныхъ началъ должно приписать
изумительную живучесть добра, способность его со-
храняться во времена величайшаго развращенія нра-
вовъ. Далѣе замѣчательно проклятіе постигающее вся-
каго кто покушается ихъ разрушить. Наконецъ—мы
видимъ, что за полнѣйшимъ забвеніемъ и отрицані-

емъ этихъ началъ, — какъ бы оно ни было продолжительно, всегда слѣдуетъ ихъ возстановленіе, что они всякій разъ снова одерживаютъ побѣду надъ сознаніемъ человѣческимъ, достигаютъ полного осуществленія и даже принимаютъ еще болѣе свѣтлый видъ, еще высшія формы чѣмъ прежде.

Кто станетъ спорить, что таково же свойство, такова же исторія каждой святыни, какая только издревле поручалась въ храненіе человѣку? Какой святыни не губилъ, не отрицалъ и не осквернялъ человѣкъ! И не смотря на то святыня удерживала въ себѣ неизгладимое свойство святости, — возможность возстановленія, и наконецъ Божественное слово являлось во всей Божественной силѣ; то что было забыто и, казалось, навсегда разрушено—Богъ снова приводитъ во свѣтъ и воздвигаетъ еще краше и величїе чѣмъ прежде. Таковы же историческія судьбы брака и семейства. За основаніемъ того и другаго, въ райскомъ состояніи человѣка — слѣдовало паденіе въ ослѣпленіи язычниковъ — въ жестокосердіи Іудеевъ, — и потомъ возстановленіе и высшее просвѣтленіе въ христіанской церкви. Послѣ этого возстановленія семейство снова было искажено и унижено людьми, но духъ Христовъ, присно пребывающій въ церкви, не перестаетъ противодѣйствовать порчѣ и стремиться къ полному осуществленію самимъ Богомъ созданнаго нравственнаго идеала.

Б Р А К Ъ.

Существо брака такъ же многообразно и богато, какъ и существо человѣка. Въ немъ, какъ и въ самомъ человѣкѣ, мы видимъ три стороны: физическую, нравственную и религіозную—и всѣ три, вмѣстѣ, необходимы для осуществленія его идеи. Физическая сторона подчинена духовной, но не вытѣсняется и не уничтожается ею. Въ бракѣ, какъ и во всякомъ другомъ отношеніи, человѣку поставлено задачей не отрицать свою природу, но обращать ее на службу просвѣщенному и освященному духу. Бракъ одной стороной касается тоже физической природы, но то, что есть въ немъ физическаго, должно быть предверіемъ высшаго начала, должно служить высшему началу въ нравственно - совершенномъ бракѣ. Поэтому хотя бракъ и имѣетъ высшую цѣль, но не одну эту цѣль, и такое опредѣленіе брака, которое указываетъ на одно это назначеніе, вовсе недостаточно. Различныя опредѣленія образуютъ рядъ различныхъ степеней, смотря потому, ближе или дальше отъ нравственнаго и религіознаго значенія брака. Это различіе въ понятіяхъ о бракѣ зависитъ отъ степени всего нравственнаго образованія человѣка, и нахо-

дится съ нимъ въ столь тѣсной связи, что по большей или меньшей чистотѣ представленія о бракѣ, можно съ полной достовѣрностью заключить о высшей или нисшей степени нравственного достоинства человека.

Бракъ съ самаго начала, по силѣ своего учрежденія, былъ не однимъ естественнымъ, но и нравственнымъ отношеніемъ. И натуралисты ошибаются, думая, что онъ только постепенно возвысился отъ грубости до нравственного достоинства. Не могло быть этого съ однимъ изъ самыхъ важныхъ человѣческихъ отношеній, такъ какъ не возможно, чтобы человекъ отъ состоянія животнаго только постепенно дошелъ до состоянія человека. Понятіе о бракѣ исказилось въ послѣдствіи такъ же, какъ въ послѣдствіи исказился и самъ человекъ — и именно, въ бракѣ проявилось глубочайшее униженіе человека: »но съ начала не было такъ«, говоритъ Христосъ, и это свидѣтельство Св. Писанія подтверждается законами и обычаями древнѣйшихъ народовъ, отголосками лучшихъ, первобытныхъ временъ. Брачный союзъ былъ священъ и неразрывенъ не у однихъ Германцевъ; у Римлянъ, въ первыя столѣтія ихъ государственной жизни, не было вовсе развода, и даже у Грековъ первоначальныя основанія брака были такъ же чисты и строги, какъ и древніе Германскіе нравы. Уже въ самое позднее время древняго міра, когда разрушеніе и порча грозили поглотить все, Плутархъ въ своихъ »предписаніяхъ для брачнаго состоянія« сохранилъ остатки столь чистыхъ нравственныхъ правилъ, что передъ ними кажется низкимъ и недостой-

нымъ даже многое, что было писано объ этомъ предметѣ въ христіанскомъ обществѣ.

Безчисленныя противорѣчія, какія встрѣчаемъ въ дѣйствительной жизни и представленія языческаго міра относительно нравственного значенія брака указываютъ не на первоначальное, но уже на позднѣйшее искаженіе идеи. Такъ въ ветхомъ завѣтѣ поражаютъ насъ многоженство у патриарховъ и позволеніе развода въ законѣ моисеевомъ. Но эти явленія не должно считать выраженіемъ исконнаго первоначальнаго понятія, необходимою ступенью въ развитіи христіанской идеи о бракѣ: это исключенія, которыя можно объяснить снисхожденіемъ къ глубоко уже павшему человѣческому роду. Не только Христосъ, но даже и ветхій завѣтъ даетъ понять, что такой порядокъ дѣлъ не согласенъ съ истинною волей Божіей. Авраамъ при Саррѣ взялъ себѣ въ жену Агарь, потому что Сарра не была твердо увѣрена въ обѣщаніи и хотѣла незаконнымъ путемъ получить того сына, чрезъ котораго обѣщано было благословеніе всѣмъ народамъ земнымъ*. Многоженство Соломона осуждено уже тѣмъ, что оно довело его до идолопоклонства. И въ одной изъ его же книгъ**, замѣчательнымъ свидѣтельствомъ противъ этого искаженія брака служить—образъ хозяйки чрезвычайно близкій къ христіанскому идеалу, образъ, который можетъ осуществиться только въ неразрывномъ союзѣ единоженства. Позволеніе давать женѣ разводъ — въ

* Бытія XV. 4. 5. XVI. 1. 2.

** Притчей XXXI. 10—31.

моисеевомъ законѣ, — сколько бы ни было случаевъ его примѣненія, было дано только »жестокосердія ради«*. Дѣйствительно вмѣстѣ съ упадкомъ челевѣческаго достоинства пало и достоинство брака, или, вѣрнѣе сказать, понятіе и представленіе того и другаго по-мрачилось, притупилось чувство нравственной чистоты, такъ что подобное дозволеніе должно было служить къ предупрежденію еще большаго зла, и представляется признакомъ всеобщаго упадка.

Первоначальный законъ, вытекающій изъ истинной природы челоуѣка, есть единоженство и притомъ въ союзѣ расторгаемомъ только смертію. Это подтверждается и библейской исторіей творенія, это же говоритъ намъ и законъ естественной, общечеловѣческой нравственности. Есть еще заповѣдь, написанная въ сердцѣ и у падшаго челоуѣка такъ глубоко, что только личная вина, личный грѣхъ могутъ ее изгладить: это заповѣдь стыдливости. Она послѣднее убѣжище, куда можетъ еще укрыться, гдѣ до послѣдней возможности еще держится сознаніе первобытнаго достоинства и высшаго назначенія челоуѣка. Съ этимъ то могущественнымъ, нравственнымъ началомъ единоженство состоитъ въ столь тѣсномъ союзѣ, что отступленіе отъ моногаміи есть непременно и нарушеніе стыдливости. И точно единоженство есть одна возможная, нравственная форма союза между мужчиной и женщиной. Въ сердцѣ челоуѣка написано самимъ Богомъ, что челоуѣкъ, предаваясь челоуѣку въ той цѣлости, въ какой супруга предается супругу,

* Второзак. XXIV. 1. Матѣ. XIX. 8.

тогда только может сохранить свое нравственное достоинство, когда отдается исключительно, съ полной вѣрой и вѣрностью, съ исключеніемъ всякой возможности повѣрить себя подобнымъ же образомъ другому лицу. Всякое соединеніе половъ— на иномъ основаніи непременно влечетъ за собой разрушеніе человѣческаго достоинства; оно служитъ карою виновнымъ въ отступленіи отъ основнаго начала.

Эту то кару въ полной мѣрѣ испыталъ на себѣ языческій міръ въ то время, когда явился Христосъ. Христосъ возстановилъ достоинство человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ возстановлено и достоинство брака. Христосъ возвысилъ человѣческую природу до той чистоты, до того просвѣтленія, къ которымъ она была назначена отъ вѣчности, но которыхъ никогда еще не достигала въ дѣйствительности. Какимъ бы чистымъ и прекраснымъ ни представили мы себѣ человѣка, первый человѣкъ все еще не былъ на той степени общенія съ Богомъ, на какую возвелъ насъ Христосъ и еще менѣе на той высотѣ прославленія, какой нѣкогда мы должны достигнуть во Христѣ. Сообразно съ этимъ и бракъ въ Христіанской церкви получилъ особое значеніе и освященіе, какого не имѣлъ дотолѣ. Въ Христіанствѣ болѣе противъ прежняго возвышено достоинство женщины. Въ законѣ Римскомъ и даже въ Моисеевомъ права ея не были одинаковы съ правами мужчины: права женщины не были ни столь же священны, ни столь же важны; но по идеѣ христіанства жена имѣетъ такое же право на совершенную вѣрность мужа, какое имѣетъ мужъ на безуслов-

ную вѣрность жены*. И притомъ жена является не только помощницею мужа во временной жизни, но и сонаслѣдницей его въ жизни вѣчной. И еще того болѣе. Высочайшая любовь Бога къ людямъ открылась въ жертвѣ Христа. Образовалась Церковь и между ею и ея небеснымъ главой существуетъ союзъ столь священный, нѣжный и крѣпкій, какого еще не бывало между людьми и Богомъ. И вотъ — мужчинѣ и женщинѣ предстоитъ явить на землѣ образъ этой полнѣйшей преданности и жертвы и полнѣйшаго духовнаго единенія. Если бракъ и прежде былъ нравственнымъ отношеніемъ, то въ христіанскомъ бракѣ должно признать нѣчто еще болѣе священное, должно признать таинство.

* Справедливо изъясняя, что »по идеѣ христіанства жена имѣетъ такое же право на совершенную вѣрность мужа, какое имѣетъ мужъ на безусловную вѣрность жены, авторъ выражается не совсѣмъ точно, когда противопоставляетъ этотъ христіанскій законъ одинаково, какъ закону Римскому, такъ *даже и Моисееву*. По отношенію къ Моисееву закону, это противопоставленіе справедливо только въ томъ смыслѣ, что Ветхій завѣтъ допускалъ многоженство, и слѣдовательно какъ бы раздѣлялъ вѣрность мужа между нѣсколькими женами. Но тѣмъ не менѣе Моисеевъ законъ обязывалъ къ вѣрности, какъ женщину такъ и мужчину: седьмая заповѣдь, запрещающая прелюбодѣйствовать, относилась, какъ и относится, не къ однимъ женщинамъ, а и къ мужчинамъ. Корень неточности, допущенной авторомъ, заключается въ томъ, что онъ здѣсь не различилъ строго закона нравственнаго отъ чисто юридическаго, гражданскаго. Первый всегда и для всѣхъ былъ и есть одинъ и тотъ же, а слѣдовательно и сопоставляемъ быть не можетъ ни съ какимъ національнымъ законодательствомъ, имѣющимъ въ виду условную правду и измѣняющимся сообразно съ понятіями времени и особенностями народными. А авторъ именно и дѣлаетъ эту ошибку. Законъ всеобщій Христіанскій сравниваетъ съ національнымъ закономъ, и съ національною же частію Еврейскаго закона, (тогда какъ этотъ послѣдній имѣлъ, между прочимъ, въ себѣ и общую, безусловно нравственную часть). — П. Ц.

Въ послѣднее время ветхаго завѣта, послѣ продолжительнаго очищенія Іудейскаго народа, въ лучшей части его, жизнь развилась въ такой чистотѣ и съ такими добродѣтелями, что изображеніе ея, которое мы находимъ въ исторіи Христова дѣтства, производитъ на душу чистое и трогательное впечатленіе. Но и тогда еще не осуществился въ дѣйствительности тотъ высшій образъ, которому долженъ соответствовать бракъ Христіанскій. Только тогда, когда уже образовалась церковь Христова, могло быть сказано: »мужъ есть глава жены, какъ и Христосъ глава церкви и вмѣстѣ спаситель тѣла. Но какъ церковь повинуется Христу, такъ и жены своимъ мужьямъ во всемъ. Мужья любите женъ своихъ, какъ и Христосъ возлюбилъ церковь, и Самого Себя предалъ за нее«.

На развалинахъ языческаго міра было опять создано святилище брака. Правда что въ языческомъ мірѣ встрѣчались еще отдѣльныя явленія, въ которыхъ сіяли: строгость нрава, вѣрность и нравственное достоинство: — такими намъ представляются Брутъ и Порція, Аррія и Петъ; но это были только свѣтлыя точки, къ которымъ могла примкнуть христіанская идея. Христіанскій бракъ есть союзъ, проникающій въ жизнь такъ глубоко, какъ не въ силахъ была проникнуть идея міра до-христіанскаго. Христіанскій бракъ озарился свѣтомъ и святостью высшаго рода. Не въ романтическихъ представленіяхъ, а въ дѣйствительности состоитъ теперь благородство человеческой природы, проявляется то взаимное уваженіе, о нѣжности котораго прежнее поколѣніе не имѣло понятія.

Теперь семейная жизнь не представляется уже противорѣчіемъ съ духовнымъ назначеніемъ человѣка, какъ казалась она мрачнымъ неоплатоническимъ мудрецамъ, — помѣхой въ приготовленіи себя къ Царству Небесному, какъ думали уже нѣкоторые строгіе мыслители во Израили — Ессеи. Христіанское семейство представляетъ намъ образъ будущаго Царства Божія, въ которомъ воля Всевышняго будетъ совершаться «якоже на небеси, и на земли». Оно не только приготовительное училище для Царства Небеснаго, но въ нѣкоторомъ смыслѣ, есть самое преддверіе Божія Царства.

Правда, что въ строгомъ смыслѣ это можно сказать только о Христіанской церкви. Въ ней является уже таинственно небесное царство. Она никогда не погибнетъ; ея сокровенное величіе будетъ проявляться и свѣтитъ вѣчно. А семейство исчезаетъ; брака въ будущей жизни не будетъ. Но именно бракъ и семейство въ земныхъ предметахъ и преходящихъ отношеніяхъ должны еще здѣсь представить намъ Царство Божіе. Здѣсь то, въ маломъ, должны проявляться та мудрость и кротость власти, та сердечная готовность къ повиновенію, то общеніе въ твердомъ, взаимномъ довѣріи — всѣ тѣ чистыя добродѣтели, изъ которыхъ нѣкогда составитъ совершенная гармонія Царства Божія. Безъ сомнѣнія церковь выше, чѣмъ семейство, — но и созданіе церкви едва ли возможно представить безъ освященія семейной жизни. Въ освященныхъ семействахъ должно признать благословеніе, изливаемое Богомъ черезъ церковь, на сыновъ человѣческихъ. Освященные семейства способствуютъ

укрѣпленію и церкви. Вотъ отъ чего въ посланіи къ Ефесеямъ, окончивъ высокую рѣчь о союзѣ Бога съ церковью, о небесномъ ея происхожденіи и о вѣчномъ назначеніи, Апостоль нисходитъ къ заповѣдямъ, относящимся къ домашней жизни, или, вѣрнѣе сказать, не нисходитъ, но не отступая отъ своего предмета, объясняетъ намъ, какъ въ семейной жизни христіанъ сама церковь должна возрастать въ мѣру полного совершенства.

Цѣль христіанскаго брака такъ высока, все понятіе его такъ идеально, что физическая сторона по видимому является въ немъ какимъ то непріятнымъ противорѣчіемъ.

Всѣ мы, даже тогда когда находимся во единомъ духѣ со Христомъ, носимъ на себѣ образъ земнаго человѣка и притомъ человѣка падшаго. Много въ насъ такого, что безпрестанно напоминаетъ намъ о нашемъ состояніи паденія. Но есть въ нашей природѣ два свойства, которыя всего сильнѣе и всего строже напоминаютъ намъ объ этомъ. Одно—смерть: другое—заключается въ плотскомъ отношеніи мужчины къ женщинѣ. И смерть и дѣторожденіе находятся между собою въ глубокой связи. И то и другое вмѣстѣ появилось, вмѣстѣ и окончится. »Сподобившіеся улучшить тотъ вѣкъ и воскресеніе изъ мертвыхъ, ни женятся, ни замужъ не выходятъ. Ибо и умирать уже не могутъ; ибо они подобны Ангеламъ и суть сыны Божіи, ставъ сынами воскресенія*». Если въ смерти для

* Лук. XX. 35. 36.

христіанина есть нѣчто смиряющее гордость природы, то въ большей степени есть и въ отношеніи двухъ половъ. Не безъ причины эти отношенія находятся подъ охраной такого сильнаго нравственнаго чувства, какъ стыдливость. Стыдливость повелѣваетъ намъ скрывать эту сторону бытія нашего подъ мракомъ ночи, напоминая тѣмъ, что здѣсь есть что то нечистое, что здѣсь нѣкогда была святыня и что она когда то была осквернена, что дальнѣйшее оскверненіе нарушитъ цѣлость всего нашего внутренняго существа и увлечетъ насъ къ вѣчной гибели, и что эту область бытія должны мы оградить святѣйшимъ цѣломудріемъ, если не рѣшились отречься отъ христіанскаго достоинства, продать свое первородство—отогнать отъ себя духъ Христовъ и навлечь на себя губительное проклятіе.

Соединеніе мужчины съ женщиной допускается и между христіанами, но у христіанъ оно должно быть ограждено самою строгою стыдливостью, должно держаться на твердомъ сознаніи личнаго достоинства, которое христіанинъ признаетъ — въ своемъ супругѣ такъ же какъ въ себѣ самомъ. Тѣло наше—смертное тѣло, но мы не пренебрегать имъ, не разрушать его должны, но обуздывать его и обращать въ послушное орудіе разума и освященной воли; — такъ должно поступать и въ бракѣ. Естественныя отношенія въ бракѣ не отрицаются, не разрушаются религіознымъ освященіемъ. И на опустошенной почвѣ естественной жизни Богъ своею благодатію создаетъ рай нравственной гармоніи: такъ и здѣсь. Физическая сторона брака должна существовать въ теченіе

временной жизни. Въ вѣчной жизни ея уже не будетъ. Съ воскресеніемъ она достигаетъ своей конечной цѣли. Но намъ не заповѣдано стремиться къ уничтоженію ея въ земной жизни — прежде воскресенія. Пусть только въ земной жизни она подчиняется и служитъ высшему, пусть не сама себѣ служитъ цѣлью — а повинуется лучшей цѣли. Стремиться къ этому — вотъ въ чемъ задача христіанскаго брака: вотъ почему и въ бракѣ должно проходить чрезъ строгое самоиспытаніе. И въ немъ не разсудокъ долженъ слѣдовать природѣ, но природа разсудку, самообузданіе должно покорить сильнѣйшую страсть просвѣтленной и освященной волѣ.

Св. Писаніе не представляетъ намъ казуистику*, для удержанія въ памяти, но повелѣваетъ слѣдовать внушеніямъ духа Христова. Христосъ основавъ церковь, даровавъ ей своего духа, назначивъ на служеніе ей своихъ служителей, — тѣмъ самымъ указалъ сомнѣвающимся и тревожимымъ совѣстью живой источникъ, изъ котораго они могутъ почерпнуть совѣтъ и утѣшеніе.

Если смотрѣть на семейство въ томъ идеальномъ свѣтѣ, въ какомъ представляетъ его посланіе къ Ефесямъ, то кажется непонятно, откуда такъ рано могли появиться въ церкви такая рѣшительная и общая склонность къ безбрачію, и на ряду съ нею, недовѣріе къ брачному состоянію. Но не слѣдуетъ забывать, что основныя начала этого направленія безспорно есть въ Новомъ Завѣтѣ.

* Авторъ осуждаетъ здѣсь — нерѣдко соблазнительную — казуистику вопросовъ о брачныхъ отношеніяхъ, которые въ нѣкоторыхъ католическихъ требникахъ исчисляются въ руководство духовникамъ при исповѣди.

Христу надлежало родиться отъ Пресвятой Дѣвы. Переживъ и освятивъ своимъ примѣромъ другія отношенія земной жизни, Онъ не оставилъ намъ въ себѣ образца только для брачнаго состоянія. Первые ученики Его, такъ какъ и Павелъ, почти всѣ, въ этомъ отношеніи, слѣдовали Его примѣру. Іоаннъ, въ своемъ откровеніи*, передалъ намъ образъ дѣвства въ высочайшей чистотѣ его и этимъ самымъ сдѣлалъ дѣвство предметомъ удивленія и подражанія. Не слѣдуетъ забывать, что есть люди (хоть они и принадлежатъ къ исключеніямъ), особенно предназначенные, призванные и одаренные для цѣломудреннаго безбрачія. И почему же такому призванію не высказаться въ истинно святомъ стремленіи, которое думаетъ искать внутренняго покоя и истинной дѣятельности не въ бракѣ, а въ дѣвствѣ и въ служеніи человѣчеству? Опытъ показываетъ, что холостой человѣкъ не только легче можетъ переносить преслѣдованія, но и во всякое время можетъ болѣе успѣть въ служеніи Христу, чѣмъ женатый. Въ одинокомъ состояніи легче удержать внутреннее безмятежное общеніе съ Христомъ, чѣмъ посреди гнетущихъ земныхъ заботъ и трудовъ домашнихъ. Безбрачіе, не сопровождаемое чистотой сердца, конечно несравненно ниже христіанскаго брака, даже въ менѣе совершенномъ его видѣ, но безъ сомнѣнія нельзя отвергать, что существуетъ и чистое безбрачіе. Есть дѣйствительно люди, въ которыхъ любовь ко Христу и созерцаніе Его страданій, погашаютъ любовь земную.

* Апокал. XIV. 4.

Есть особенный даръ воздержанія, которымъ обладалъ Павелъ; можно замѣтить, что обладаніе этимъ даромъ и храненіе его онъ ставилъ выше безпорочнаго брака: стремленіе пріобрѣсти этотъ даръ онъ всячески одобряетъ и поощряетъ *.

Этого не хотѣли признать Лютеръ и еще болѣе его послѣдователи. Во всемъ взглядѣ стараго протестантизма высказывается слишкомъ поспѣшно явившееся невѣріе въ возможность чистаго безбрачія. Нельзя не осудить эту крайность воззрѣнія, но не слѣдуетъ забывать, что она была вызвана противоположною крайностью. Господствовавшее мнѣніе о безбрачїи и бракѣ, какое развилось въ Римской церкви, безъ сомнѣнія нуждалось въ нравственной повѣркѣ. Въ то время глубоко укоренилось неправильное мнѣніе, будто въ бракѣ не возможны—ни умирненіе души въ Богѣ, ни истинное возрастаніе въ добродѣтеляхъ, и будто находящіеся въ бракѣ должны, по необходимости, оставаться на низшей степени нравственнаго совершенства. Для однихъ это служило поводомъ облекать себя воображаемою святостью, въ другихъ ослабляло силу духа мыслью о томъ, что отъ нихъ не требуется нравственнаго совершенства. Въ блескѣ ложной святости затмилось чувство домашнихъ добродѣтелей и нарушился тотъ миръ чловѣка съ совѣстью, который составляетъ основное условіе всякой христіанской жизни. Какъ бы ни былъ ошибоченъ взглядъ реформаторовъ на церковныя постановленія, во вся-

* 1 Коринѣ. VII. 7. 8. 26. 27. 32—36. 38. 40.

бомъ случаѣ вліяніе реформы *, было благотѣльно въ томъ отношеніи, что множеству людей возвращенъ миръ съ совѣстью въ брачномъ состояніи и за семействомъ признано высокое значеніе разсадника всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей. Правда что XVI столѣтіе представляетъ намъ чрезвычайную необузданность нравовъ, которую впрочемъ слѣдуетъ отнести не столько къ реформациі, сколько къ старымъ издавна расплодившимся въ обществѣ зародышамъ порчи **. Но нельзя отвергать, что реформою возбуждена была и реакція во имя чистыхъ началъ Евангельскаго ученія: она воздѣйствовала на очищеніе семейной жизни, и въ этомъ отношеніи области Римско-Католическаго закона конечно не могутъ похвалиться преимуществомъ передъ протестантами.

Семейство снова по всей справедливости признано истинною школой самыхъ скромныхъ и вмѣстѣ самыхъ драгоцѣнныхъ добродѣтелей, постоянною школой кротости, послушанія и терпѣнія: въ этомъ отношеніи монастырь не можетъ замѣнить семейство. Въ созерцательной жизни человѣкъ подвергается нерѣдко такимъ самообольщеніямъ, которымъ нѣтъ мѣста въ жизни дѣятельной, гдѣ однѣ лишь истинныя добродѣтели выдерживаютъ испытанье.

Ошибочное мнѣніе стараго протестантизма, будто чистое безбрачіе не возможно, связано съ убѣждені-

* Авторъ говоритъ здѣсь исключительно о крайностяхъ Римско-Католическаго воззрѣнія.

** Авторъ ссылается здѣсь на сочиненіе Деллингера: *Die Reformation, ihre innere Entwicklung und ihre Wirkungen. Regensburg. 1845—1847.*

емъ въ невозможности человѣку достигнуть истинной святости въ настоящей жизни. Источникомъ этого убѣжденія было искреннее сознаніе, извлеченное изъ всеобщаго горькаго опыта. Но этотъ самый горькій опытъ показываетъ къ несчастію, до какого упадка достигло тогда общее состояніе христіанства въ римскомъ исповѣданіи. Когда по внѣшнимъ явленіямъ дѣйствительности судятъ о достижимомъ идеалѣ, — не есть ли это явный признакъ недостатка вѣры? Такимъ образомъ упускается изъ виду цѣль указанная всякому христіанину, а эта цѣль есть совершенство. Несомнѣнно слово Апостола, что мы оправдаемся вѣрой. Реформаторы придавали вѣрѣ великую силу: но можно ли сказать, что они слишкомъ много возлагали на вѣру? Ты вѣришь, что Христосъ понесъ всѣ грѣхи твои—но вѣрь также и тому, что онъ даровалъ тебѣ побѣду надъ грѣхомъ и силу достигнуть истинной святости.

Въ нетвердомъ понятіи о святости выказывается слабость стараго протестантства. Этотъ недостатокъ увѣренности вреденъ во многихъ отношеніяхъ: онъ отразился и на протестантскомъ понятіи о бракѣ. Слѣдовало бы ожидать, что идеальное сравненіе брака съ союзомъ Христа съ церковью положено будетъ въ основу протестантскаго воззрѣнія на бракъ. Но вышло не то: уже Лютеръ замѣтно остановился на томъ изображеніи брачной жизни, которое Апостолъ Павелъ помѣстилъ въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ (Гл. VII), имѣя прежде всего въ виду тогдашнее состояніе Коринѳской общины, со всѣми ея недостатками. Подъ вліяніемъ этого Лютерова воз-

зрѣнія образовались и нравственные понятія и церковныя правила о бракѣ въ протестантизмѣ. Отъ того на ряду со многими прекрасными и утѣшительными идеями о бракѣ, какъ о состояніи угодномъ Богу, мы встрѣчаемъ въ протестантствѣ слишкомъ ограниченное понятіе о значеніи и цѣли брака: за это протестантскіе богословы получили въ послѣдствіи вполне заслуженный урокъ отъ юристовъ*. Это низкое понятіе высказалось въ мнѣніи о второмъ бракѣ, но еще разительнѣе, глубже и дѣйствительнѣе выразилось оно въ отрицаніи брачнаго таинства.

Смерть разрываетъ узы брака и пережившему супругу дозволяется вступленіе въ новый союзъ. Противъ этого нельзя спорить; но спрашивается, — одобрительно-ли все то, что дозволено, согласно ли съ достоинствомъ христіанскаго брака доходить въ дозволенномъ до послѣдней возможности? Солонъ опредѣлилъ наказаніе тому изъ аѳинскихъ гражданъ, кто рѣшился-бы дать своимъ дѣтямъ мачиху. Въ древности дохристіанской смотрѣли съ уваженіемъ на того, кто переживъ супруга, отказывался отъ новаго брака. Въ христіанской древности тоже требовалось отъ лицъ, имѣвшихъ важный санъ въ церкви. Такъ, а не иначе, отцы церкви понимали увѣщаніе Апостола къ епископамъ и вдовамъ (1 Тимоѣ III. 2. V. 9).

* Авторъ ссылается на слѣдующію сочиненіе: Hippels anonyme schrift uber die Ehe. Berlin. 1776. стр. 79. 87. и того же автора: Ueber die bürgerliche Verbesserung der Weiber. Berlin. 1792. — Еще Hamanns Schriften № 1. стр. 66.

Въ восточной церкви четвертый бракъ рѣшительно запрещенъ; по обряду Римской церкви и второй бракъ совершается уже безъ обычнаго благословенія*. Совершенно въ иномъ видѣ образовалось богословское толкованіе и общественное мнѣніе у лютеранъ. Авраамъ Каловъ, извѣстный богословъ, прославившій себя особенно въ борьбѣ съ Граціемъ, схоронивъ одну за другой пять женъ и тринадцать человѣкъ дѣтей, 72-хъ лѣтъ, повелъ къ алтарю шестую супругу**. Можетъ быть не безпорядочна, можетъ быть чиста была семейная жизнь Генриха VIII-го, Короля Англійскаго, съ его осемью женами, но можно ли искать въ этой жизни — не говоримъ поэзіи брачной, — но идеальнаго христіанскаго сознанія, что брачный союзъ долженъ быть глубокъ и не разрывенъ, какъ небесный его первообразъ? Кто вступаетъ въ этотъ союзъ съ такимъ сознаніемъ, тому, должно думать, потеря супруга покажется незамѣнимою. Кого это величайшее несчастіе человѣческой жизни постигло въ

* Однако на практикѣ въ Католической церкви отступаютъ отъ древняго правила, по коему второй бракъ лишается церковнаго благословенія. См. соч. Шмида: *Liturgik der christkatholischen Kirche*. Passau. 1842. III. стр. 363—365. Прибавимъ отъ себя, что по уставамъ Православной церкви и третій бракъ разрѣшается не безусловно. Со вступленіемъ въ третій бракъ церковь наша соединяетъ понятіе о »скверненіи«³ требующемъ очищенія совѣсти, и потому вступающаго въ третій бракъ, тридцатилѣтняго и сорокалѣтняго вдовца подвергаетъ епитиміи, отлучая его на нѣсколько лѣтъ отъ Св. Причастія, если вступаетъ въ третій бракъ, имѣя дѣтей отъ прежнихъ двухъ браковъ. См. Кормчую книгу, Ч. 2. гл. 52. *Пр. Пер.*

** См. Tholuk. *Geist der lutherischen Theologen*. Wittenbergs im Siebzehnten jahrhundert. Gotha. 1852 стр. 192 и слѣд. Каловъ особенно прославился сочиненіемъ: *Biblia illustrata*, въ которомъ опровергаются примѣчанія Грація на нѣкоторыя мѣста Св. Писанія.

раннемъ возрастѣ, тому еще свойственно, тому должно быть позволено искать облегченія своей участи, если думаетъ найти его въ новомъ союзѣ; сдѣлаться матерью осиротѣвшихъ дѣтей, воспитывать ихъ съ безкорыстной любовью, какъ своихъ собственныхъ, это еще прекрасная задача для жизненной дѣятельности, Но если первый бракъ былъ таковъ, какимъ долженъ быть, то трудно, чтобы второй былъ подобенъ ему въ искренности душевнаго общенія, былъ такъ же святъ и счастливъ, а поспѣшное заключеніе третьяго, четвертаго и т. д. брака заставляетъ предполагать въ человѣкѣ, по крайней мѣрѣ, слишкомъ грубую природу, низкую степень духовнаго развитія. Дѣйствительно, есть люди, въ которыхъ потеря жены, не производя глубокаго внутренняго потрясенія, возбуждаетъ кажется только мысль о томъ, что умерла одна хозяйка, такъ надо взять другую, точно такъ какъ надо поставить новую свѣчу вмѣсто догорѣвшей*. Такое, лишненное всякой поэзіи, понятіе о второмъ бракѣ есть только одно изъ послѣдствій и можетъ быть—относительно говоря—еще невинное послѣдствіе лютеранскаго воззрѣнія. Другое послѣдствіе его несравненно значительнѣе и вреднѣе.

Основной нравственный законъ брачнаго союза — неразрывность. Этотъ законъ необходимо вытекаетъ изъ правильнаго понятія о первоначальномъ достоинствѣ человѣка. Какъ несообразно съ этимъ достоинствомъ многоженство, такъ несообразна мысль о разлученіи съ однимъ супругомъ и соединеніи съ

* Прусское гражданское уложеніе разрѣшаетъ вдовцу вступать въ новый бракъ чрезъ шесть недѣль по смерти жены.

другимъ. Человѣкъ вполнѣ предается человѣку въ этомъ союзѣ: стало быть союзъ долженъ быть исключительный и на цѣлую жизнь; только на этомъ условіи онъ будетъ нравственный, согласный съ благородствомъ человѣческой природы. »Только смерть можетъ разлучить насъ«. »Сотворившій человека вначалѣ, мужа и жену, сотворилъ ихъ, и сказалъ: посему оставить человекъ отца и мать и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ два, одна плоть. А потому они уже не двое, но одна плоть. И такъ что Богъ сочеталъ, того человекъ да не разлучаетъ«. (Матѳ. XIX. 4—6). Менѣе строгую заповѣдь даетъ Моисеево законодательство: Христосъ, высшій законодатель, возстановилъ первоначальный порядокъ во всей его силѣ. По этому правилу всѣ носящіе имя Христова должны судить о бракѣ, въ силѣ этого правила должны вступать въ бракъ. Они должны знать, что супружескій союзъ дѣло не только человѣческое, но и Божественное. Это священное дѣйствіе, хотя и совершается чрезъ человека, но въ немъ дѣйствуетъ сила Божія. Подъ земной формой происходитъ небесное дѣйствіе. Люди служатъ орудіями, посредствомъ коихъ Всевышній исполняетъ Свою волю. Какъ скоро эта воля исполнилась, то уже никто не можетъ отмѣнить ее, ни одинъ человекъ не вправѣ вступить въ нее и нарушать или ослаблять ея дѣйствіе. »Что Богъ сочеталъ, человекъ да не разлучаетъ«. Не въ обрядахъ и церемоніяхъ самихъ по себѣ состоитъ таинство. Таинствомъ называется такое дѣйствіе, которое хотя по видимому совершается смертнымъ человекомъ, но скрываетъ въ себѣ силу Божественной благодати. Что-бы ни было

матеріей или видимымъ знакомъ такого дѣйствія (какъ вода во Св. Крещеніи), очевидно что вся сила въ сущности самаго дѣйствія. Въ этомъ смыслѣ христіанскій бракъ, безъ сомнѣнія, есть таинство. Въ немъ заключается союзъ, который также не возможно разорвать по человѣческому произволу, какъ невозможно изгладить или сдѣлать недѣйствительнымъ разъ совершенное крещеніе. Отъ воли человѣка зависитъ нарушить этотъ союзъ, но онъ уже не можетъ представить себѣ этотъ союзъ какъ бы не существовавшимъ. Таковъ союзъ между Богомъ и человѣкомъ, таковъ и союзъ человѣка съ человѣкомъ.

Это подтверждается словами самаго Господа въ евангеліи отъ Марка, X гл. 11 и 12 ст: »кто разведется съ женою своею и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ отъ нея. И если жена разведется съ мужемъ своимъ, и выйдетъ за другаго, прелюбодѣйствуетъ«. Такимъ образомъ здѣсь такъ же какъ и у Луки (XVI. 18.) божественное правило поставлено, какъ и надо было ожидать, безъ всякаго ограниченія. То же правило подтверждается и повторяется Павломъ, въ силѣ слова Христова — 1 Кор. VII, 10, 11, 39; Римл. VII, 1 — 3: передъ этой заповѣдью должны умолкнуть всѣ человѣческія умозаключенія, желанія, хитрости и правила. Въ строгомъ смыслѣ самое дозволеніе закона, мужу вступать въ новый бракъ по разлученіи съ невѣрною женою,—не должно служить полнымъ успокоеніемъ для совѣсти*.

* О вредномъ вліяніи Юстиніанова свѣтскаго законодательства на брачное право, см. у Вальтера: *Lehrbuch des Kirchenrechts*. Bonn, 1854. § 321.

Но въ Евангеліи сказано еще: (Матѣ. V, 32.) »Кто разведется съ женою своею, кромѣ вины любодѣянiя, тотъ даетъ ей поводъ прелюбодѣйствовать; и кто женится на разведенной, тотъ прелюбодѣйствуетъ«. Не значитъ ли это, что въ случаѣ нарушенiя вѣрности правая сторона не только можетъ отринуть виновную, но и вступить въ другой бракъ? Въ другомъ мѣстѣ еще читаемъ (XIX, 9): »кто разведется съ женою своею, не за прелюбодѣянiе, и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ, и женившійся на разведенной, прелюбодѣйствуетъ«. Надъ смысломъ этихъ словъ по неволѣ задумаешься, когда вспомнишь о строгости вышеприведенной нами брачной заповѣди. Слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на то, что и здѣсь во второй половинѣ стиха: »женившійся на разведенной прелюбодѣйствуетъ«, Христосъ высказываетъ правило безъ всякаго ограниченiя. Вѣдь эта »пущеница«, отринутая жена, можетъ быть и невинно отринута. Припомнимъ потомъ и рѣшительныя слова Павла о томъ же предметѣ: »замужняя женщина закономъ привязана къ живому мужу; а если мужъ ея умретъ, то она освобождается отъ закона замужства«. Римл. VII, 2. 3.

Замѣчательно, наконецъ здѣсь и смущеніе учениковъ Христовыхъ, когда они говорятъ: »если такова обязанность мужа къ женѣ, то лучше не жениться«. (Матѣ. XIX, 10). Трудно представить, чтобъ они были такъ поражены, когда бы изъ словъ своего Учителя могли замѣтить, что въ случаѣ невѣрности и развода жены, супругъ получаетъ безусловное право на новую связь. И самъ Христосъ признаетъ потомъ, что

»не всѣ вмѣщаютъ слово сіе«, и заключаетъ бесѣду строгимъ словомъ объ отреченіи навсегда отъ брака ради царствія небеснаго. (Матѣ. XIX, 11—12).

Такимъ образомъ допускаемое реформаторами свободное разрѣшеніе развода и новаго брака не находитъ въ словахъ Христа, безусловнаго оправданія даже и тогда, когда бы это разрѣшеніе ограничивалось только случаемъ явной невѣрности*. Тѣмъ еще

* Въ подлинникѣ авторъ выражается гораздо рѣшительнѣе. Онъ безусловно отрицаетъ дозволенность вступленія въ новый бракъ, даже для невинной стороны. Мысль свою онъ думаетъ утвердить на изъясненіи вышеприведенныхъ словъ Спасителя. (Матѣ. XIX, 9). Къ чему относятся, говорить онъ, слова: »не за прелюбодѣяніе«? Не ко второй половинѣ стиха, въ которой рѣчь идетъ о вступленіи въ бракъ съ пущеницею, а къ первой, гдѣ говорится объ отпущеніи жены. Кто отпускаетъ жену, тотъ вообще грѣшитъ: дозволяется отпустить ее только въ случаѣ невѣрности. А кто, отпустивъ жену свою, женится на другой, тотъ во всякомъ случаѣ поступаетъ не законно.

Мы сочли нужнымъ исключить въ переводѣ это изъясненіе и смягчить самую мысль автора, во первыхъ потому, что мысль эта несогласна съ правилами, принятыми Вселенскою церковью, а во вторыхъ потому, что изъясненіе, въ которое вступаетъ авторъ, не совсѣмъ идетъ къ характеру и назначенію гасящей книги. Изъяснять смыслъ библейскаго мѣста, въ особенности такого, которое, подобно вышеприведенному, подвергается различнымъ толкованіямъ, прилично въ сочиненіи спеціально экзегетическомъ, гдѣ возможно подробное изложеніе основаній на какихъ дается смыслъ такой, а не иной, равно какъ и подробное указаніе на другія изъясненія и ихъ основанія и т. д. Въ сочиненіи же исключительно нравственномъ, каково настоящее, изъясненія подобныхъ мѣстъ, естественно лишеныя необходимыхъ подробностей, могутъ вести только къ односторонностямъ.

Тѣмъ не менѣе мы сочли долгомъ указать на сдѣланное нами измѣненіе, и хотя подъ строкой привести подлинную мысль автора, между прочимъ даже съ тою цѣлію, чтобъ показать, какъ легко даже въ справедливомъ протестѣ противъ крайностей извѣстнаго исповѣданія перейти надлежащую границу и удалиться въ противоположную крайность, когда не стоишь на твердой Вселенской почвѣ. Авторъ, столько разумный въ другихъ

менѣе можно распространить его на подобные случаи притѣсненія и произвольнаго оставленія суп-

случаяхъ, не удержался здѣсь на началѣ нравственной свободы, на этой высшей, духовной точкѣ зрѣнія, съ которой единственно и можно судить о христіанскомъ бракѣ. Справедливо осуждая разнузданность протестантства, которое, дѣйствительно, своимъ легкимъ разрѣшеніемъ разводовъ, лишаетъ бракъ истиннаго нравственнаго значенія, онъ не находитъ другаго выхода кромѣ исключительной принудительности, — начала опять вовсе не нравственнаго, вовсе не идущаго къ взаимоотношеніямъ между существами духовными. Ставъ на эту ошибочную точку, онъ не совсѣмъ охотно говоритъ даже о дозволительности вступленія въ бракъ послѣ смерти одного изъ супруговъ. Слышится въ немъ какъ будто сожалѣніе, что на этотъ разъ рѣшительныя слова писанія отнимаютъ у него всякую возможность къ перетолкованію, (см. выше). Однако надобно отдать честь его добросовѣстности: онъ на это не рѣшился, и отъ того въ этомъ собственно вопросѣ удержался именно на мудрой умѣренности, которую признала правою Вселенская церковь. Къ чести его, нельзя не сказать также, что даже въ вопросѣ о разводѣ, допустивъ было грубую ошибку въ основномъ взглядѣ, онъ скоро, такъ сказать, выпрямляется. Развитое нравственное чувство выноситъ его, и подсказываетъ ему слѣдующее превосходное замѣчаніе, зиждущееся уже не на принудительномъ, а на чисто нравственномъ началѣ: »Пусть, говоритъ онъ, протестантскіе богословы, которые такъ спорятъ за право невинной стороны на вступленіе въ новый бракъ, серьезно предложить себѣ вопросъ: кого слѣдуетъ считать невиннымъ? Они убѣдятся въ томъ, что прежде, чѣмъ дѣло дойдетъ до формальнаго разрыва, окажется и на другой сторонѣ вина: хотя она и не уловима для человѣческаго правосудія, но на вѣсахъ правосудія Божественнаго окажется достаточно тяжкою. И кто даетъ относительно невинной сторонѣ право—вторичнымъ вступленіемъ въ бракъ навсегда пресѣчь для другой стороны возможность возврата, примиренія и исправленія? Если дозволить одной только сторонѣ вступленіе въ новый бракъ, не обращая вниманія на возможность раскаянія съ другой стороны, — это было-бы слишкомъ несправедливо въ отношеніи къ этой послѣдней: самъ законъ долженъ наконецъ убѣдиться въ этой несправедливости, и потому подъ конецъ, какъ на примѣръ въ Пруссіи, онъ доходитъ до того, что дозволяетъ обѣимъ сторонамъ вступленіе въ новый бракъ. Первое нарушеніе Божественной заповѣди влечетъ за собой полное ея разрушеніе по закону необходимости«. Но, повторимъ опять, эти превосходныя сами въ себѣ размышленія, говорятъ только

руга*, а оно простирается — по крайней мѣрѣ въ одномъ изъ протестантскихъ законодательствъ, именно въ Прусскомъ и еще гораздо далѣе, даже безъ всякаго отношенія къ винѣ или невинности того или другаго супруга**. Здѣсь не рѣшаются оправдывать

противъ безусловно свободнаго расторженія нарушенныхъ невѣрностью браковъ, а ни какъ не въ пользу безусловной недозволительности подобнаго расторженія. — *Пр. Ц.*

* См. Эм. Л. Рихтера *Lehrbuch des Kirchenrechts. 4 Abth. Leipzig. 1853. § 269.*

** Тиршъ ссылается здѣсь на постановленія прусскаго земскаго права о разлученіи супруговъ по судебному приговору — и прибавляетъ: постановленія Наполеонова кодекса о томъ же предметѣ, хотя и отзываются тѣмъ же отрицаніемъ христіанскихъ началъ, однако не имѣютъ тѣхъ пагубныхъ послѣдствій, какія производитъ Прусскій законъ, такъ какъ полному дѣйствію ихъ во Франціи и въ Рейнскихъ провинціяхъ противятся законъ и дисциплина Римско-Католической церкви: сила эта имѣетъ еще въ этихъ краяхъ значительное вліяніе на нравы и общественное мнѣніе.

Для поясненія словъ Тирша читателямъ, считаемъ нужнымъ указать здѣсь въ главныхъ чертахъ на постановленія западныхъ законодательствъ о поводахъ къ расторженію брака или разлученію супруговъ. Главнѣйшими законными поводами къ тому считаются:

1. Доказанное прелюбодѣяніе супруга или такіе признаки близкаго обращенія съ лицомъ стороннимъ, по коимъ можно заключить о прелюбодѣяніи; иногда — рѣшительное покушеніе къ прелюбодѣянію, также противоестественные пороки (*Preuss. Landr. II, 1 § 670—676*). По Французскому праву прелюбодѣяніе одного мужа не служитъ поводомъ къ разлученію брака, если мужъ прелюбодѣйствовалъ внѣ дома, въ которомъ живетъ съ женою (*Code civ. 230*). Это странное правило принято нѣкоторыми другими законодательствами, напримѣръ Баденскимъ; здѣсь къ домашнему прелюбодѣянію причисляется близкое жительство наложницы около общаго жилища супруговъ. Между тѣмъ каноническое право этихъ католическихъ государствъ не дозволяетъ разлученія супруговъ даже въ случаѣ прелюбодѣянія, когда въ немъ виновны обѣ стороны, или когда невинная сторона простила виновную. Правило это принято и нѣкоторыми новѣйшими законодательствами.

законъ даже сами протестанты, у кого еще въ сердцѣ страхъ передъ Богомъ и Его закономъ и шлются въ извиненіе только на ту причину, которою объяснялось снисхожденіе Моисеева закона: »жестокосердія ради«. Такъ и Лютеръ думалъ, что свѣтская власть

2. Злонамѣренное оставленіе супруга и отказъ возвратиться къ нему, не смотря на вызовъ и убѣжденіе. То и другое должно быть положительно доказано. Французская практика подводитъ подъ это правило и отказъ одного супруга другому — въ совмѣстномъ жителѣствѣ. (*Zachariae. franz. Civilrecht. § 476*). Прусскій законъ причисляетъ къ злонамѣренному оставленію постоянный и упорный отказъ одного супруга другому въ исполненіи супружескихъ обязанностей (*Pr. Ldr. II, 1. § 694—695*).

3. Покушеніе на жизнь супруга и жестокое съ нимъ обращеніе. Понятію о жестокомъ обращеніи законодательства придаютъ болѣе или менѣе обширное значеніе. Одни требуютъ матеріальныхъ признаковъ, побоевъ, ранъ (*Saevitia*) или упорнаго отказа въ содержаніи (общегерманское право); другія довольствуются признаками грубаго оскорбленія чести, дѣломъ или словомъ. Прусскій законъ доходитъ до того, что предоставляетъ судѣ расторгать просто »несчастные« браки, въ слѣдствіе явнаго отвращенія супруговъ другъ отъ друга, когда нѣтъ надежды на примиреніе (*Pr. Ldr. II, 1. § 716—718. Code civ. 231*).

4. Законная неспособность къ продолженію брака, происходящая отъ дѣйствія одного изъ супруговъ, на примѣръ, въ слѣдствіе самоповрежденія, наказанія за преступленіе, перехода въ нехристіанскую вѣру. Къ этому разряду относятся разнообразнѣйшія постановленія. Такъ Французскій законъ поводомъ къ разлученію считаетъ не только наказаніе замѣняющее политическую смерть, но и всякую *peine infamante* (*Code. 232*); Австрійскій, — приговоръ къ 5-ти лѣтнему заключенію въ тюрьмѣ. Прусскій законъ дозволяетъ разлучать бракъ, когда одинъ изъ супруговъ присужденъ къ наказанію лишающему чести, къ заключенію въ крѣпости, въ тюрьмѣ, даже въ смиренномъ домѣ; разводъ дозволяется въ слѣдствіе упорнаго пьянства, расточительности или развратнаго поведенія одного изъ супруговъ; — даже безъ вины супруга, въ слѣдствіе отвратительныхъ или тяжкихъ болѣзней, препятствующихъ исполненію супружеской обязанности, въ слѣдствіе безумія или сумасшествія, продолжавшагося долѣе одного года. (*Pr. Ldr. II, 1. § 696—698. 704—711*). Эти постановленія осуждаются самими прусскими юристами, потому что противорѣчатъ естественной и нравственной обязанности мужа или жены неоставлять супруга въ болѣзни и несчастіи.

въ подобныхъ случаяхъ можетъ подражать Моисееву закону, объявляя людямъ, требующимъ разрѣшенія, что впредь слѣдуетъ уже смотрѣть на нихъ не какъ на Христіанъ, но какъ на язычниковъ.

Если Христіанское государство поступаетъ такимъ образомъ, что дѣлать христіанскому духовенству? * Осмѣлится ли и оно отступать отъ закона Христова, изрекать отъ лица Его благословеніе тамъ, гдѣ Онъ воспрещаетъ и гдѣ кара связана съ нарушеніемъ заповѣди? Должно ли ему принимать на себя отвѣтственность за браки разведенныхъ лицъ только потому, что государственной власти, помимо христіанскаго закона, угодно называть такіе браки законными? На страшномъ судѣ нельзя будетъ ссылаться на свѣтскіе законы; — не кто другой, а самъ Христосъ будетъ судить своихъ служителей, судить по Своему слову, а не по человѣческому уложенію. Каждый самъ понесетъ свое бремя, и ни одинъ изъ приставниковъ дома Божія, осквернившихъ тайну Божію, не спасетъ своей души, если станетъ оправдываться тѣмъ, что

5. Добровольное условіе обоихъ супруговъ — разлучиться. Прусскій законъ предоставляетъ суду разлучать браки по взаимному согласію супруговъ въ такомъ случаѣ, когда въ бракѣ не было дѣтей, — если рѣшеніе супруговъ обдуманно исполнѣ. Французскій законъ дозволяетъ такое разлученіе въ бракахъ, продолжавшихся не менѣе 2-хъ и не болѣе 20 лѣтъ, съ тѣмъ чтобъ мужу было не менѣе 25-ти, а женѣ не менѣе 21 и не болѣе 45-ти лѣтъ, и съ тѣмъ, чтобы изъявлено было предварительное согласіе всѣхъ восходящихъ родственниковъ того и другаго супруга. *Прим. Перев.*

* Авторъ имѣетъ здѣсь въ виду въ особенности прусское духовенство, и столкновенія не рѣдко случающіяся въ Пруссіи между государственною властью и духовенствомъ по поводу браковъ не одобряемыхъ лютеранскою церковью. — *Прим. Пер.*

ему такъ было приказано отъ земной власти. Они повиновались властителямъ земнымъ и сдѣлались ослушниками Царя Небеснаго, измѣнили Его законамъ и повелѣніямъ, измѣнили и повѣренному имъ народу.

Однако, благодареніе Богу, въ законодательствѣ появилось опять лучшее направленіе; сдѣлано уже нѣсколько шаговъ, чтобъ исправить зло, но оно укоренилось слишкомъ глубоко и разрослось во всѣ стороны*. Съ тѣхъ поръ, какъ посѣяно сѣмя, смѣнилось два поколѣнія: было время взойти посѣву. Предъ вліяніемъ законодательства, и въ высшихъ и въ низшихъ сословіяхъ народа, успѣло уже угаснуть нравственное отвращеніе отъ легкомысленныхъ разводовъ и отъ перемѣны брака. А между тѣмъ несомнѣнно то, что какъ совмѣстное многоженство Алкорана, такъ точно и послѣдовательное многоженство новаго законодательства — мерзость предъ Богомъ. Последнее еще хуже, потому что оно совершается христіанами и оправдывается во имя Христа.

Мы не упускаемъ изъ виду, откуда произошло это послабленіе у реформаторовъ. Оно произошло не изъ желанья потворствовать злу, но изъ намѣренія — дать направленіе злу уже существовавшему. Когда прелюбодѣянiе сдѣлалось явленіемъ обыкновеннымъ, тогда можно придти къ мысли, — что ужъ если изъ двухъ золъ надобно выбирать меньшее, то лучше

* Въ Пруссiи изготoвленъ былъ проектъ новаго закона о бракахъ, между прочимъ съ цѣлію ограничить число поводовъ къ расторженію; но событія 1848 года помѣшали этому проекту осуществиться. Однако все таки суды стали строже смотрѣть на дѣла бракоразводныя.

допустить разрывъ брака и заключеніе новаго въ законной формѣ. Когда бы зло достигло ужаснѣйшихъ размѣровъ, то подобное отчаянное средство могло бы еще показаться сколько нибудь извинительнымъ. Но въ дѣйствительности нѣтъ ему извиненія; такое средство — худшее, какое только можно придумать: оно уничтожаетъ и ту опору, съ помощью которой можно было бы въ послѣдствіи достигнуть очищенія и возстановленія нравовъ. Этимъ средствомъ зло, по видимому, смягчается, но на самомъ дѣлѣ съ нимъ соединено проклятіе. Законъ, признающій расторгаемость брака, во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о существующемъ уже упадкѣ, но вмѣсто того чтобы препятствовать этому упадку, способствуетъ ему и узаконяетъ его. На немъ лежитъ явственная печать общаго народнаго упадка, тогда какъ въ земляхъ стараго закона, этотъ старый законъ, оставаясь въ своей силѣ, удерживаетъ развитіе порчи и служитъ постояннымъ свидѣтельствомъ въ обличеніе существующаго упадка.

Это не пристрастное обвиненіе направленное собственно противъ одного протестантскаго міра. Порча и въ римскомъ католичествѣ, и ея корней надо искать еще во времени предшествовавшемъ раздѣленію этихъ исповѣданій. Только форма упадка иная здѣсь, чѣмъ тамъ. Христіанскіе народы ослабили узы завѣта, соединяющаго ихъ съ Богомъ. Онъ оскверненъ и въ томъ и въ другомъ изъ этихъ обоихъ обществъ, только не одинаковымъ образомъ. Упадокъ нравовъ въ земляхъ римско-католическихъ долженъ бы былъ убѣдить насъ, что обѣимъ сторонамъ слѣдовало бы

не со взаимными упреками обращаться другъ къ другу, а оплакивать вмѣстѣ общую вину свою.

Напрасно мы захотѣли бы искать въ Моисеевомъ законѣ оправданья своимъ безнравственнымъ законамъ о бракѣ. Правда, что въ христіанскихъ народахъ настоящаго времени мы видимъ ту же загрубѣлость сердца, какая была нѣкогда у Іудеевъ, и можетъ быть еще въ сильнѣйшей степени. Но вотъ разница между тѣмъ и другимъ »жестокосердіемъ«: тогда надлежало возвести Израильскій народъ изъ состоянія упадка, въ которомъ было погружено все человѣчество, и Моисеевъ законъ, при всемъ своемъ несовершенствѣ, представлялъ уже тогда важный шагъ къ возвышенію изъ язычества, для приготовленія ко Христу. А въ наше время—совсѣмъ противоположное явленіе. Христіанскіе народы возведены на высшую степень, — и дошли до упадка. Іудеи были на пути къ сближенію со Христомъ, мы—на пути къ отдаленію отъ Него. Для Іудеевъ законъ Моисеевъ былъ предостереженіемъ отъ возврата въ язычество: тотъ же законъ для христіанъ былъ бы двигателемъ по пути къ отреченію отъ Христа. Тогда послабленіе имѣло цѣль воспитательную, теперь оно можетъ дѣйствовать только разрушительно. Тогда оно служило цѣлямъ Божіимъ, теперь служило бы цѣлямъ разрушителя и губителя душъ.

Законы въ пользу развода, по видимому, изданы къ облегченію человѣчества. Но уже Гаманнъ замѣтилъ, что въ нихъ открывается не духъ любви, а разрушительный духъ такъ называемаго вѣка философовъ. Эти законы, ослабивъ защиту святости брач-

наго союза, явились въ видѣ оправданія его нарушеній. Въ нихъ открылась вся глубина вкоренившейся порчи нравовъ. Власть законодательная, высшая власть, данная человѣку Богомъ, самая священная власть, какую только рядомъ съ христіанскою церковью можно назвать на землѣ, въ этомъ случаѣ обратилась на служеніе духу зла и гибели.

При господствѣ подобныхъ началъ управленія большіе города Европы сдѣлались тѣмъ, чѣмъ мы ихъ видимъ: бойнями, на которыхъ день и ночь губятся невинность и миръ, счастье и спасеніе души. И это не только съ вѣдома, но отчасти и съ одобренія правительствъ. Конечно правительства не могутъ проникнуть во внутреннюю жизнь каждаго дома и каждаго семейства; когда порокъ дѣйствуетъ въ закрытомъ кругу частной жизни, тогда отвѣчаетъ за него Богу глава семейства, кто терпитъ его въ своемъ домѣ. Но зачѣмъ же тогда христіанское государство принимаетъ эту отвѣтственность на себя и обременяетъ себя безчисленными проклятiями! Отецъ съ матерью, отпуская въ свѣтъ дитя свое, воздѣваютъ руки къ небу съ благословеніемъ и молитвой о сохраненіи его отъ зла и искушенія. Они съ надеждой помышляютъ о государственной власти поставленной отъ Бога въ защиту всякаго добра: она подастъ крѣпкую руку свою въ помощь слабой силѣ родительскаго попеченія. И что же, когда вмѣсто того родители видятъ, что это государство даетъ защиту не невинности, а соблазну?*

Кромѣ внутренняго смущенія, кромѣ горькой скор-

* Мнѣ достовѣрно извѣстно, — замѣчаетъ Тиршъ, — что въ исходѣ 30-хъ годовъ, въ одномъ изъ главныхъ городовъ Сѣверной Германіи, Королевскій

би при видѣ этого, нельзя не изумляться и слѣпотѣ, которая по истинѣ принадлежитъ къ величайшимъ загадкамъ нравственнаго міра. Нѣтъ мечты безумнѣе и гибельнѣе той мечты, будто можно равнодушіе къ нравственности соединить съ твердостью въ религіи, ослабить брачныя узы и вмѣстѣ съ тѣмъ еще крѣпче связать узы подданства, содѣйствовать развращенію совѣсти, разрушенію душевнаго мира, и вмѣстѣ съ тѣмъ пещись о распространеніи мира, справедливости и доброй совѣсти въ союзѣ государственномъ, будто неопасно допускать разрушеніе началъ положенныхъ самимъ Богомъ въ основу всякаго общественнаго блага—невинности, цѣломудрія, супружеской вѣрности, тихаго семейнаго счастья,—если только прочно обезпечены придуманныя фальшивою политикой хитрыя опоры государственнаго зданія: желѣзное насиліе и лукавое шпіонство.

Коммиссаръ, которому поручалось веденіе списка студентамъ, встрѣтилъ однажды молодыхъ людей рѣчью, въ которой, вмѣсто того, чтобъ указать имъ на дѣйствительныя опасности, которыя окружаютъ юношу въ обществѣ, — старался объяснить имъ, что со стороны правительства позволяются имъ всякаго рода удовольствія и веселости, какія только могутъ найти въ городѣ: только — прибавилъ онъ — »не занимайтесь политикою«. Въ одномъ изъ главныхъ городовъ Южной Германіи, въ теченіе 1848 года, обильнаго уроками всякаго рода,—можно было видѣть, до чего доводитъ та гнусная политика, которая покровительствуетъ увлеченію всякими удовольствіями и веселостями и смотритъ сквозь пальцы на развратъ, въ надеждѣ, что предавшись развлеченіямъ этого рода, люди не станутъ заботиться о дѣлахъ государственныхъ. Это опустошеніе совѣсти и нравственности — ведетъ непременно къ тому, что все населеніе болѣе и болѣе превращается въ какой-то пандемоніумъ, въ какую то эолову пещеру злыхъ духовъ: придетъ время когда они вырвутся изъ тюрмы своей и конечно не пощадятъ близкихъ своихъ руководителей.

Во всякомъ обществѣ къ браку ведетъ прежде всего договоръ гражданскій, и свѣтское правительство имѣетъ полное право устанавливать свои условія для брака и опредѣлять гражданскія его послѣдствія, но и общечеловѣческое понятіе о бракѣ предполагаетъ его нравственнымъ отношеніемъ высшаго рода, слѣдовательно и съ этой точки зрѣнія, въ бракѣ предполагается что-то выше всякаго другаго договора о предметахъ гражданскихъ отношеній.

Христіане въ бракѣ не должны нарушать гражданскихъ законовъ своего отечества, такъ какъ и у нихъ бракъ имѣетъ тоже свойство гражданскаго договора, но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣсть ихъ подчинена высшему закону, заповѣданному Христомъ церкви. Христіанскимъ правительствамъ слѣдовало бы подумать, что они дѣлаютъ, устанавливая такіе законы, которые вводятъ христіанъ въ искушеніе заключать браки, противныя христіанскимъ заповѣдямъ*. Если допускается бракъ между разведенными, между близкими родственниками по крови**, или свойственниками, то

* Разумѣется законодательная власть не выходитъ изъ границъ своихъ, когда ставить гражданскій бракъ единственно возможнымъ средствомъ къ устраненію затрудненій въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ. Не хорошо, когда законъ такъ написанъ, что приглашаетъ гражданъ удовольствоваться одной этою формой гражданского брака и обходиться безъ церковнаго благословенія. Такъ наприм. истолковывался въ Гессенъ-Касселѣ брачный законъ изданный въ Октябрѣ 1848 года.

** См. Walters Lehrbuch des Kirchenrechts. § 313. Richters Lehrbuch des Kirchenrechts. § 258. Древнее правило Христіанской церкви, запрещавшее жениться на сестрѣ умершей жены или на вдовѣ брата, въ слѣдствіе ослабленія брачныхъ законовъ и церковной дисциплины, въ последнее время исчезло изъ сознанія и даже изъ памяти въ протестантскомъ населеніи Германіи, такъ же какъ и въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ.

пусть уже въ такомъ случаѣ гражданская власть беретъ всю отвѣтственность на себя и на свою совѣсть, а не требуетъ отъ духовнаго лица, чтобы оно раздѣляло вину ея, а на духовное лицо падаетъ въ такомъ случаѣ еще большая доля вины, потому что устами его провозглашается законъ Христовъ и оно должно быть безстрастнымъ свидѣтелемъ истины предъ всѣми, — предъ великими такъ же точно какъ и предъ малыми *.

Но и каждый христіанинъ долженъ знать, что ему вовсе не отдано на волю заключать одинъ только гражданскій бракъ. Если государственнѣй законъ и дозволяетъ, то запрещаетъ долгъ христіанскій. Онъ не долженъ спускаться на нисшую ступень: поступать такъ безнаказанно можно язычнику, а не христіанину. Дѣйствуя такимъ образомъ, христіанинъ отрекается отъ своего званія и продаетъ свое первородство. Вступая въ бракъ, христіанинъ долженъ не-

* Для объясненія этихъ словъ Тирша слѣдуетъ замѣтить, что католическая церковь, по правилу Тридентскаго собора, требуетъ для совершенія брака, чтобы послѣдовало торжественное объявленіе воли передъ священникомъ и двумя свидѣтелями; она приглашаетъ брачующихся къ церковному благословенію, но не ставитъ это благословеніе необходимымъ условіемъ для совершенія брака, и довольствуется такъ называемымъ *пассивнымъ присутствіемъ* духовнаго лица. Этотъ средній путь избранъ католическою церковью по необходимости, для тѣхъ случаевъ, въ которыхъ она затрудняется дать свое одобреніе и благословеніе браку, но не можетъ ему воспрепятствовать. Таково церковное требованіе католичества. Гдѣ офиціальное значеніе придается Государствомъ только формамъ гражданскаго договора о бракѣ (какъ напр. во Франціи), тамъ отъ воли и совѣсти cadaго зависитъ исполнять или не исполнять обрядъ церковнаго закона: бракъ во всякомъ случаѣ будетъ одинаково законный, если соблюдена гражданская форма. Но законы протестантскихъ государствъ, въ коихъ не принята форма гражданскаго брака, — не довольствуясь пассивнымъ присутствіемъ духовнаго

премѣнно имѣть въ виду исполненіе той особенной жизненной цѣли, которая указана христіанскому браку. А если это именно въ виду у него, какъ же можетъ онъ заключать бракъ безъ христіанскаго освященія? Правда, что брачный союзъ заключенный только по гражданской формѣ тоже дѣйствителенъ и неразрывенъ предъ Богомъ *. Но только къ браку, благословенному церковью, привлекается благодать Божія, которая необходима для того, чтобы по христіански жить въ бракѣ. Гдѣ же найти эту благодать какъ не въ церкви Христовой?

Кто заключаетъ бракъ по христіанскому закону неправильный, тотъ навлекаетъ на всю свою жизнь мрачную тѣнь, неизгладимый упрекъ въ томъ, что онъ отринулъ и пренебрегъ христіанское свое призваніе. Но и тотъ, кто заключаетъ бракъ, допускаемый христіанскимъ закономъ, только безъ благословенія церкви, отрекается отъ своего званія, прене-

лица при бракѣ, требуютъ рѣшительнаго его содѣйствія, признаютъ церковное благословеніе необходимымъ условіемъ для совершенія брака. Представительницею такой системы служитъ Пруссія. Рѣшительное правило прусскаго закона: »дѣйствительный бракъ совершается посредствомъ священническаго благословенія«. Непослѣдовательность и неудобство этой системы — очевидны. Государство, помимо церкви, не справляясь съ ея органами и постановленіями, постановляетъ условія для вступленія въ бракъ и разрѣшаетъ препятствія къ браку, и въ то же время требуетъ отъ церкви благословенія всякому браку, даже такому, который противорѣчитъ ея постановленіямъ и совѣсти ея служителей. Отсюда происходятъ въ Пруссіи частыя столкновенія свѣтской власти съ духовными лицами, по поводу совершенія браковъ. Для устраненія этихъ неудобствъ предполагается въ Пруссіи ввести гражданскую форму брака, но законъ о гражданскомъ бракѣ до сихъ поръ, въ слѣдствіе пререканій между партіями въ Палатахъ, не получилъ еще утвержденія. — *Прим. Пер.*

брегаетъ достоинствомъ христіанина и становится виновенъ въ упущеніи, котораго потомъ уже не можетъ изгладить никакими усиліями. Гдѣ нѣтъ христіанской церкви, тамъ простой гражданскій бракъ, вѣрно хранимый, и теперь можетъ занимать высокую степень свойственную дохристіанской нравственности. Но Христіанинъ долженъ приступать къ браку не иначе, какъ съ сознаніемъ его высшей цѣли, съ принятіемъ высшаго освященія.

Противъ сказаннаго готово возраженіе, которое никого не можетъ удивить, — такъ оно естественно: «если бракъ неразрывенъ и супруги связаны другъ съ другомъ до самой смерти, стало быть несчастный бракъ невыразимо великое несчастіе». Да, дѣйствительно такъ, и такъ должно быть. Нечего возражать, что за юношеское легкомысліе въ выборѣ это слишкомъ тяжкое наказанье. Это легкомысліе видно стоитъ тяжкаго наказанья, потому что оно превратило самое важное, самое священное изъ человѣческихъ отношеній, въ игрушку, въ дѣло прихоти, и случайнаго желанья.

Кто могъ рѣшиться на такой важный шагъ безъ Бога, тотъ стало быть рѣшился цѣлую жизнь прожить безъ Бога: пусть же испытаетъ онъ, что это значить. Скажутъ, что и невинныхъ поражаетъ иногда бѣдствіе отъ несчастнаго брака. Но кто невиненъ предъ Богомъ? Кто глубже вникалъ въ міръ и въ свою совѣсть, тотъ вѣрно замѣчалъ съ изумленіемъ, что въ основаніи несчастія лежатъ часто скрытыя

1

вины и что наказаніе совершенно соотвѣтствуетъ грѣху. Въ бракѣ приносятъ плоды злое дѣло, сдѣланное до брака. Кто беззаконничалъ до брака, тотъ не долженъ удивляться, если не исполнится самонадѣянное его желанье успокоиться на лонѣ тихаго семейнаго счастія. Въ нечистой совѣсти таится сильнѣйшая горечь; скрытое и непризнанное преступленіе — демонъ, который во всѣхъ концахъ свѣта преслѣдуетъ человѣка.

Если же дѣйствительно невинный бываетъ принужденъ нести бремя несчастнаго брака, то есть надежда и въ скорби: самыя скорби для человѣка, предавшаго себя волѣ Божіей, служатъ спасительною школой очищенія и преуспѣянія въ добродѣтели: годы потерянные для земнаго счастія, будутъ пріобрѣтеніемъ для вѣчности.

По этому пусть никого не смущаетъ осужденіе, направленное новѣйшими врагами брака противъ христіанскаго учрежденія брака. »Устарѣлое учрежденіе«, такъ назвалъ его одинъ, къ стыду нашему, знаменитый Германскій богословъ. Извѣстно безстыдство, съ которымъ возстаютъ противъ брака новѣйшіе Французскіе романы. Отъ чего все это происходитъ? Сердце стало нечисто, воля стала беззаконна: отъ того и кажется человѣку невыносимымъ иго Христово. Что было бы для него благодѣяніемъ и благословеніемъ, еслибъ умѣлъ онъ внутренно испытывать и наказывать себя, то стало для него желѣзною цѣпью. Удастся ему разорвать эти оковы: тѣмъ хуже для него, тогда узнаетъ человѣкъ всю силу проклятія, которое на себя навлекъ. Въ самой тяжелой участи человѣкъ

могъ бы найти величайшую благодать, еслибъ захотѣлъ покориться Божественному опредѣленію. Горькая участь мужа, когда, въ слѣдствіе невѣрности жены, онъ вынужденъ вести одинокую жизнь, но жребій его не хуже чѣмъ жребій человѣка заключеннаго или впадшаго въ нищету. Если онъ, слѣдуя Христу, скажетъ въ сердцѣ своемъ: »да будетъ воля Твоя«, и къ нему не замедлятъ явиться облегченіе и благословеніе.

Если хорошенько подумать о послѣдствіяхъ рѣшенія и выбора для всей жизни человѣка, то слѣдовало бы по всей справедливости совѣтовать каждому — отложить это дѣло до той поры, когда созрѣетъ въ человѣкѣ опытность, когда научившись лучше узнавать людей, онъ можетъ имѣть болѣе надежды на успѣхъ въ выборѣ. Однакожь не въ лучшемъ знаніи свѣта, не въ умѣннѣи размышлять и обсуждать хладнокровно — состоитъ ручательство за удачу выбора: человѣкъ долго взвѣшиваетъ, долго колеблется, и когда придетъ наконецъ къ рѣшенію, то и это рѣшеніе не всегда бываетъ самое вѣрное. Одного благоразумія, одного разсудка еще не достаточно въ этомъ дѣлѣ: слушаясь разсудка, человѣкъ долженъ въ тоже время слѣдовать и внутреннему внушенію свыше: въ такомъ только случаѣ можно разсчитывать на успѣхъ. Первое условіе — это покорность родительской волѣ. Это не значитъ, что родительская власть въ правѣ принудить къ браку вопреки сердечной склонности: — это было бы нарушеніе правды. Но точно также неправъ и выборъ противъ воли родителей; такой вы-

боръ, если приводится въ исполненіе, несомнѣнно лишень благословенія. Храненіе цѣломудрія, осторожность при появленіи первой искры любви, когда она стремится зажечь воображенье, — твердая рѣшимость потушить эту искру, если зараждающаяся склонность противна волѣ Божіей; забота не о деньгахъ, но о страхѣ Божіемъ, молитва къ Богу, чтобъ Онъ устранилъ и разрушилъ все, что не послужитъ намъ къ добру, хотя бы пришлось намъ отречься отъ горячаго желанья и испытать тяжкое горе:—вотъ условія счастливаго выбора; кто заранѣе опредѣлилъ свой выборъ такимъ образомъ, тотъ приготовилъ уже себѣ въ этомъ мірѣ добрую участь.

Евреи держатся и теперь того правила, что ранній бракъ—лучше. Матеріальное благосостояніе, которое и теперь еще составляетъ удѣлъ этого племени,—состоитъ, по моему мнѣнію, въ связи—отчасти съ этимъ понятіемъ, отчасти съ обычаемъ — вѣрно хранить Субботу. Древніе христіане тоже держались обычая—рано вступать въ бракъ и, учителя церкви поставляли родителямъ въ обязанность заботиться о раннемъ бракѣ дѣтей*. Даже Лютеръ былъ того же мнѣнія**, и счастливо было то время, когда подобныя желанія могли еще быть исполняемы. Новѣйшее время нагромоздило всякаго рода нуждъ и пре-

* *Constitutiones apostolicae. IV, 11. Homiliae Clement. и epistola Clementis ad Jacobum. с. 7.* Приведенныя мѣста во всякомъ случаѣ исторически свидѣтельствуютъ о томъ, какого были мнѣнія древніе христіане объ этомъ предметѣ.

** Вотъ слова Лютера: кто не чувствуетъ призванія къ дѣвственной жизни, тотъ постарайся во время научиться какому нибудь дѣлу и найти себѣ работу, а тамъ, съ благословеніемъ Божіимъ и вступай въ бракъ. Ког-

пятствій: приобрѣтеніе средствъ къ жизни становится болѣе и болѣе затруднительно—не значитъ ли это, что ослабѣло на насъ благословеніе Божіе? — Являются всякаго рода запрещенія вступать въ бракъ, со стороны мѣстныхъ общинъ* или государственныхъ властей, не согласныя съ природою человѣка и ни сколько не ведущія къ цѣли; установлено множество правилъ и условій, затрудняющихъ вступленіе въ бракъ (особенно въ Баваріи, гдѣ эти затруднительныя условія много содѣйствуютъ порчѣ нравовъ); наконецъ нельзя не вспомнить о тяжести конскрипціи и постоянныхъ войскъ: это зло тяжеле для общества, чѣмъ всѣ монастыри средневѣковой Европы.

Умноженіе бѣдныхъ хозяйствъ—безъ сомнѣнія великое зло. Но въ законодательствахъ, кажется, считается меньшимъ зломъ умноженіе незаконныхъ союзовъ. Эти беззаконія умножаются, но развѣ вмѣстѣ съ тѣмъ не плодится и бѣдность? Только къ избытку народонаселенія присоединяется еще нрав-

да молодому человѣку есть уже много-много лѣтъ 20, а дѣвушкѣ 15 или 18,—оба они еще могутъ быть въ силѣ и свѣжести: пусть положатъ упованіе на Бога, что Онъ пропитаетъ ихъ вмѣстѣ съ дѣтьми. *Luthers Werke. Erlangen Ausgabe.* 20 том. стр. 87.

* Во многихъ государствахъ Германіи законъ требуетъ согласія мѣстной общинной власти на вступленіе въ бракъ члена общины. Законъ основывается на томъ предположеніи, что община, принимающая на свое попеченіе и призрѣніе неимущихъ своихъ членовъ, имѣетъ право не дозволить вступленіе въ бракъ, когда есть поводъ думать, что супруги не въ состояніи будутъ прокормить себя и дѣтей своихъ. — *Прил. Пер.*

ственное растлѣніе: вотъ плоды такихъ постановленій*.

Взаимное уваженіе и правильное пониманіе своего положенія, какое кому указалъ Богъ — вотъ основныя условія супружескаго счастія.

Уваженіе присуще любви. Какъ скоро его нѣтъ, то любовь уже не любовь: отъ любви остается одна страсть, унижающая человѣка. Въ душѣ мужчины живетъ идеалъ женственности: онъ, какъ и все, что заслуживаетъ названіе идеи, — высшаго происхожденія, хотя и развивается въ человѣкѣ до большей или меньшей мѣры совершенства, смотря по степени развитія и образованія каждой личности. Даже въ человѣкѣ низко упавшемъ этотъ идеалъ можетъ еще

* Riehl. Die Familie. Стр. 228. »Зло не въ томъ, что много дѣтей, а въ томъ, что у множества дѣтей — нѣтъ дома. Сюда относится пословица: много дѣтей — Божье благословеніе въ домѣ: только они снимутъ послѣднюю рубашку съ плечъ. Семейство должно быть перестроено съизнова какъ перестраиваютъ жилище, и на основаніи чести, скромности и нравственности: тогда замолкнутъ жалобы на множество дѣтей, и станутъ говорить по прежнему: много дѣтей — Божья благодать. Это недобрый знакъ, — какъ будто признакъ національной и общественной дряхлости, что множество дѣтей — вмѣняется у насъ въ бѣдность, что было прежде благословеніемъ, въ томъ видимъ — отсутствіе благословенія. Посмотрите, что говоритъ старый писатель: »Дѣти — для родителей, — это теплый уголь въ зимнюю пору, забвеніе страданій, отводъ тоски, убѣжище отцу, посохъ, клюка, жезлъ на которомъ въ другой разъ зацвѣтетъ его старость, — это живое имя его рода, зеркало прошлой его юности, отраженіе всѣхъ его движеній, его лица, — картина очага домашняго! Теперь эти слова намъ бѣднымъ людямъ отзываются какою-то ироніей, потому что мы все еще ищемъ и не находимъ дома множеству дѣтей своихъ. А въ этихъ словахъ выразилось твердое, радостное убѣжденіе — болѣе чѣмъ мы крѣпкаго, болѣе чѣмъ мы, юнаго поколѣнья, которое чувствовало себя дома«.

проснуться отъ появленія чистаго женскаго существа. Это даръ, который возвышаетъ человѣка надъ низкимъ и хранить отъ пошлаго. Въ этомъ идеалѣ мужчинѣ представляется существо, назначенное ему для дополненія, потому что въ природѣ мужчины, и именно въ самой глубинѣ этой природы, самимъ Творцомъ положена потребность такого дополненія, и конечно, то что дополняетъ природу мужчины должно быть столь же благородно, какъ эта самая природа. Между всѣми живыми тварями первозданный человѣкъ не нашелъ себѣ помощницы. Жена дана ему помощницей, такой же какъ онъ самъ »подобной ему«. (Быт. II, 18). Отъ того-то въ душѣ человѣка и хранится этотъ идеальный образъ, отъ того-то пробуждается въ немъ любовь, какъ скоро встрѣтитъ онъ живую личность, въ которой думаетъ видѣть осуществленіе своего идеала, и еще съ тѣми особенностями, которыя соотвѣтствуютъ особенностямъ личной его природы. По этому любовь — далеко не въ одной только чувственной природѣ: это духовный корень, глубоко лежащій во внутреннемъ существѣ человѣка. Въ основаніи ея лежитъ идея, и любовь — есть стремленіе возбужденное этою идеей. Душу любви составляетъ уваженіе, и притомъ высочайшее уваженіе, къ какому только способенъ человѣкъ, соединенное съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ. Подобное же стремленіе возникаетъ и въ душѣ женщины. И такъ для того, чтобы сохранилась любовь, чтобы она составила основаніе высшаго земнаго счастія, непременно должно сохраниться это высокое уваженіе. Только при такомъ условіи до позднихъ лѣтъ

сохраняется въ чловѣкѣ свѣтъ идеала и тихое одушевленіе, сохраняется то очищающее вѣяніе любви, которое на цѣлую жизнь окружаетъ супруговъ и никогда не допустить ихъ отношеніямъ унизиться ни до чего пошлаго или недостойнаго.

Ясно, какъ день, что только христіанство вызвало, утвердило и даже спасло взаимное уваженіе и идеальность, какъ въ любви, такъ и въ бракѣ. Иначе и то и другое погибло-бы въ вымершемъ язычествѣ и въ новорожденномъ исламизмѣ.

Извѣстно, что природнымъ качествомъ древнихъ германцевъ было высокое мнѣніе о женщинѣ, уже содержащее въ себѣ зародышъ романтизма. Христіанство благопріятствовало этому свойству и помогло ему развиться въ пышный цвѣтокъ въ теченіе среднихъ вѣковъ. Съ почитаніемъ Св. Дѣвы соединялось самое высокое понятіе о женской чистотѣ и доблести: даже въ преувеличенномъ чтеніи женщины, до котораго дошло рыцарство — нельзя не признать благороднаго побужденія.

Но романтизмъ произошелъ изъ смѣси христіанскихъ элементовъ съ мірскими, и не есть чистое, истинно—христіанское явленіе. Хотя онъ стоитъ выше чѣмъ любовь языческая или мусульманская, но имѣетъ рѣшительно мірской характеръ. Изъ христіанства произошло нѣчто лучше и выше романтизма: супружеская любовь и вѣрность, основанная на страхѣ Божіемъ, возвышаемая и охраняемая вѣрой въ наше христіанское достоинство и вѣчное призваніе. Вотъ въ чемъ состоитъ великое различіе между мірскимъ и христіанскимъ расположеніемъ

духа. Въ духѣ міра любовь со вступленіемъ въ бракъ истощается, напротивъ въ христіанскомъ духѣ — именно со вступленіемъ въ бракъ любовь получаетъ новую силу, укрѣпляется, въ теченіе всей жизни сохраняетъ свою глубину и свѣжесть. Міру извѣстна только страсть — которая увядаетъ. Въ церкви открывается неизвѣстная міру область, въ которой исполняется слово: »мужья, любите женъ своихъ, какъ и Христосъ возлюбилъ церковь, и Самого Себя предалъ за нее, чтобы освятить ее». Ефес. V, 25—26. Міру неизвѣстны жертва и любовь Христова и Его попеченія о святости общества вѣрующихъ; христіанинъ знаетъ этотъ союзъ Христа съ церковью: образъ Его является на землѣ въ христіанскомъ бракѣ.

Даже совершенно мірской человѣкъ въ годы юности, доступные для всего высокаго, чувствуетъ въ себѣ идеальное стремленіе. Но приходитъ время, когда идеаль блѣднѣетъ въ немъ самомъ, и любимый предметъ, лишаясь мало по малу своего идеальнаго украшенія, является наконецъ совершеннымъ противорѣчіемъ прежнему представленію. Такъ заражается недовольство, домашній разладъ, и тамъ гдѣ нѣтъ строгой справедливости и бдительности, развиваются искушенія къ невѣрности и ко всякимъ беззаконіямъ. Правда, что юношескіе идеалы должны когда нибудь поблѣднѣть: это общій жребій, котораго не избѣжитъ ни одинъ человѣкъ, какъ только съ годами станутъ ощутительнѣе матеріальныя требованія жизни и ежедневная проза ея начнетъ болѣе и болѣе задерживать стремленія духа. И христіанинъ не можетъ уклониться отъ этой общей уча-

сти, но при немъ всегда остается высшее начало: оно - то охранить его отъ недовольства, домашняго бѣдствія и отъ искушеній. Его возвышаетъ сознаніе того, что ему ввѣрена сонаслѣдница его въ жизни вѣчной; это общеніе надежды располагаетъ его къ довольству, нѣжности и уваженію. Общій трудъ въ воспитаніи дѣтей для Царства Небеснаго укрѣпляетъ сердечную связь, и нѣжная, укоренившаяся въ сердцѣ забота о временномъ и вѣчномъ благѣ супруги побѣждаетъ въ немъ всѣ случайные порывы суровости и гнѣва.

Часто и въ такихъ бракахъ, которые были заключены по глубокой склонности и съ лучшими намѣреніями, уменьшается любовь и притупляется чувство нѣжности. Кому случится въ позднѣйшіе годы заглянуть поближе во внутренній бытъ такой четы, тому грустно видѣть это запустѣніе, взаимное раздраженіе, отсутствіе уваженія супруговъ другъ къ другу. Причина такого явленія скрыта, но опытная совѣсть можетъ разгадать ее. Такія явленія служатъ страшнымъ, поразительнымъ подтвержденіемъ слѣдующихъ словъ: »Мужья, обращайтесь благоразумно съ своими женами какъ съ сосудомъ слабѣйшимъ, и оказывайте имъ честь, какъ сонаслѣдницамъ животворной благодати«. (Петр. I, 3). Неумѣренность, неразумное употребленіе дозволеннаго, мало по малу навлекаютъ это бѣдствіе. Для продолжительности супружескаго счастья необходимо, чтобы въ основаніи его лежала умѣренность, нѣжное уваженіе ко всякому благородному женскому чувству. Это долгъ супруга: и надо быть особенно внимательнымъ къ

нему въ первые годы брака. Что противорѣчитъ или вредитъ тому уваженію, которое христіанинъ обязанъ соблюдать въ отношеніи къ самому себѣ и къ своимъ ближнимъ по Христу,— все то разрушаетъ и основы супружескаго счастія. Никогда не забывать этого уваженія, все болѣе и болѣе стараться быть его достойнымъ — вотъ въ чемъ самая вѣрная опора счастья для супруговъ.

Достоинство христіанина, самое твердое основаніе взаимнаго уваженія, совершенно одинаково, какъ въ мужчинѣ, такъ и въ женщинѣ—въ обоихъ одинаково высоко и свято: нѣтъ никакого различія между крещеніемъ, получаемымъ мужчиной и получаемымъ женщиной, оба одинаково участвуютъ въ Св. Причащеніи. По этому - то и говоритъ Павелъ: всѣ мы едино во Христѣ: въ немъ исчезаетъ всякое различіе между рабомъ и свободнымъ, Іудеемъ и Еллиномъ, мужчиной и женщиной. (Гал. III, 27, 28). Въ дѣтскомъ отношеніи къ Богу, во внутреннемъ общеніи съ Христомъ, въ причастіи Св. Духа — во всѣхъ этихъ отношеніяхъ къ Богу и къ высшему міру мужчина занимаетъ совершенно одинаковое мѣсто съ женщиной.

Впрочемъ это не измѣняетъ ни одного изъ тѣхъ отношеній, которыя Богъ установилъ между людьми для здѣшной жизни. Безъ сомнѣнія Павелъ былъ далекъ отъ мысли проповѣдывать политическое равенство и общій раздѣлъ земныхъ благъ въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ это коммунисты. Точно также

не думалъ онъ о томъ уравненіи общественнаго положенія мужчины и женщины, которое стали предлагать въ новѣйшее время. Положеніе мужчины и женщины твердо и неизмѣнно опредѣлено самимъ Богомъ: это законъ данный Богомъ при сотвореніи человѣка, законъ природы человѣческой. Христіанство не опровергло его: онъ подтверждается новымъ завѣтомъ. На немъ основано гармоническое отношеніе въ христіанскомъ бракѣ. Узнать и уразумѣть его — задача, по видимому, легкая, но она чрезвычайно рѣдко разрѣшается.

По восточнымъ понятіямъ женщина унижена до положенія рабы передъ мужчиной; романтическая идея чрезмѣрно возвысила ее передъ мужчиной, какъ повелительницу. Оба понятія — одинаково ложныя, хотя романтическое понятіе — благородная ошибка. Обѣ эти крайности еще и теперь въ обыкновенной жизни борются и сталкиваются одна съ другою. Христіанское понятіе равно далеко и отъ той и отъ другой крайности; оно возвышается надъ ними, какъ истинно-золотая середина.

Священное Писаніе учитъ, что жена должна подчиняться мужу; объ этомъ Новый Завѣтъ одинаково учитъ какъ и ветхій. Основаніе этого подчиненія — въ самомъ твореніи, потому что »Адамъ созданъ прежде, а послѣ Ева«, — и въ паденіи прародителей, потому что Адамъ не согрѣшилъ (пока былъ одинъ), а жена ввела его въ преступленіе. Такъ говоритъ Павелъ (1 Тим. II, 13, 14). Послѣ паденія на каждого изъ нихъ легло особенное бремя. Подчиненіе женщины подтверждено и, можно сказать, еще усилено.

Богъ сказалъ ей: »въ болѣзняхъ будешь родить дѣтей, воля твоя должна быть подчинена волѣ твоего мужа и онъ будетъ твоимъ господиномъ«; а мужу сказалъ: »проклята земля изъ-за-тебя, тернъ и волчецъ она будетъ произращать тебѣ, и ты принужденъ будешь питаться полевою травою. Въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ, пока не возвратишься въ землю, потому что ты изъ нея взятъ«. (Быт. III, 16—19). Что бы ни стали возражать противъ этихъ словъ, они остаются до сихъ поръ въ полной силѣ первобытнымъ закономъ, которому долженъ покориться падшій человѣкъ, если не рѣшился еще болѣе удалиться отъ Бога. Здѣсь не поможетъ никакое сопротивленіе; слова эти изъ рода въ родъ дѣйствуютъ: предѣлы эти остаются въ томъ же видѣ; это бремя никто не въ силахъ сложить съ себя. Мужу предоставлена власть, но вмѣстѣ съ властью наложены на него тяжкая забота и суровый трудъ на неблагодарной почвѣ земнаго призванія; во всякомъ званіи долженъ онъ вкусить горечь того проклятія, которое ради человѣка постигло землю. Охотно отказался бы онъ отъ господства, если бы вмѣстѣ съ тѣмъ сняты были съ него трудъ и забота. Женщинѣ трудъ кажется не страшнымъ, но ее привлекаетъ власть; самое тяжкое для нея испытанье — постоянная необходимость ограничивать свою волю. Такъ—мужчинѣ и женщинѣ назначено такое бремя, какое особенно тяжело для той и для другаго по естественнымъ ихъ наклонностямъ. Человѣкъ естественный дѣйствительно чувствуетъ въ этомъ бремени проклятіе, и нисколько не удивительно, что оно становится

для него невыносимо: такъ должно быть. Тяжесть бремени должна быть такова, чтобы человекъ почувствовалъ, что не сможетъ нести его безъ Бога: бремя земной жизни принудить его — искать Бога. Съ этой минуты въ видимомъ проклятіи открывается для него тайное благословеніе. Тягость уменьшается до половины и служить человекъ для необходимаго очищенія, она является дѣйствіемъ божественной мудрости и любви, которое должно приготовить и воспитать человека для царствія Божія.

Не станемъ же удивляться, что въ такое время, когда люди менѣе чѣмъ когда либо расположены обращаться къ Богу, хотятъ съ терпѣньемъ покориться наказанію отъ Духа Божія, — въ такое время выказываются не только желанія, но и попытки разорвать узы, которыми Богъ связалъ и скрѣпилъ человеческое общество. Это совершенно естественно и слѣдовало бы удивляться, когдабъ этого не было. Всѣ отношенія, которыя получили начало отъ Божественнаго установленія, искажены; всякая власть, какую только Богъ далъ человекъ надъ человекомъ, употреблялась во зло: — и государственная, и родительская, и — точно также власть мужа надъ женою. Нѣтъ на человеческомъ языкѣ словъ, чтобъ выразить все множество и всю тяжесть страданій женщины и въ бракѣ и внѣ брака. Есть ли хоть одинъ угнетенный и измученный народъ, который имѣлъ бы болѣе правъ на состраданіе и помощь, чѣмъ женская половина рода человеческого? Напрасно говорятъ, что у нея слишкомъ много явилось защитниковъ отъ притѣснителей; скорѣе можно сказать: слишкомъ мало.

Зло дѣйствительно такъ велико — какимъ изображаютъ его благороднѣйшіе изъ соціалистовъ и проповѣдниковъ эманципаціи женщинъ*. Невозможно опровергнуть факты, на которые они указываютъ. Но мы вовсе не согласны съ ними въ выборѣ средства къ уничтоженію зла, и путь, которымъ они надѣются достигнуть улучшенія, совершенно расходится съ нашимъ. Они хотятъ распутать узелъ этихъ отношеній безъ Бога, тогда какъ одинъ только Онъ можетъ разрѣшить его. Не желая обратиться для этого къ Богу, внѣ этого пути, они естественно обращаются къ насилію, къ насильственному разрушенію отношенія, которое очевидно искажено, и которое они понимаютъ и изучаютъ только въ искаженномъ видѣ. Для исхода изъ политическихъ бѣдствій они представляютъ себѣ одно только средство — низверженіе властей; для общественныхъ вопросовъ они находятъ одно только рѣшеніе — въ уничтоженіи между людьми различія по сословіямъ и по имуществу: точно такъ же единственнымъ средствомъ помочь угнетенному полу представляется имъ совершенное уравненіе угнетаемыхъ съ притѣснителями. Но безъ вѣры въ Бога нѣтъ средства разрѣшить всѣ эти затрудненія; только вѣра даетъ намъ уразумѣть зло міра общественнаго, даетъ надежду исправить его путемъ правды и закона. Вѣра Христова удерживаетъ руку нашу отъ насилія и отъ неправды. Надежда христіанская утѣшаетъ насъ тѣмъ, что придетъ цар-

* Гиппель въ своемъ сочиненіи: *Ueber die bürgerliche Verbesserung der Weiber.* Berlin. 1792, — говоритъ объ этомъ много правды, которую не мѣшало бы нашимъ законодателямъ принять во вниманіе.

ство, въ которомъ воля Божія будетъ исполняться на землѣ такъ же, какъ на небеси. А до тѣхъ поръ, — пока смертный родъ человѣческій долженъ переносить послѣдствія своего преступленья, для всѣхъ его страданій есть утѣляющій бальзамъ въ утѣшеніи вѣры Христовой: она подаетъ и особенную, чрезвычайную помощь каждому человѣку, кто прибѣгаетъ въ скорби своей къ Богу. Границы эти поставлены Богомъ; кто вѣрно чтитъ ихъ, не смотря на всѣ злоупотребленія человѣческія, тотъ чтитъ Бога и Богъ воздастъ ему честью. Богъ возложилъ на человѣка это иго и кто покоряется ему, того Богъ не допуститъ до гибели, потому что свѣше силъ никому не попускаетъ искушенія.

Древнее установленіе для мужа и жены и теперь твердо: Верховный виновникъ его никогда его не измѣнитъ и не допуститъ измѣнить его. Но суровость его уже смягчилась, горечь проклятія ослабилась, сокровенное благословеніе обнаружилось и все отношеніе просвѣтилось уже новымъ свѣтомъ для тѣхъ, кто — во Христѣ живетъ. Христіанскій бракъ для того, кто по Духу Христову живетъ въ бракѣ, самъ по себѣ есть уже исцѣленіе отъ тѣхъ бѣдствій, которыя хотятъ уничтожить безразсуднымъ предложеніемъ эманципаціи.

»Жены, своимъ мужьямъ покоряйтесь, какъ Господу. Потому что мужъ есть глава жены, какъ и Христосъ глава церкви и вмѣстѣ Спаситель тѣла. Но, какъ церковь повинуется Христу, такъ и жены своимъ мужьямъ во всемъ. Мужья, любите женъ своихъ, какъ и Христосъ возлюбилъ церковь, и Самого Себя пре-

далъ за нее, чтобы освятить ее. Каждый изъ васъ свою жену долженъ любить какъ себя самаго, а жена—да боится своего мужа». Ефес. V, 21—33. Здѣсь ни однимъ словомъ не порицается власть мужа. Но въ этихъ словахъ она представляется самою нѣжной, безкорыстной и благородной властью. И точно, — какая власть можетъ быть чище и святѣе владычества Христа, какъ главы церкви, надъ церковью, ко благу церкви? Здѣсь тѣснѣйшее сродство, полнѣйшее духовное единеніе, — самое вѣрное уравненіе правъ, какое только возможно представить себѣ, не уничтожая власти и подчиненія. Самая нѣжная кротость со стороны власти, и вмѣстѣ съ тѣмъ самое глубокое уваженіе со стороны подвластной. Когда въ христіанскомъ бракѣ отражается подобное настроеніе духа, — въ немъ нѣтъ уже ни капли первобытной горечи. Прежняя печальная разлада между суровостью съ одной стороны и сопротивленіемъ съ другой, сливается въ душевную гармонію. Здѣсь ужъ не можетъ быть прихотливыхъ порывовъ къ свободѣ, желанья вернуться назадъ, потому что каждая сторона выполняетъ свое назначеніе въ союзѣ и потому чувствуетъ себя вполне счастливою.

Такимъ, и не иначе какъ такимъ слѣдовало бы быть каждому браку между христіанами; каждый бракъ долженъ быть откровеніемъ самой высокой вѣрности и самаго глубокаго единенія. Вотъ какая высокая цѣль указана каждому христіанину, при вступленіи въ бракъ. Необходимая для того благодать предлагается каждому въ церковномъ благословеніи. Сохранить эту благодать, открыть свободному ея

дѣйствию всѣ стороны нашего земного бытія — вотъ задача, которой должны быть посвящены всѣ наши силы.

При мужѣ остается власть ему данная. Но она должна казаться мужу не преимуществомъ, а долгомъ. Съ мыслию объ этой порученной власти пусть всегда соединяется у него мысль и объ отвѣтственности на него возложенной. На это правительство онъ долженъ смотрѣть какъ на бремя, которое указано ему несть на себѣ. Все, что дѣлается въ домѣ, должно дѣлаться по его волѣ, потому что на немъ лежитъ отвѣтственность за все. Онъ не долженъ скрывать отъ себя эту отвѣтственность, не долженъ, увлекаясь слабостью, искать средствъ какъ бы сложить ее съ себя, потому что это не въ его волѣ. Можетъ случиться, что въ слѣдствіе ложной уступчивости пожертвуетъ онъ тѣмъ, что считаетъ справедливымъ и полезнымъ, но этимъ не избѣжитъ отчета за все, что дѣлается въ семействѣ съ его вѣдома. Ничто не можетъ извинить его, если въ домѣ своемъ онъ оставляетъ безъ вниманія что нибудь безразсудное, вредное или постыдное. Напрасно будетъ онъ оправдываться, что дѣлаетъ это изъ любви къ миру, — что во избѣжаніе большаго зла въ домашнемъ разладѣ, выпустилъ изъ рукъ кормило правленія. Оно было вручено ему не человѣкомъ, а Богомъ. Безъ тяжелаго педантизма, разумно и кротно, во всѣхъ важныхъ случаяхъ онъ обязанъ твердо и рѣшительно удерживать за собой положеніе главы дома.

На мужчину возложена тяжелая забота о содержаніи дома. Женскій нравъ, склонный къ заботливости, охотно принялъ бы на себя и это бремя. Но оно слишкомъ тяжело для женщины. Организмъ мужчины крѣпче: въ душѣ его болѣе природной силы: онъ тверже устоитъ подъ тяжестью заботъ о средствахъ къ жизни. Сердце женщины скорѣе теряетъ бодрость и предается унынію: и отъ того Богу угодно было облегчить ее отъ этихъ заботъ. На долю жены приходится храненіе временныхъ благъ, вѣрное распоряженіе ими, а самые главные труды и заботы о приобрѣтеніи нужнаго для жизни, падаютъ на одного мужа. Бережливость, умѣренность, вѣрность и заботливость въ частностяхъ — вотъ домашнія добродѣтели жены; неутомимая дѣятельность для поддержанія цѣлаго — дѣло одного мужа. Достаточно велико для жены и бремя заботы о дѣтяхъ и объ управленіи домашнимъ хозяйствомъ. Мужъ пусть отвѣчаетъ одинъ за свое дѣло, чтобъ жена не имѣла повода брать на себя болѣе того, что на нее возложено: »Такъ мужья должны любить своихъ женъ какъ свои тѣла, Кто любитъ свою жену, тотъ любитъ самого себя. Ибо никто никогда не имѣлъ ненависти къ плоти своей, но питаетъ и грѣетъ ее, какъ и Господь церковь«. Ефес. V. 28, 29. Не одно только содержаніе мужъ обязанъ доставлять женѣ: долгъ мужа — нѣжная заботливость объ ней, кроткое и деликатное обращеніе съ нею: »вы, мужья, обращайтесь благоразумно съ женами, какъ съ сосудомъ слабѣйшимъ«. (Петр. 1-е. III, 7).

Какъ согласить съ этимъ тѣ чрезмѣрныя тягости,

которыя обыкновенно лежатъ на хозяйкѣ въ среднемъ и нисшемъ сословіи? Неестественно, несправедливо такое чрезмѣрное отягощеніе женщины, и нигдѣ можетъ быть, несправедливость эта не выказывается въ такой степени, какъ въ Германіи. Нѣмецкая хозяйка, самая трудолюбивая и аккуратная, какая только можетъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ обременена болѣе чѣмъ гдѣ нибудь. Не то, чтобы она страдала особенно отъ тиранніи мужа, отъ ревности и страсти: нѣтъ, бремя ея состоитъ въ излишествѣ трудовъ и заботъ, которыя ей предоставлены и которыя она принимаетъ на себя даже и тогда, когда мужъ этого не требуетъ. Исторія Вейнсбергскихъ женщинъ носить на себѣ истинно германскій характеръ. Вмѣсто того, чтобы защищать родной очагъ до послѣдней возможности, мужья ищутъ спасенія въ женахъ: жены выносятъ ихъ на плечахъ, чтобы спасти имъ жизнь и свободу.

Не христіанство, а германскій обычай и конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ и германская бѣдность — причиной того, что хозяйка дома превратилась въ служанку. Разъ вкоренившись, это ложное правило принимается уже и тамъ, гдѣ никакая нужда не можетъ извинить подобнаго извращенія семейныхъ отношеній. Совершенно иные обычаи видимъ въ Англіи и въ Америкѣ, за исключеніемъ такихъ хозяйствъ, въ которыхъ рѣшительная нужда и бѣдность останавливаютъ всякое свободное, правильное развитіе.

У насъ главное правило для хозяйки: дѣлать самой какъ можно болѣе; тамъ: дѣлать самой какъ можно менѣе. Здѣсь — такое мнѣніе, что обдумывать,

распоряжаться и надсматривать вовсе не работа и хозяйкѣ кажется, что ей стыдно, когда она ничего, кромѣ этого не дѣлаетъ; тамъ напротивъ, именно въ этомъ и полагаютъ задачу и особенную работу хозяйки. Кто сидитъ у руля, совершенно покоенъ и кажется ровно ничего не дѣлаетъ, а между тѣмъ его работа самая необходимая и важная для всѣхъ. У насъ хозяйка въ постоянной тревогѣ отъ одной мысли объ томъ, что чего она сама не сдѣлаетъ, то сдѣлается не такъ какъ надо, и отъ этого слуги никогда не знаютъ въ точности, какое на комъ лежитъ дѣло. Тамъ все основано на той мысли, что каждый долженъ въ точности исполнить свое дѣло, и отъ того каждый въ домѣ знаетъ въ точности, что ему слѣдуетъ дѣлать на каждую четверть часа. Конечно для этого надобно имѣть болѣе средствъ, болѣе прислуги и самую прислугу исправнѣе чѣмъ у насъ: правда, что и тамошніе слуги при тѣхъ качествахъ, какихъ нѣтъ у нашихъ, отличаются отъ нашихъ слугъ и своими особенными недостатками. Но тамошній обычай все-таки имѣетъ то великое преимущество, что при немъ легче трудъ для хозяйки дома, не такъ истощаются ея силы и она удобнѣе можетъ поддерживать уваженіе, которое принадлежитъ ей въ домѣ. Нравственный долгъ cadaго мужа—доставить женѣ своей такое положеніе, — на сколько позволяютъ обстоятельства.

Мужъ долженъ всячески избѣгать суровости въ употребленіи ввѣренной ему власти. Она дана ему не для униженія, а для возвышенія жены. Онъ назначенъ быть не притѣснителемъ, а опорой своихъ до-

машнихъ. Когда жена довѣрчиво принимаетъ къ сердцу планы и предпріятія мужа, — въ этомъ сердечномъ ея участіи есть что-то привлекательное для нравственного чувства. Но эта преданность жены интересамъ мужа нисколько не уменьшаетъ ея достоинства. Однако и мужъ не долженъ безусловно слѣдовать одной своей волѣ. Правда, что ему одному принадлежитъ рѣшеніе, однакожь не въ немъ одномъ весь разумъ, и во многихъ случаяхъ нельзя ему обойтись безъ совѣта жены. Жена съ своей стороны никогда не должна стараться разрушить планы мужа и противодѣйствовать его распоряженіямъ; не слѣдуетъ ей никакъ увлекаться склонностью къ противорѣчію. Пусть возражая, она никогда не забываетъ уваженія къ мужу: но пусть и не скрываетъ отъ него всѣхъ своихъ возраженій противъ его намѣренія, и противоположныхъ своихъ видовъ или желаній. Выказала она все, что у нея было на сердцѣ: пусть не продолжаетъ далѣе рѣчи и спокойно предоставитъ рѣшеніе на волю мужа. Если дѣло такъ важно, что отъ исхода его можно опасаться бѣды, пусть она обратится къ Богу съ молитвой направить волю мужа къ добру; тогда можетъ она успокоиться: Богъ услышитъ ее и наградитъ ея покорность. Мужъ съ своей стороны долженъ принимать съ благодарностью все, что скажетъ ему жена. Онъ не долженъ себя одного считать умнымъ и презрительно думать объ умѣ жены своей. Онъ долженъ обращать вниманіе на ея желанія и тщательно обсуживать всѣ ея совѣты, но окончательное рѣшеніе—его дѣло. Сарра называетъ Авраама господиномъ, и Новый Завѣтъ

ставить ее въ этомъ за образецъ христiанскимъ женщинамъ. (1. Петр. III, 6). Однако Авраамъ, по велѣнію Божію, послушалъ желанія Сарры и исполнилъ его. (Быт. XX, 112).

У каждаго человѣка есть склонность отличиться не въ своемъ дѣлѣ и показать себя умнымъ въ томъ, къ чему не дано ему призванія. Въ такую ошибку впадаетъ жена, когда упорно вмѣшивается въ важныя дѣла и обстоятельства своего мужа. Въ такую же ошибку впадаетъ и мужъ, когда вмѣшивается во всѣ мелочи домашняго хозяйства, воображая, что болѣе жены смыслить въ этомъ дѣлѣ.

Жена должна смотрѣть съ уваженіемъ на обыкновенный кругъ дѣятельности мужа. Мужу не слѣдуетъ пренебрегать скромною дѣятельностью жены. Онъ совершенно не правъ, когда думаетъ, что ея занятія слишкомъ мелки. Говоря объ нихъ съ неуваженіемъ, онъ наноситъ ей обиду, которую послѣ не легко загладить. Бѣда поднимается не рѣдко изъ такихъ обстоятельствъ, которыя сначала кажутся ничтожными.

»Мужья! любите женъ своихъ, не будьте къ нимъ суровы«. (Колос. III, 19). Въ этихъ словахъ Павелъ преимущественно указываетъ на одну, — и главнѣйшую вину мужей противъ женъ, именно на раздражительность и грубость. Часто изъ одной этой вины разрушаются самыя лучшія отношенія, которыя, казалось, ничто не могло поколебать. Надѣясь черезъ мѣру на то, что въ сердцѣ любить жену и не худаго ей желаетъ, мужъ не заботится удерживать передъ женою порывы дурнаго расположенія своего духа. Гдѣ слѣ-

довало бы ему особенно выказать нѣжность и внимательность, тамъ онъ позволяетъ себѣ совершенное невниманіе и небрежность. Передъ всѣми посторонними является онъ по праздничному, чужимъ показываетъ всю свою внимательность: только домашніе видятъ его совсѣмъ въ другомъ видѣ. Но ужь если показывать непріятный видъ кому бы то ни было, то лучше постороннему, чѣмъ такому существу, которое вполне отдалось ему, которое онъ обязанъ каждый день радовать, болѣе и болѣе привязывать къ себѣ — нѣжной внимательностью и деликатнымъ обращеніемъ. Если онъ имѣетъ причину къ неудовольствію, то пусть выскажетъ ее наименѣе непріятнымъ образомъ, и съ глазу на глазъ. Всякое осужденіе при дѣтяхъ, всякій упрекъ въ присутствіи посторонняго — горькая обида для жены и вмѣстѣ униженіе для самаго мужа.

Не слѣдуетъ быть невнимательнымъ къ наружнымъ формамъ обращенія: онѣ служатъ немаловажною поддержкой того взаимнаго уваженія, на которомъ долженъ быть основанъ христіанскій бракъ. Безъ сомнѣнія это уваженіе должно происходить изъ глубокаго внутренняго источника; въ противномъ случаѣ вмѣсто внутренняго чувства останутся голыя манеры и церемоніи; но нельзя не сказать, что наружное должно соотвѣтствовать внутреннему, и внимательность супруговъ къ приличію въ каждодневномъ обращеніи другъ съ другомъ никакъ не слѣдуетъ почитать не нужною, скучною или смѣшною. Этого рода приличіе — нисколько не мѣшаетъ задушевности въ обращеніи. Небрежность въ домашнемъ

обращеніи, въ одеждѣ и въ рѣчахъ близко граничить съ равнодушіемъ и невнимательностью. Какъ опрятность сродна съ чистотой душевной, и пренебреженіе первой имѣетъ связь съ пренебреженіемъ къ послѣдней, такъ точно пренебреженіе къ требованіямъ изящества и вкуса ведетъ къ неуваженію личнаго достоинства, какъ въ себѣ, такъ и въ другомъ.

Домашнее счастіе — самое высокое, какое можетъ быть на землѣ; уменьшеніе его въ настоящее время сравнительно съ благочестивою стариной, представляетъ скорбное зрѣлище: но тутъ же виденъ и праведный судъ за уменьшеніе вѣры и оставленіе добрыхъ отеческихъ нравовъ. Но кому еще случается встрѣтить непомраченное семейное счастіе, на того одинъ видъ такого счастья производитъ самое благотворное впечатленіе. Отъ насъ самихъ зависитъ умножить себѣ семейное счастье: стоитъ только захотѣть этого. Но мы сами пренебрегаемъ и оставляемъ безъ употребленія и то, что для насъ еще доступно. Въ большомъ свѣтѣ разучились ужъ понимать старинную пословицу, что свой очагъ — золотой очагъ, и хотъ по обычаю роднаго края, доброе хозяйство у насъ наполнено всякимъ добромъ, но свой домъ пересталъ ужъ быть источникомъ самыхъ чистыхъ радостей и наслажденій. Кто питаетъ въ себѣ любовь къ дому и своимъ примѣромъ старается развить ее въ другихъ, тотъ доброе дѣло дѣлаетъ. Во всемъ народѣ развилось великое нравственное зло; оно состоитъ въ томъ, что мужъ ищетъ себѣ отдыха и развлеченія не въ домашнемъ кругу, а гдѣ нибудь въ

другомъ мѣстѣ. Мы не говоримъ о бѣдныхъ, которые почти вовсе не имѣютъ домовитости, но о безчисленномъ множествѣ тѣхъ, которые могутъ ее имѣть но ею не пользуются. Наша Южная Германія покуда еще не заражена всеразрушающимъ ядомъ Сѣверной Германіи—водкою. Но и здѣсь семейная жизнь чрезвычайно страдаетъ отъ того, что мужья, вмѣсто того, чтобы въ домашнемъ кругу искать себѣ наслажденій, — тратятъ свой праздничный вечеръ, — въ одномъ этомъ словѣ что за святая поэзія! — пошлымъ образомъ, въ пустыхъ разговорахъ трактирнаго кружка. Въ высшемъ сословіи эта жажда развлеченій облекается въ болѣе тонкія формы; но и здѣсь точно также удаляется она отъ чистаго источника радостей. И здѣсь тоже, мужъ, окончивъ дневные труды свои, стремится какъ можно скорѣе оставить домашній очагъ.

Отъ этого терпятъ женщины, но и онѣ не безъ вины. Мужъ долженъ искать счастья въ семьѣ своей, но дѣло жены заботиться о томъ, чтобы онъ могъ здѣсь найти его. Она должна жить не только для дѣтей, но и для мужа. Женщина въ Германіи слишкомъ расположена къ той мысли, что когда у ней есть дѣти, требующія все болѣе и болѣе ухода и попеченія, — въ дѣтяхъ заключается вся сфера ея дѣятельности; но не слѣдуетъ ей забывать и того, что она вмѣстѣ съ тѣмъ — помощница своего мужа, слѣдовательно должна выполнить и эту часть своего призванія. Мужъ тоже всегда имѣетъ право на ея вниманіе, и задача ея — сдѣлать для него домъ желаннымъ пріютомъ. Ея дѣло — позаботиться чтобы воз-

вращаясь домой, послѣ дневнаго труда своего, онъ нашелъ все въ домѣ по своему желанію и могъ закончить день свой въ тишинѣ семейнаго круга, въ доверчивой бесѣдѣ съ домашними. Она не должна показывать равнодушіе къ тому, что его печалитъ и радуетъ. Она съ участіемъ слѣдитъ за его занятіями, хотя бы они, по видимому, и выходили изъ сферы обыкновенной женской дѣятельности. Нельзя провести безусловную рѣзкую черту, далѣе которой не должно простираться женское образованіе и участіе женщины въ умственныхъ интересахъ. Если тотъ, съ кѣмъ связана жизнь ея, — человѣкъ высшаго образованія, — она не только имѣетъ право, но и обязана слѣдовать за нимъ въ умственную его сферу. Нечего опасаться, что при этомъ можетъ она впасть въ неприличное литературное кокетство, — если только она не имѣетъ претензіи мудрить съ мужемъ и поучать его, а относится къ его дѣятельности въ духѣ простоты, любви и уваженія. Оставаясь возлѣ мужа съ горячею преданностью ему и его дѣлу, она можетъ достигнуть высокой степени образованія и вмѣстѣ съ тѣмъ удержатъ при себѣ всю женственность своей натуры.

Такимъ образомъ и мужъ и жена, давая и умножая другъ другу счастье, помогая другъ другу въ духовномъ развитіи, должны соединяться въ общемъ стремленіи къ возможному осуществленію идеала семейной жизни.

Вотъ нѣкоторыя черты того состоянія, которое происходитъ отъ примѣненія основныхъ христіанскихъ началъ къ естественнымъ человѣческимъ отношеніямъ. Всякое уклоненіе отъ установленнаго Богомъ порядка производитъ уродство; чѣмъ бы ни извиняли такое уклоненіе, — послѣдствія его все таки отвратительны и въ эстетическомъ и въ нравственномъ отношеніи. Душевная энергія, острый умъ, благочестіе — прекрасныя качества въ женщинѣ; но когда энергическая жена держитъ въ бездѣйствіи слабаго мужа, когда умная жена принуждаетъ мужа къ молчанію и блескомъ своей рѣчи выказываетъ темную его незначительность, наконецъ, когда благочестивая жена даетъ замѣтить, что мужъ меньше ея просвѣщенъ и холоднѣе сердцемъ, — это производитъ на насъ непріятное впечатленіе. А всего непріятнѣе, когда послѣднее явленіе соединяется со вторымъ.

Жена и по природному уму и по христіанскому просвѣщенію можетъ быть выше своего мужа. Благочестіе даже обыкновенно чаще встрѣчается въ женщинахъ, чѣмъ въ мужчинахъ. Женская душа доступнѣе христіанской истинѣ; это выказывалось повсюду и въ самомъ началѣ распространенія христіанства. Святые евангельскія жены показали такую твердость въ вѣрѣ, какой не было даже у первыхъ учениковъ Христовыхъ. Во времена охлажденія вѣры нельзя не замѣтить, что женщины обыкновенно возвращаются къ ней прежде мужчинъ, и гораздо чаще приходится благочестивой женѣ христіанкѣ терпѣть отъ мужа, чѣмъ на оборотъ — мужу отъ жены.

Представимъ себѣ величайшій, самый тяжелый раз-

ладъ, какой можетъ быть между мужемъ и женою: со стороны жены самое искреннее и глубокое благочестіе, — со стороны мужа — свѣтскую пустоту, невѣріе и тиранскую суровость: при всемъ этомъ положеніе женщины, установленное Богомъ, нисколько не измѣняется. Ея обязанности къ мужу остаются тѣ же; она должна относиться къ нему съ такою же почитательностью, какъ и въ томъ случаѣ, когда мужъ ея человѣкъ самаго просвѣщеннаго и кроткаго нрава. Христіанское ея сознаніе не только не ослабляетъ, но еще усиливаетъ эту обязанность. Положеніе ея такого рода, что въ немъ исполненіе долга становится крайне тягостно, но самое ея благочестіе даетъ ей особенную силу для исполненія. Какъ неразрушимъ союзъ брака, такъ точно неотразима и заповѣдь покорности въ бракѣ. Что Богъ соединилъ, того человѣкъ да не дерзаетъ разлучить; никто не смѣетъ коснуться власти Богомъ установленной; — всего менѣе подъ предлогомъ особенной любви къ Богу. Если мы видимъ, что въ наше время съ религіозной точки зрѣнія благочестіемъ и любовью къ Богу оправдывается — возвышеніе жены надъ мужемъ, тайное презрѣніе къ мужу, даже разводъ — у нѣкоторыхъ сектантовъ, то это, безъ сомнѣнія, печальный признакъ того, что у насъ исказилось самое понятіе о благочестіи.

Совсѣмъ другому учитъ Св. Апостолъ Петръ, и еще въ такое время, когда многія жены христіанки должны были терпѣть отъ своихъ мужей — язычниковъ. »Также и вы, жены, повинуйтесь своимъ мужьямъ, дабы тѣ изъ нихъ, которые не покоряются слову,

житіемъ женъ своихъ безъ слова пріобрѣтаемы были, когда увидятъ ваше чистое и богобоязненное житіе. Да будетъ украшеніемъ вашимъ не внѣшнее плетеніе волосъ, не золотые уборы, не наряды въ одеждѣ: но сокровенный сердца человѣкъ въ нетлѣнномъ украшеніи кроткаго и спокойнаго духа, что драгоцѣнно предъ Богомъ. Такъ нѣкогда и святыя жены, уповавшія на Бога, украшали себя, повинувась своимъ мужьямъ. Такъ Сарра повиновалась Аврааму, господиномъ называя его; вы дѣти ея, если дѣлаете добро, и не смущаетесь ни отъ какого страха. Петр. 1 посл. III. 1—6.

Положеніе жены — христіанки въ наше время не можетъ быть тяжеле, чѣмъ было тогда положеніе христіанки въ домѣ язычника. Такихъ страданій и насилій совѣсти, какія описаны ученымъ епископомъ Мюнтером*, нельзя и вообразить себѣ теперь у христіанскаго народа, не смотря на глубокій упадокъ чистыхъ нравовъ въ церкви христіанской. Тѣ женщины не отступали отъ добра и правды ни передъ какими ужасами, онѣ должны были исполнять христіанскія обязанности и вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгать идолопоклонства, хотя бы даже пришлось терпѣть мученичество. Но вмѣстѣ съ тѣмъ имъ поставлены были въ обязанность почтеніе къ мужьямъ, кротость, молчаніе и покорность во всемъ, въ чемъ не видно грѣха. Въ этомъ смыслѣ, съ этими качествами должны были онѣ почитаться христіанками. Такъ точно

* См. сочиненіе Фр. Мюнтера: Христіанка въ языческомъ домѣ до времени Константина »Die Christin im Heidnischen Hause vor den Zeiten Constantins. Copenhagen. 1828.

и теперь въ этихъ добродѣтеляхъ жена должна видѣть истинное исповѣданіе Христа, а въ нарушеніи ихъ—отреченіе отъ Христова закона. Не слѣдуетъ ей думать, что мужъ только тогда получить право на ея почтеніе, когда будетъ жить въ духѣ ея, приметъ ея образъ мыслей. Она сама должна предупредить мужа, и не для виду только, не изъ хитрости, не съ тѣмъ расчетомъ, чтобы властвовать надъ мужемъ подъ личиною покорности. Въ мужѣ она должна видѣть Христа и дѣйствовать всегда въ духѣ крѣпкой вѣры, что почитая мужа, почитаетъ Христа, который поставилъ его во главу ей. Кто носитъ званіе царя, судьи или отца, на томъ отражается величіе верховнаго Царя, Судьи и Отца: такъ и на мужѣ, какъ на главѣ дома, отражается величіе Божіе. Какъ для христіанина кажется священною особа Государя, облеченнаго свыше земною властію, такъ и жена — христіянка должна взирать на своего мужа, какъ бы онъ ни исполнялъ свой долгъ, какъ бы мало ни было въ немъ разума и вѣрности. Если вѣритъ она въ Бога и въ Божественный промыслъ, руководствующій и воспитывающій человѣка, то пусть признаетъ дѣйствіе этого промысла даже въ тѣхъ страданіяхъ, которыя терпитъ отъ мужа: пусть покоряется съ увѣренностью, что это школа ея, въ которой она должна научиться самой трудной изъ христіанскихъ добродѣтелей — терпѣнію и тому истинному христіанству, которое »не въ словѣ а въ силѣ«, единственному христіанству какое угодно Богу и достойно своего имени. Пусть возлагаетъ надежду на Бога, вѣря, что мужъ посланъ ей во благо, и что это благо найдетъ она

только въ смиренной преданности мужу. Если это не согласно съ высокимъ ея мнѣніемъ о себѣ самой и низкимъ мнѣніемъ о мужѣ, если это не понятно для нея, — тогда пусть подумаетъ какъ бы въ презрѣніи къ мужу не показать ей пренебреженія къ Богу и не отлучиться отъ источника всякаго благословенія. Не въ томъ, что льститъ ея чувствамъ и желаніямъ, а именно въ той суровой долѣ, которая назначена ей, для ея воспитанья, Божественнымъ провидѣніемъ, должна она видѣть помощь Божію для приготовленія къ Царству Небесному. Пока она не исполнила всего этого, пусть не удивляется, что мужъ ея не измѣняется къ лучшему. А если она исполняетъ весь свой долгъ, то увидитъ силу Божію.

Жена должна отречься отъ склонности высказывать всѣ свои чувства и замѣчанія. Если удалось ей положить въ себѣ начало христіанскаго познанія, пусть не спѣшитъ склонять мужа на свою сторону краснорѣчивымъ убѣжденіемъ. Лучше пусть уговоритъ его, чтобы пошелъ вмѣстѣ съ ней слушать евангельское ученіе, но не должна брать на себя — поучать своего мужа. Такая попытка никогда не удастся ей: и не мудрено что не удастся. Отъ одного зла происходитъ другое, еще большее: начинается съ убѣжденія, оканчивается жалобами, укоризной, раздражительною проповѣдью. За этимъ слѣдуетъ неудовольствіе, холодность, отчужденіе, — и вотъ положено начало постоянному семейному злу. »Жены, повинуйтесь своимъ мужьямъ, дабы тѣ изъ нихъ, которые не покоряются слову, житіемъ женъ своихъ безъ словъ пріобрѣтаемы были«. Грубость сердца и склон-

ность къ сомнѣнѣямъ обыкновенно препятствуютъ дѣйствию евангельской проповѣди въ мужчинѣ; большею частью невозможно словомъ разрушить эту твердыню и отыскать путь къ загрубѣвшему сердцу. Но къ этому сердцу есть еще другой путь, хоть трудный, но вѣрный: есть другое средство дѣйствовать на совѣсть; — медленно и тихо, но съ непобѣдимой силой, средство это приводитъ къ цѣли: этотъ путь — есть самая жизнь, чистая жизнь терпѣливой, безмолвной, надѣющейся и любящей жены. Иногда мужъ долго не внимаетъ и этому свидѣтельству, самое доброе и чистое толкуетъ въ дурную сторону, чтобъ изгладить впечатленіе изъ своей совѣсти. Но придетъ когда нибудь »день посѣщенія«, (1 Петр. II, 12) не отъ человѣка, а отъ Бога; завѣса снимется съ глазъ и человѣкъ, подобно посвященному въ таинство, съ изумленіемъ увидитъ скрытую до тѣхъ поръ тайну глубокаго христіанскаго вѣденія. Еще во-время, ко спасенію своему, узнаетъ онъ ее и возблагодаритъ Бога за терпѣніе жены своей въ долгой скорби.

Попеченіе о святости жены — важнѣйшій долгъ мужа-христіанина. Образецъ ему — Христосъ, который принесъ себя въ жертву за церковь, чтобъ освятить ее. Обязанность мужа не только служить для жены образцемъ христіанской жизни, но и употреблять всѣ силы, чтобы въ церкви — сдѣлать ей доступнымъ благословеніе Божіе во всей его полнотѣ, и дома постоянно поддерживать ее молитвой и словомъ, укрѣплять духъ ея на все высокое и небесное, развивать

ея христiянское вѣденіе. Священникъ не долженъ дѣлаться духовнымъ отцомъ жены противъ воли мужа. И даже духовный наставникъ, выбранный для всего дома главою семейства, и тотъ не въ правѣ брать на себя ту долю руководства и попеченія о душевномъ благѣ жены, которая принадлежитъ мужу; если же онъ переступитъ свою мѣру, то мужъ имѣетъ полное право устранить его. Онъ долженъ предоставить мужу лежащую на немъ часть отвѣтственности за духовное преуспѣяніе всѣхъ членовъ семейства. Но и самъ мужъ долженъ чувствовать какъ тяжело бремя этой отвѣтственности. Какъ начальникъ общины обязанъ отдавать отчетъ о состояніи ея и обо всемъ, что въ ней происходитъ, такъ и отецъ семейства о своемъ домѣ. Не одни люди, но и самъ Богъ спроситъ на немъ отвѣта; къ нему прежде всего относится и похвала и осужденіе за добродѣтели или за дурное поведеніе жены.

Никто въ мірѣ не можетъ и не долженъ имѣть такого рѣшительнаго вліянія на душевное благо жены, какъ мужъ ея. Думаетъ онъ объ этомъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ поведеніе мужа влечетъ за собой для нея неисчислимыя послѣдствія—либо къ добру, либо ко вреду ей. И это дѣйствіе зависитъ не отъ однихъ внѣшнихъ его поступковъ, но главнымъ образомъ — отъ внутренняго расположенія. Положимъ что духовное лицо—даже въ лицемѣрномъ настроеніи, даже не сочувствуя тому что проповѣдуетъ, — можетъ имѣть, хоть на нѣкоторое время, благотворное вліяніе: мужъ—рѣшительно не можетъ такъ лицемѣрить передъ женою. Отъ жены его не укроется, что у него въ душѣ.

Только при самой глубокой правдивости и искренности, мужъ можетъ быть духовнымъ наставникомъ жены. Лицемѣріе ни когда не свиваетъ себѣ гнѣзда въ собственномъ домѣ. Если онъ втайнѣ несправедливъ къ женѣ своей, то ничто въ мірѣ не уничтожитъ безнравственнаго вліянія, которое отъ того происходитъ. Пусть онъ подумаетъ, какъ страшно обременить себя сознаніемъ, что причинилъ ей тайную скорбь, можетъ быть на всю жизнь, горе, на которое она ни кому въ мірѣ не можетъ жаловаться. Пусть не ожесточаетъ сердце противъ того нѣжнаго существа, которое все и на всегда ему ввѣрилось. Пусть отъ себя отречется, лишь бы ее побережъ и успокоить.

Предписывая беречь жену и воздавать ей честь какъ сонаслѣдницѣ жизни, священное писаніе къ этой заповѣди прибавляетъ для мужей слѣдующее предостереженіе: «чтобы не было вамъ препятствія въ молитвахъ вашихъ». И такъ, если одной только женщинѣ извѣстно на этомъ свѣтѣ, сколько оскорбленій тонкому чувству и женскому достоинству жена должна вытерпѣть отъ мужа, если никто въ мірѣ не въ силахъ защитить ее отъ мужа; то Верховный судья видитъ страданія притѣсненной и принимаетъ на себя ея отмщеніе. Когда мужъ въ часы просвѣтленія или жизненной скорби обращается къ Нему съ молитвой, Богъ даетъ ему почувствовать, какъ онъ поступилъ съ женою. Если онъ обходился съ нею дурно и оскорблялъ ее, то молитва его не дойдетъ до неба; небо для него закроется, слово его возвратится къ нему и замретъ въ устахъ его. Между нимъ и Богомъ станетъ преграда: это горе жены, котораго онъ

былъ причиною. Богъ закроетъ для него свое сердце, такъ какъ онъ закрылъ свое сердце для жены. Онъ былъ суровъ съ женою и теперь долженъ убѣдиться, что Богъ воздаетъ ему тою же суровостью. Богъ въ правотѣ своей дастъ ему испытать тяжкое смущеніе. Каковъ онъ былъ въ отношеніи къ женѣ ему врученной, таковъ будетъ Богъ въ отношеніи къ нему. Онъ не можетъ примириться съ Богомъ, пока самъ не примирится съ обиженною супругой, въ духѣ кротости и самопожертвованія.

Душа иного мужа такъ загрубѣла, что не можетъ этого чувствовать: есть люди, которые до такой степени привыкли къ отчужденію отъ Бога, что не заботятся о причинахъ внутренняго своего упадка и истощенія, не думаютъ вовсе объ исцѣленіи. Правду говорятъ, что нужда учить молиться, но и то какая печальная истина, что только горе побуждаетъ насъ къ молитвѣ, а не благодѣянія Божіи и не откровенія Его благости. Нѣтъ намъ болѣе строгаго упрека. Но когда придетъ такая бѣда, которая въ состояніи поразить сердце не совсѣмъ еще огрубѣвшаго мужа сильнѣе, чѣмъ его собственныя страданія,—скорбная болѣзнь жены, тогда настаетъ ему время испытать себя, что внушаетъ ему Богъ этою бѣдою. Правда, что не всегда по винѣ мужа приходитъ такое несчастье. Но мы знаемъ, что ничто съ такой потрясающей силой не представляетъ мужу скрытыхъ грѣховъ его, ничто съ такою силой не заставляетъ ихъ почувствовать, какъ страданія и смерть спутницы его жизни.

Дѣло мужа заботиться о святости жены своей. Онъ

способенъ исполнить эту обязанность, когда вѣритъ что жена его свята. А свята она потому, что христіанка. Она ввѣрена ему какъ святыня, и ему предлежитъ употребить всѣ силы для того, чтобы не только сохранить эту святыню, но еще утвердить и усовершенить ее. Никто не можетъ быть для женщины такимъ сильнымъ препятствіемъ къ добру, какъ мужъ. Онъ поставленъ Богомъ быть для нея посредникомъ благословенія свыше. Изъ его устъ съ довѣріемъ должна она учиться всему спасительному, что только приняла душа его въ церкви: такъ и Павелъ говоритъ, что жены, если хотятъ чему научиться, должны дома спрашивать мужей своихъ. (1. къ Коринѣ. XIV, 35). Если она отстала въ духовномъ вѣденіи, или еще остается въ ней желанье уклониться отъ пути спасенія, на который вступилъ уже мужъ, опередившій ее въ вѣденіи, пусть онъ не смущается духомъ, не теряетъ надежды и довѣрія къ женѣ, но съ одинаковою рѣшимостью и крѣпостью пусть трудится надъ тѣмъ, что есть въ душѣ ея добраго, въ той вѣрѣ, что Богъ чрезъ него непременно просвѣтитъ, настроитъ жену его. Мужъ не долженъ допускать, чтобы въ сердцѣ его возникло отчужденіе отъ жены въ слѣдствіе того религіознаго разномыслія, которое врагъ всякаго добра посѣялъ между христіанами; не долженъ смотрѣть на жену свою, такъ какъ будто бы она въ существенномъ дѣлѣ жизни отъ него отдалилась. Въ крещеніи оба они получили такую силу единства и связи, которой должно уступить всякое разномысліе. Пусть мужъ всегда относится къ женѣ своей съ такою мыслью: «мнѣ указано хранить надъ нею благосло-

веніе: не въ здѣшнемъ только мірѣ я долженъ сдѣлать ее счастливою. Я долженъ пожертвовать собою для ея вѣчнаго блага. Я долженъ любить ее, какъ Христосъ возлюбилъ свою церковь».

Всѣмъ христіанамъ Христосъ указалъ, какъ должно молиться: »ты же, когда молишься, войди въ комнату свою и затворивъ за собою двери, помолись Отцу твоему, который втайнѣ, и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно«. Нѣтъ молитвы — кромѣ такой молитвы. Эта сокровенная молитва — дыханіе христіанской жизни; если оно остановилось — жизнь погасла. Если прервалось это сокровенное обращеніе человѣка съ Богомъ, то всякій обрядъ молитвы безъ духа ея будетъ пустымъ и тщетнымъ лицемѣріемъ. Однако же Господь Іисусъ, словами: »вниди въ клѣть твою,« конечно не воспрещаетъ всякой другой молитвы внѣ запертыхъ дверей и внутренней комнаты, — не отвергаетъ всеобщей церковной молитвы. Кто пребываетъ въ сокровенномъ общеніи съ Богомъ, съ тѣмъ остается Божественная сила и въ церковномъ богослуженіи: это награда тому, кто привыкъ искать Бога въ сокровенной сердечной молитвѣ.

Точно также этими словами не отвергаетъ Христосъ и общей семейной молитвы. Она, такъ же какъ и торжественное церковное богослуженіе, основана на божественномъ установленіи. Этотъ священный обычай древнѣе евангелія, старше закона; онъ существовалъ уже у древнѣйшихъ отцовъ человѣческаго рода. Авраамъ обращался къ Богу въ качествѣ главы дома,

и Израиль очищалъ молитвою домашнихъ своихъ, чтобы не было между ними чуждыхъ Боговъ. Іовъ созывалъ сыновъ и дочерей своихъ въ святое собраніе, рано утромъ приносилъ жертвы по числу всѣхъ ихъ; онъ думалъ: можетъ быть дѣти мои согрѣшили въ чемъ нибудь; такъ дѣлалъ каждый день Іовъ. (Іова I, 5). Для чего въ отдаленной древности была у этихъ людей сила, въ чемъ они полагали долгъ свой, для того еще болѣе силы должно быть у насъ, то мы еще тверже должны считать долгомъ, потому что намъ дано еще болѣе благодати.

Нечего говорить намъ о домашнемъ богослуженіи и домашней молитвѣ: то былъ благочестивый обычай предковъ, но простота стараго вѣка прошла, ее ужъ неворотишь. * Домашнее служеніе Богу — не только прекрасный обычай въ человѣческомъ смыслѣ: это условіе, отъ котораго, по закону Божію, зависитъ христіанское преуспѣяніе домашней жизни. Безъ него невозможно исполнить высокія обязанности отца и мужа-христіанина. Эти обязанности остаются для

* Riehl. Die Familie. стр. 154. »Когда отецъ семейства, даже знатный и богатый, начинаетъ день не прямо съ кофейнаго стола, но съ общей молитвы, на которую собираются около него жена, дѣти и прислуга, цѣлый домъ, — у насъ готовы счесть это формализмомъ и педантствомъ. Но такой обычай вмѣстѣ начинать день молитвою — ясный признакъ твердости и единства въ домѣ. Отъ того это обычай драгоцѣнный не въ одномъ нравственно-религіозномъ, но и въ общественномъ отношеніи. По старому обычаю, когда нельзя было идти въ церковь, отецъ семейства по воскресеньямъ читалъ всему дому что нибудь изъ собранія проповѣдей. Вечеромъ въ Рождество и въ Новый годъ собиралъ онъ весь домъ и читалъ вслухъ главу изъ Библіи: тоже дѣлалось и по воскреснымъ вечерамъ. Когда все семейство шло причащаться, передъ выходомъ въ церковь отецъ, собравши всѣхъ, читалъ общую молитву. Въ иныхъ деревняхъ такой обычай ведется и до сихъ

насъ въ одной силѣ, собираемъ ли мы домашнихъ на молитву или нѣтъ, смотримъ ли на нихъ какъ на своихъ или какъ на чужихъ, какъ на христіанъ или какъ на язычниковъ. Они христіане, и неизмѣнный долгъ нашъ — возстановить между ними — домъ христіанскій во всей благодатной, благословенной силѣ: долгъ этотъ все равно при насъ, — рѣшимся ли мы или нѣтъ собираться на общую молитву. Съ помощью семейной молитвы это удастся намъ, а безъ нея не удастся. Много и внѣшнихъ и внутреннихъ препятствій этому святому обычаю, но кто не умѣетъ всѣ ихъ преодолѣть, въ томъ стало быть нѣтъ еще полнаго сознанія своей отвѣтственности, тотъ не имѣетъ истиннаго понятія ни о своемъ достоинствѣ, ни о благословеніи, которое ему присвоено; не чувствуетъ мощнаго содѣйствія Христова въ исполненіи отцовскаго званія. Никто не можетъ принять на себя вмѣсто него это званіе. Никто посторонній, никакой другъ-христіанинъ не въ правѣ возносить къ Богу семейную молитву, кромѣ самого главы семейства.

поръ. Неужели отцы изъ городскихъ жителей — не замѣчаютъ, что оставляя этотъ обычай, они добровольно лишаютъ себя одного изъ почетнѣйшихъ правъ, какія могутъ принадлежать отцу семейства? Не слѣдовало никакъ съ такимъ легкомысліемъ отказываться отъ послѣдняго остатка домашней власти и чести предковъ, отъ предстательства въ молитвѣ цѣлаго дома. Для того, кто жаждетъ чести, — здѣсь несравненно болѣе чести и власти и почета, чѣмъ во всѣхъ возможныхъ чинахъ и орденахъ. Иной отецъ семейства и хотѣлъ бы теперь взяться за старый обычай, да стыдится »образованнаго« сосѣда. Не стыдится онъ — мало или во все ничего не значить въ домѣ, а быть предстоятелемъ, пастыремъ дома своего — ему стыдно! »Трусость — вотъ бѣда наша«, говорится въ старой студенческой пѣснѣ. Больше требуется мужества и вдохновеннаго убѣжденія для борьбы съ переворотомъ въ правахъ, въ домашней и общественной жизни, чѣмъ въ жизни политической«

Неловко становится, когда слышишь какъ хозяинъ дома заставляеть ребенка или служанку читать вслухъ обѣденную молитву, которую самому ему слѣдовало бы произносить. Точно такъ же не слѣдуетъ ему передавать это дѣло женѣ. Отъ него приходитъ благословеніе на всѣхъ домашнихъ, и его молитва охраняетъ домъ будто огненною стѣною.

И здѣсь въ той же силѣ слово: »молись Отцу твоему въ тайнѣ«. Если-жъ не умѣешь, то не способенъ и призывать Бога въ кругу своихъ близкихъ. Прежде всего должно устранить всякое сокровенное препятствіе. Поступай справедливо, — иначе въ присутствіи тѣхъ, которые видятъ твою вседневную жизнь, уста твои закроются. »И такъ желаю, — говоритъ Апостолъ, чтобы во всякомъ мѣстѣ молитвы произносилъ мужескій полъ, воздѣвая чистыя руки безъ гнѣва и сомнѣнія. »І. Тимоѳ. II, 8. Отецъ семейства долженъ быть кротокъ съ домашними и исполненъ упованія на Бога. Однакожъ часто и тотъ, кому знакома сокровенная молитва, кто стремится къ безпорочной жизни, — и тотъ чувствуетъ какую-то боязнь молиться въ присутствіи другихъ: ему кажется будто этимъ нарушается святость молитвы. Въ этомъ чувствѣ есть нѣчто доброе, но есть и заблужденіе. Такое же чувство могло бы придти и къ священнику передъ молитвой у алтаря. Но какъ священникъ совершаетъ молитву съ сознаніемъ своего призванія, такъ точно и отецъ семейства. Тихое благоговѣніе, котораго не рѣшается онъ обнаружить передъ людьми, состоитъ въ глубинѣ святаго чувства: эту святость, дѣйствительно, страшно нарушить. Эти ощущенія должны

быть сокрыты въ тайникѣ сердечномъ; ихъ не слѣдуетъ дѣлать предметомъ разговоровъ, по примѣру нѣкоторыхъ мистиковъ: ихъ не слѣдуетъ выражать и въ семейной молитвѣ. Но воззваніе вѣрующей души къ Богу, торжественное поклоненіе и исповѣданіе Бога, которое каждый день обязаны мы приносить Ему — вотъ истинное содержаніе семейной молитвы. Этимъ воздается хвала имени Божію, словомъ Божіимъ и молитвой освящается и трудъ дневной и ночное успокоеніе. Утромъ будетъ слышаться радостное благодареніе, вечеромъ мольба о помилованіи и защитѣ. — Достаточно для этого немногихъ словъ, высказанныхъ съ усердіемъ и въ полнотѣ вѣры. Но должна быть дѣйствительная молитва, а не проповѣдь, не увѣщаніе, которое иные по слабости или по неразумію хотятъ облечь въ форму молитвы. Не опыты духовной жизни слѣдуетъ высказывать въ ней, а то, въ чемъ выражается чувствованіе и стремленіе цѣлой семьи, то, съ чѣмъ всѣ моглибы слить свою молитву, къ чему всѣ скажутъ: Аминь.*

Потребность духовной жизни долго пробавлялась старинными собраніями поученій и молитвъ, но что колодезная вода въ сравненіи съ живымъ источникомъ, то молитвы, повторяемыя по старымъ книгамъ въ сравненіи съ тою молитвой, которая восходитъ отъ полноты отеческаго сердца и приносить

* Много хорошаго о семейной молитвѣ сказано въ книгѣ: *Christliches Vermächtniss eines treuen Vaters an die Seinen, von Moscherosch, geschrieben im Herbstmonat d. I. 1641., — вновь изданной Дитмаромъ подѣ заглавіемъ: Spiegel der alten christlich deutschen Erziehung. Frankf. a M. 1833. См. Т. II. Гл. 9, 10. 11.*

Всемогущему Отцу всѣхъ Господу и скорби и благодаренія всѣхъ живущихъ въ домѣ.

Значеніе всѣхъ писаній человѣческихъ слабѣетъ и теряется для насъ*, когда у насъ есть книга всѣхъ книгъ, и мы научились изъ нея черпать. Въ ней такія слова и молитвы, которыя мы должны внушать своимъ дѣтямъ и сами читать, вставая и отходя ко сну. Между первыми христіянами дѣйствительно обитало плодоносное слово Христово.

На всякій день—для утренняго и вечерняго чтенія достаточно краткаго отрывка изъ Священнаго писанія.— Утренняя и вечерняя семейная молитва не время для назиданія семейству:—собственно для этой цѣли, на сколько она относится до главы семейства, а не до духовной особы, всего удобнѣе воскресенье и именно вечеръ воскресный.

Общая молитва и общее Причащеніе—вотъ въ чемъ семейное счастье достигаетъ величайшей полноты и святости. Только въ полномъ мирѣ съ Богомъ можетъ человѣкъ вкушать миръ у домашняго очага своего. Чѣмъ болѣе очищается и просвѣтляется въ насъ начало внутренней жизни, тѣмъ сильнѣе и воспріимчивѣе становится наше чувство для домашняго счастья. Чистыя домашнія радости не отдаляютъ насъ отъ Бога: напротивъ, таково именно ихъ свойство, что чѣмъ ближе мы къ Богу, тѣмъ способнѣе становимся наслаждаться ими.

Да, домашнее счастье—высшее счастье на землѣ. Но при всемъ томъ оно только высшее земное счас-

* Замѣчаніе это относится къ молитвамъ, составленнымъ реформаторами и принятымъ у протестантовъ. *Пр. Ц.*

тіе. Даже любовь и бракъ въ чистѣйшемъ, благороднѣйшемъ видѣ не могутъ замѣнить мира съ Богомъ, и посреди самыхъ желанныхъ семейныхъ отношеній человѣкъ можетъ дойти до крайняго отчаянія, если онъ не вѣритъ въ Искупителя грѣховъ нашихъ, единственнаго подателя мира, и не старается удержаться въ простомъ дѣтскомъ отношеніи къ Богу. Но благодать Божія такъ велика, что когда мы въ Немъ ищемъ высшаго блага, Онъ всего совершеннѣе даетъ намъ чувствовать любовь свою въ радостяхъ домашней жизни.

ВОСПИТАНІЕ.

Какъ ни обширна, какъ ни важна та нравственная задача, которая должна получить разрѣшеніе въ бракѣ, вся обширность и важность ея тогда только представляется въ полномъ свѣтѣ, когда наступаетъ для родителей время исполнить долгъ свой въ отношеніи къ дѣтямъ; ибо нѣтъ въ мірѣ нравственной задачи важнѣе—задачи воспитанія. Кто самъ не участвовалъ въ этомъ дѣлѣ, тотъ не знаетъ, какъ велики тѣ условія, которыхъ она требуетъ отъ воспитателя, и какими труднымъ испытаніямъ подвергаются при семъ со всѣхъ сторонъ и на каждомъ шагу собственныя его нравственныя качества. Смотри потому, какъ мы воспитываемъ дѣтей своихъ, смотря по успѣху или неудачѣ нашей воспитательной системы, можно судить о нашемъ нравственномъ достоинствѣ. И еслибъ даже посторонніе люди не осудили насъ по дѣтямъ, за неудачное ихъ воспитаніе, собственная совѣсть заставитъ насъ если не всю вину, то по крайней мѣрѣ большую часть ея отнести къ себѣ самимъ. Мы увидимъ себя самихъ въ недостаткахъ дѣтей своихъ; наша душа по неволѣ должна смириться передъ печальными открытіями, которыя дѣлаемъ въ своихъ

дѣтяхъ. — Кто не замѣчаетъ своихъ недостатковъ и тогда, когда они являются передъ нимъ лицомъ къ лицу въ дѣтяхъ, — того никогда уже и ничто на свѣтѣ не приведетъ къ самопознанію.

Случается однако, что опытъ какъ будто противорѣчитъ въ этихъ случаяхъ голосу совѣсти. Это явленіе принадлежитъ къ числу самыхъ загадочныхъ въ человѣческой жизни, но оно такъ часто случается и такъ всѣмъ извѣстно, что нѣтъ нужды доказывать его дѣйствительность: у добрыхъ и заботливыхъ родителей нерѣдко выходятъ дурныя дѣти, а у безпечныхъ и даже у развратныхъ — дѣти добрыя. На иное дитя, родители — по видимому — положили всю свою заботу, дѣйствовали, какъ только могли, наставленіемъ и примѣромъ, старались учить его и сберечь отъ мірскаго зла, — а человѣкъ изъ него выходитъ негодный. Въ другомъ случаѣ брошенное дитя, за которымъ никто не смотрѣлъ, дѣлается хорошимъ человѣкомъ и истиннымъ христіяниномъ. Успѣхъ въ послѣднемъ случаѣ можно еще объяснить себѣ: въ немъ, по всей справедливости, должно видѣть особенное дѣйствіе Божественнаго промысла, доказательство сказаннаго въ Св. Писаніи, что Богъ — отецъ сирыхъ; — а самыя несчастныя сироты — конечно тѣ, у кого нѣтъ передъ глазами добраго примѣра въ родителяхъ. Такое дитя, оставленное отцомъ и матерью, Богъ, принимаетъ въ особенное покровительство: кому досталось на долю великое несчастье — расти внѣ защитительнаго круга семейной жизни, — на того можетъ низойти благословеніе — инымъ путемъ, не человѣческимъ.

Гораздо труднѣе объяснить себѣ печальные случаи

другаго рода: примѣры ихъ мы встрѣчаемъ даже въ Св. писаніи. У благочестивыхъ людей нашего времени такіе примѣры встрѣчаются не рѣже, — а едва ли не чаще прежняго. Не въ обвинительномъ духѣ должно приступать къ изысканію причины такихъ явленій, а въ духѣ смиренія и съ желаніемъ самопознанья.

Прежде всего нельзя не согласиться съ тѣмъ, что всякой несетъ свое бремя и устроиваетъ судьбу свою. По словамъ Аристотеля,* воспитаніе можетъ все сдѣлать изъ человѣка: не станемъ спорить противъ этого, — но и то неоспоримо, что всякій человѣкъ самъ отвѣчаетъ за нравственность или безнравственность существа своего. Дѣла человѣка — отъ него произошли и всегда останутся его дѣлами, какъ бы ни было сильно вліяніе другихъ людей на дурное направленіе его дѣятельности; если они происходятъ отъ вкоренившейся глубоко привычки, — тѣмъ строже отвѣчаетъ человѣкъ за то, что допустилъ привычку укорениться. Проявляется-ли въ нихъ злой нравъ человѣка: въ такомъ случаѣ, по замѣчанію Канта, — нравственное чувство наше — не только не снисходительнѣе судить человѣка, но еще строже осуждаетъ его. Вся нравственная особенность человѣка вмѣняется ему какъ собственное его дѣло. Если отвергнемъ эти основанія вмѣненья, то придется отказаться отъ всякаго суда нравственнаго. А если принять ихъ, то дурное направленіе человѣка можетъ происходить отъ него самаго, независимо отъ самаго лучшаго влі-

* Aristot. Ethica Nicomach. II. 1.

янiя, которое должно было имѣть на него превосходное воспитанье. И такъ возможно воспитаннику сдѣлаться дурнымъ человѣкомъ безовсякой вины родителей или воспитателей.

Возможно; — но ни въ одномъ отдѣльномъ случаѣ нельзя сказать навѣрное: здѣсь воспитатель ни въ чемъ не виноватъ. Состраданiе къ родителямъ побудить насъ предполагать, что дурное направленiе сына единственно отъ него самого произошло. Но и человѣкъ испорченный имѣетъ право на наше состраданiе: тогда, отыскивая причину зла, мы невольно обращаемся на воспитателей и хоть частiю относимъ вину на нихъ. Но кому пришлось-бы самому нести на себѣ отвѣтственность за чужое воспитанье, тотъ никогда не рѣшился бы признать себя по совѣсти не виноватымъ ни въ чемъ. *

* Есть у иныхъ легкiй способъ разрѣшать всѣ подобныя загадки человеческой жизни: для этого предполагаютъ, что всякая душа человеческая существовала когда-то прежде чѣмъ явилась въ здѣшней жизни, что въ этомъ прежнемъ состоянiи каждая душа свободнымъ дѣйствиемъ воли выбрала уже основное свое направленiе, которое и развивается въ земной жизни.

Но этого объясненiя не приметъ тотъ, кто рѣшился не отступать отъ Божественнаго откровенiя. Св. писанiе нигдѣ ни однимъ словомъ не подкрѣпляетъ такого предположенья, придуманнаго къ объясненiю нравственныхъ загадокъ здѣшняго мiра. Подобнымъ способомъ Оригенъ пытался объяснить различiе въ характерахъ и въ судьбѣ людей. Но въ какую сторону ни обратимъ это предположенiе, — имъ разрушается понятiе о единствѣ рода человеческого, понятiе лежащее въ основѣ всякаго ученiя христiанскаго. При этомъ предположенiи единство бытiя, которымъ всѣ люди связаны между собой, разбивается на отдѣльные пункты. Въ области антропологии это ученiе — тоже что въ физикѣ атомистическое ученiе, то же что въ церкви — индивидуализмъ. Оно такъ же ложно какъ и названныя нами теорiи. Неосновательность этого предположенiя видна и въ нравственныхъ послѣдствiяхъ, къ которымъ оно приводитъ. Если даже допустимъ, что души, въ

Если присмотрѣться ближе ко всѣмъ печальнымъ случаямъ этого рода, то легко убѣдиться, что во множествѣ случаевъ даже простымъ человѣческимъ разсудкомъ можно распознать ошибку, допущенную въ воспитаніи. Сужденіе объ этомъ предметѣ близкихъ къ намъ людей, — будь они сами плохими воспитателями, — большею частью весьма близко къ истинѣ. Иное легкомысленное слово или дѣло намъ самимъ кажется незначительнымъ, а на дѣтяхъ нашихъ отразится такъ, какъ будто мы сами подставили имъ сѣть или положили для нихъ начало соблазна. А сколько открылось бы такихъ пагубныхъ вліяній, еслибъ можно было окомъ Божественнаго всевѣдѣнія проникнуть въ тайны, извѣстныя только родителямъ, да иногда еще и имъ не обоемъ?—Сокровеннѣйшее наше, чего кромѣ Бога да насъ никто не знаетъ, Богъ нерѣдко

первоначальномъ бытіи своемъ созданы одинаково, по образу и подобію Единого Создателя, все таки онѣ будутъ взаимно чужды другъ другу, ибо каждая сама въ себѣ коренится, и если онѣ встрѣчаются въ здѣшней жизни, то сознаніе этой коренной, довременной особы должно вести ихъ къ отчужденію а не къ общенію, къ самоисканію а не къ любви.

Мы твердо убѣждены въ томъ что родъ человѣческій и въ тѣлесной и въ духовной природѣ своей существенно—единный родъ. Мы цѣлымъ существомъ происходимъ отъ своихъ родителей. И въ душѣ своей носимъ мы образъ падшаго перваго человѣка: въ каждомъ изъ насъ отражается его подобіе, Св. писаніе не высказываетъ этого прямо, въ видѣ опредѣлительнаго положенія; но это — предположеніе весьма вразумительное, внушаемое великими и свѣтлыми истинами, которыя выражены въ Св. писаніи. Нѣтъ повода отвергать его изъ опасенія, что оно можетъ вести къ заключеніямъ въ пользу матеріализма, потому что библейскія истины во всей совокупности остаются намъ сильнѣйшею защитой отъ матеріализма. Пантеизмъ, господствующій съ нѣкотораго времени въ Германской философіи, придаетъ важность только дѣйствительному всеобщему бытію, — и совершенно послѣдовательно почитаетъ единичное бытіе преходящимъ. Теперь, когда философъ

раскрываетъ передъ нами въ нашихъ домашнихъ, — и въ нихъ посылаетъ намъ обличеніе, которое тѣмъ глубже врѣзывается въ совѣсть, что его никто кромѣ насъ не понимаетъ. Изъ Св. писанія можно видѣть, какую тѣсную связь имѣютъ тайныя дѣла родителей съ поведеніемъ и судьбою дѣтей. Въ исторіи Давида связь эта описана ясными чертами. Онъ разорилъ семейство Уріи: за то разстройство постигло его собственную семью, дотолѣ благословенную Богомъ. Онъ двойнымъ преступленіемъ погубилъ вмѣстѣ и честь и жизнь человѣка: такого же рода преступленія совершали потомъ сыновья Давидовы и между собою и противъ отца. Онъ творилъ грѣхъ въ тайнѣ; а воздаяніе за грѣхъ явилось предъ лицомъ свѣта.

Кому случалось въ жизни останавливаться душой на подобныхъ событіяхъ, тому не покажется странно

ское направленіе достигло до точки поворота и великое значеніе личности сдѣлалось темой новѣйшихъ стремленій, — проявляется естественнымъ образомъ расположеніе признать за отдѣльною личностью вѣчное бытіе. Не удивительно, что то тамъ, то сямъ снова поднимается старое ученіе о довременномъ бытіи душъ. Иные пытаются облечь это ученіе въ новыя тонкія формы (напр. Юлій Миллеръ. *Die Christliche Lehre von der Sünde. II Band. 1844. стр. 92 и сл.*), но и въ этой формѣ ученіе это опровергается вышеприведенными соображеніями. Миллеръ присоединяется всего ближе къ ученію Шеллинга о свободѣ человѣка, только съ тою разницей, что Шеллингъ выводилъ изъ довременнаго бытія различіе характеровъ, а Миллеръ выводитъ не различіе, а напротивъ то, что у всѣхъ общее, — природную испорченность или коренное зло. Если сравнить то и другое предположеніе, то первое все таки вѣроподобнѣе.

Извѣстно, что въ Римско-католической теологіи и философіи господствовала со времени Петра Ломбардца такъ называемая Креаціанская теорія. Въ наше время Клее старался пустить въ ходъ Традуціанскую. Ему возражалъ талантливый ученикъ Антона Гюнтера, Генрихъ Пабстъ въ своемъ сочиненіи: *Adam und Christus. Zur Theorie der Ehe. Wien. 1835. стр. 225 и слѣд.*

слово писанія, что беззаконія отцовъ Богъ посѣщаетъ на дѣтяхъ; онъ смирится съ трепетомъ передъ такими доказательствами правосуднаго возмездія. Казалось бы,—замѣчаетъ Тертулліанъ*, — одно сознаніе того, что преступное дѣло вызываетъ такія послѣдствія, которыя отражаются и на дѣтяхъ нашихъ, одно это сознаніе всего строже должно удерживать насъ отъ всякаго преслушанія. Что же, неужели Богъ, установивъ такую связь родителей съ судьбою дѣтей, былъ несправедливъ къ послѣднимъ? Таковъ законъ Его въ здѣшнемъ мірѣ, что дѣти несутъ на себѣ вину родителей, такъ какъ и въ другомъ отношеніи всякій человѣкъ несетъ на себѣ вину своего сословія и своего народа. Истина эта неопровержима, хотя она и не прямо выражена въ Св. писаніи: опытъ ясно объ ней свидѣтельствуетъ. Иной законъ назначенъ для будущей жизни. Тамъ всякій получитъ возмездіе по собственнымъ дѣламъ своимъ, и всякій будетъ отвѣчать только за личную вину свою.

Не къ осужденію ближняго, не къ поспѣшному обвиненію кого бы то ни было должно вести такое воззрѣніе. Всякій изъ насъ пусть обратитъ его на собственную совѣсть: взоръ нашъ, оставивъ дѣла ближняго, долженъ погрузиться въ глубину нашего внутренняго существа. Тамъ найдемъ мы объясненіе многихъ загадочныхъ путей, тамъ прочтемъ готовое рѣшеніе многихъ вопросовъ, возбуждаемыхъ судьбами семейства: лишь бы умѣли мы прочесть и захотѣли понять его.

* Adv. Marcionem. II. 15.

Если разсмотрѣть ближе, — что въ наше время принимается за благочестіе въ особенномъ смыслѣ, — то менѣе удивительно покажется, отъ чего плоды воспитанія не соотвѣтствуютъ возбуждаемымъ отъ него ожиданіямъ. Въ воспитаніи по преимуществу высказывается, и должно высказываться различіе между тѣмъ христіанствомъ, — которое только въ словеси, и тѣмъ которое въ силѣ. Если вѣра родителей суетна и лицемерна, то въ развитіи дѣтей непременно откроются слѣды того же направленія. Если религіозное чувство родителей направлено не на истинный путь, — то всѣ недостатки его обличатся въ воспитаніи. Скажемъ прямо: иногда отеческая строгость съ помощью одной только сухой морали дѣйствуетъ на воспитанника благодѣтельнѣе, нежели самое обиліе внутренняго чувства, — когда оно, не зная мѣры, ревнуетъ не по разуму, при слабости характера въ воспитателѣ.

И такъ всякому ктобъ ни сталъ спрашивать о началахъ и методѣ воспитанія въ примѣненіи къ частности, мы скажемъ: будь сначала самъ тѣмъ, чѣмъ хочешь сдѣлать другаго: будь — по всему существу своему. Если твои требованья противорѣчатъ тому, что ты самъ въ тайнѣ мыслишь и дѣлаешь, то не ожидай успѣха и благословенія, а будь увѣренъ что всѣ твои воспитательныя выдумки ни къ чему не поведутъ. Иные сами не религіозны, а дѣтямъ хотятъ дать религіозное воспитанье, и такихъ не мало: похоже на тѣхъ государственныхъ людей, которые находятъ религію превосходнымъ политическимъ средствомъ для народа, — а въ отношеніи къ самимъ себѣ

держатся иного правила. Пожалѣмъ о такихъ родителяхъ и дѣтяхъ: но всякая надежда для нихъ потеряна.

Если хочешь воспитывать другихъ, — воспитай сначала самого себя въ Богѣ: — вотъ первое условіе, безъ котораго никто не можетъ ожидать плода трудовъ своихъ въ дѣтяхъ. Не смотря на то, мы хотимъ себѣ послушныхъ дѣтей, — а сами не хотимъ быть послушны Богу: дерзкое и безумное требованіе, — а какъ часто оно встрѣчается! Эрнестъ Благочестивый, Герцогъ Готскій, говаривалъ: если государь хочетъ, чтобы подданные были ему послушны, пусть будетъ самъ послушенъ Богу. Но какъ есть такіе правители, которые ожидаютъ безусловной вѣрности отъ подданныхъ, а сами отлагаются отъ вѣрности Царю Царей, такъ есть и множество отцовъ, которые дѣлаютъ въ свою пользу такое же изъятіе. И здѣсь и тамъ — послѣдствія одинаковы: у народныхъ правителей ложное правленіе ведетъ къ непокорности подданныхъ, къ ослабленію всякихъ узъ и къ возмущенію: такъ и у отцовъ подобный же недобросовѣстный взглядъ на воспитанье ведетъ къ безпорядкамъ и разврату. Не только на дѣлѣ такъ выходитъ, — даже и въ теоріи весьма часто забываютъ объ основномъ условіи всякаго здраваго воспитанья: въ педагогикѣ такая система воспитанія тоже — что макіавелизмъ въ политикѣ.

Несообразно съ разсудкомъ — ожидать нравственнаго успѣха отъ своихъ дѣйствій, если дѣйствующій не хочетъ самъ подчиниться нравственному закону. Стоитъ только дѣтямъ хоть разъ угадать это, — и цѣ-

лыя сотни наставленій, правилъ и убѣжденій пропали даромъ. А скрыть отъ дѣтей собственное пренебреженіе къ Божественнымъ заповѣдямъ — совсѣмъ не легкое дѣло! Дѣти примѣчаютъ многое, что дѣлается за кулисами, — и если мысль ихъ еще не развитая, не позволяетъ имъ понять все, то однимъ чувствомъ угадываютъ они рано что не совсѣмъ ладно.

Не только безумно, но и дерзко начинать воспитаніе такимъ образомъ. Положимъ что и удастся скрыть ложь и неправду, предупредить всякое дурное отъ того впечатленіе: дѣтей можно еще обмануть, но Бога — не обманешь. Кто можетъ надѣяться, что разрѣшить успешно нравственную задачу одними искусственными средствами, не имѣя на своей сторонѣ виновника всякой нравственности? А мы поступаемъ такъ, какъ будто въ насъ самихъ, а не въ Богѣ — источникъ благословенія. Бьемся изо всѣхъ силъ, какъ будто можно обойтись безъ Того, кто одинъ дѣйствуетъ на внутреннее человека, какъ будто въ нашихъ рукахъ тѣ законы, по которымъ Онъ править нравственнымъ міромъ. Думаемъ обойтись безъ Него — и дѣйствуемъ такъ, какъ будто нарочно стараемся сами разорить дѣло рукъ своихъ.

Христосъ говоритъ о человѣкѣ строившемъ домъ свой на песокѣ. Быстро и безъ затрудненія воздвиглось зданіе, — но придоша рѣки и возвѣяша вѣтри, и падеса, и бысть разрушеніе храмины тоя велія. Такъ бываетъ съ тѣмъ, кто слышитъ заповѣди Христовы — и не творитъ. Такъ будетъ и съ тѣмъ, кто учитъ заповѣдямъ — и не творитъ. Легко и удобно —

состроить заповѣди Христовы—въ прекрасную систему понятій и выступить съ нею въ міръ. Но въ день испытанія, когда придетъ смятеніе, все зданіе можетъ внезапно обрушиться со срамомъ и ужасомъ. Такъ — не должно обманывать себя, если въ началѣ замѣтенъ будетъ и успѣхъ на сторонѣ тѣхъ воспитателей, которые сами пренебрегаютъ исполненіемъ заповѣдей Христовыхъ, а другихъ хотятъ привести къ нему. Внутренняя несостоятельность воспитателя будетъ въ этомъ случаѣ песчанымъ грунтомъ. Можно еще скрыть его зыбкость отъ наблюдательнаго взора людей: но придетъ часъ,—и Богъ откроетъ, на чемъ было построено зданіе.

Какъ ни строго такое понятіе о воспитаніи, оно приводитъ насъ къ утѣшительной мысли. Совѣстливому человѣку немудрено вовсе упасть духомъ, если онъ представитъ себѣ, въ какія безчисленные ошибки легко впасть при воспитаніи: а если справится съ ученіемъ и правилами педагогики, то увидитъ еще яснѣе, что слѣдовало бы ему дѣлать и чего онъ не дѣлалъ. Кто можетъ поручиться, что выполнилъ все, что у него есть вся необходимая осмотрительность и бдительность? Задача такая высокая и многосторонняя, — что всѣ старанія родителей, какъ бы ни были усердны, — оказываются только дѣломъ произвола воспитателей »яко же годѣ имъ бѣ« (по своему произволу), какъ говоритъ Св. Писаніе. (Евр. XII, 10). И часто ли встрѣчаются такія условія жизни, которыя позволяли бы родителямъ обратить на воспитаніе достаточно времени и средствъ? Теорія предполагаетъ обыкновенно въ родителяхъ и мате-

ріальное благосостояніе и свободу дѣятельности, — а тѣ изъ нихъ, у которыхъ тяжеле лежитъ на сердцѣ забота о счастіи дѣтей, — не могутъ по большей части ни тѣмъ ни другимъ похвалиться.

Во всемъ этомъ воть какое наше утѣшеніе: Богъ воспитываетъ дѣтей нашихъ посредствомъ насъ, и непременно воспитаетъ ихъ, если мы исполнимъ одно только главное условіе: если дадимъ Ему воспитать себя самихъ. А насъ воспитываетъ Онъ Своимъ провидѣніемъ. Съ терпѣніемъ принимать тяжкія Его посѣщенія, — благодарить и благословлять Его во всѣ добрые часы жизни, нести съ твердостью отъ одного дня къ другому бремя семейной жизни и земнаго призванія, — воть что значитъ воспитывать себя въ Богѣ. Но еще того важнѣе: открыть внутреннее существо свое — Его наказанію и утѣшенію; разумѣть сердцемъ, — когда онъ исправляетъ насъ Своимъ Духомъ — или непосредственно или чрезъ своихъ служителей; искать и утверждать въ себѣ — утѣшенія Благодати, которыя обильно притекаютъ къ намъ въ нѣдрахъ церкви и въ таинственномъ общеніи сердца съ Богомъ, — воть что значитъ совершать воспитаніе свое въ Богѣ. Одна только и есть совершенная воспитательная мудрость: это высочайшая мудрость Божія въ воспитаніи человѣка. Отъ Него только и можетъ человѣкъ научиться мудрости въ воспитаніи. Все чему могутъ научить насъ человѣческія книги и правила, — невыразимо слабо и отрывочно: что-то мертвое, а не живое почерпаемъ мы отсюда: знаніе, а не мудрость. Мудрость есть сила всегда соприсутствующая, сопровождающая на каждомъ шагу того, кто

обладаетъ ею; сама изъ себя растетъ и умножается она въ человѣкѣ; она даетъ человѣку помощь въ новыхъ и неожиданныхъ случайностяхъ. Мудрость получается только свыше; ей можно научиться только въ училищѣ Господнемъ. Только подъ игомъ Христовымъ педагогическое знаніе наше можетъ преобразиться въ мудрость. Кто не покорилъ себя наказанію и ученію Христову, тому не поможетъ ни какая педагогика, для того и вышеизложенныя замѣчанія будутъ напрасны*.

Коренное условіе воспитанія:—покорность волѣ Божіей, — должно прежде всего выражаться во взаимныхъ отношеніяхъ между отцомъ и матерью. Можно ли надѣяться на добрый успѣхъ въ дѣтяхъ, когда бракъ, отъ котораго они происходятъ, оказался неудачнымъ? Нельзя представить себѣ развитіе дѣтей, какъ что либо самостоятельное, отрѣшенное отъ внѣшнихъ условій: оно не можетъ успѣшно совершиться отдѣльно и независимо отъ окружающихъ обстоятельствъ. — Дѣти—члены одного нравственного организма и могутъ развиваться тогда только, когда находятъ въ немъ свое мѣсто и стараются выполнить свое призваніе. Семейственный организмъ даетъ имъ ростъ и питаніе: и такъ коренныя начала его долж-

* Лучшее изъ всего, что писано о воспитаніи, — по мнѣнію нашему: I. M. Sailer, ueber Erziehung fur Erzieher. 2 Bde. Sulzbach, 1831. (Того же автора есть превосходное сочиненіе: Handbuch der christlichen Moral. 3 Bde. Sulzbach. 1834) — и Zellers Lehren der Erfahrung für christliche Land-und Armenschullehrer. 3 Theile. Basel. 1827.

ны быть здоровы, чтобы развитіе вновь образующихся частей совершалось правильно. Къ такимъ началамъ принадлежитъ — полное согласіе отца съ матерью, — а оно основывается на сознаніи того положенія, которое Богъ назначилъ тому и другому. Печальные примѣры изъ исторіи показываютъ, что супружескіе раздоры отзываются проклятіемъ на дѣтяхъ и даже на позднѣйшемъ потомствѣ.

Не говоримъ о преступленіяхъ. Не одни преступления родителей дѣйствуютъ разрушительно на воспитанье: для этого достаточно обыкновеннаго раздора между мужемъ и женою. Если между супругами и миръ, да этотъ миръ утверждается на неправомъ основаніи, — то и въ такомъ случаѣ ослабляется вліяніе ихъ на дѣтей. Когда замѣчаешь въ семействѣ что дѣти непослушны, можно почти навѣрное заключить, что мать въ этомъ домѣ имѣетъ привычку противорѣчить отцу, пренебрегать его распоряженіями или передѣлывать ихъ въ его отсутствіе. Немудрено, что это отзывается на ней самой: дѣти привыкаютъ не слушать ея въ той же мѣрѣ, въ какой она не слушаетъ мужа. Она хотѣла присвоить себѣ власть тамъ, гдѣ власть по праву не принадлежитъ ей; за то и сама теряетъ власть тамъ, гдѣ имѣетъ на нее полное право. Она старалась утвердить свое вліяніе незаконными путями, и по неволѣ теряетъ его даже тамъ, гдѣ оно не должно было бы встрѣчать противодѣйствіе. Мать не можетъ ослабить власть отца, не ослабивъ вмѣстѣ съ тѣмъ своей собственной: ибо власть ея утверждается на его власти, и хотя первая подчинена послѣдней, но все та-

ки и та и другая составляютъ одну и ту же власть, которая ни въ одномъ изъ своихъ представителей не можетъ быть нарушена безъ вреда для обоихъ. И потому мать должна принять въ семейномъ быту за ненарушимое правило — никогда — даже въ самыхъ мелочахъ не противорѣчить отцу при дѣтяхъ: исключеніе можно допустить только въ крайнихъ случаяхъ, когда нельзя медлить, да и при этомъ пусть слышно будетъ въ словахъ скромной жены, что окончательнаго рѣшенія ждетъ она все таки отъ мужа. Но точно такъ же и на мужѣ лежитъ святой долгъ — не нарушать при домашнихъ той власти которая принадлежитъ женѣ: когда придется опровергать ея возраженія, — пусть и въ рѣчахъ мужа слышится любовь и уваженіе. Если же страсть повелѣвать внушить ему слова грубыя и жесткія, — то не только отвратится отъ него сердце жены, — но и на дѣтяхъ тотчасъ же ослабнетъ та нравственная сила, вліяніе которой они на себѣ чувствуютъ. Мать при дѣтяхъ называютъ безтолковою или упрямой женщиной; съ нею обращаются какъ съ неразумнымъ ребенкомъ или съ служанкой: мудрено ли что вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ святость, которою безсознательно проникнуто дѣтское понятіе объ отцѣ и матери.

Всякое божественное зданіе начинается и возрастаетъ свыше. Такова церковь: краеугольный камень ея на небѣ. Тоже должно сказать и о семействѣ. Не отъ дѣтей къ родителямъ, а отъ родителей къ дѣтямъ должно сходить благословеніе. Родители — орудіе, чрезъ которое дѣйствуетъ свыше образовательная и хранительная сила Божія. Разстроено взаимное от-

ношеніе самихъ родителей:—остановится и токѣ благословенія свыше. Еслибъ дѣти и не примѣтили этого разстройства, — то по неволѣ почувствуютъ горькія его послѣдствія,—потому что явилось уже въ матери тайное возмущеніе противъ отца, въ отцѣ грубость или пренебреженіе къ матери.

Все это такія требованія, которыя каждый христіанинъ можетъ выполнить. Какъ бы ни были различны степени образованія и условія земнаго призванья, — въ этомъ отношеніи убогій и богатый, самый знатный и самый незнатный — дѣйствуютъ наравнѣ и въ одинаковыхъ условіяхъ. Для того и другаго совершенно одинакова возможность получить необходимую мѣру вѣдѣнія и благодати въ церкви Христовой. Если союзъ мужа и жены дѣйствительно установился во образъ союза Христа съ церковью,—воспитаніе будетъ успѣшно. Не потому ли въ Новомъ Завѣтѣ довольно много говорится о христіанскомъ бракѣ, а о воспитаніи мало сказано? Если въ бракѣ нѣтъ христіанскаго духа, то нечего и ждать отъ воспитанія; а если осуществится христіанскій бракъ, — то и въ дѣтяхъ какъ бы сами собою разовьются уже христіанскія начала семейной жизни.

Родители должны знать, что воспитаніе дѣтей возложено Богомъ на нихъ;— и ни на кого болѣе въ цѣломъ свѣтѣ. »Отцы,—говоритъ Св. Ап. Павелъ, «—воспитывайте дѣтей своихъ въ наказаніи и ученіи Господни,—« отцы, а не учителя и неучительницы; отцы, а не проповѣдники и пастыри. Дѣти дарованы

Богомъ намъ, родителямъ: стало быть намъ же и поручены они, и никому кромѣ насъ; отъ того мы и должны дать за нихъ отчетъ. Долгъ воспитателей яснѣе всякаго другаго долга возложенъ на насъ самимъ Богомъ. Ни одного урока, который Онъ возложилъ на насъ, не смѣемъ мы отвергнуть по своему произволу: тѣмъ болѣе этого урока. Отъ всякой другой должности скорѣе можно отказаться, нежели отъ этой. Если это бремя или хотя одну часть его рѣшимся мы возложить на другихъ, — то собственная наша отвѣтственность нисколько отъ того не уменьшится, и наконецъ мы же сами должны будемъ отвѣчать на вопросъ: какъ выполненъ на дѣтяхъ нашихъ святой долгъ воспитанія.

Чѣмъ строже и серьезнѣе становится наше понятіе объ этомъ божественномъ призваніи, тѣмъ болѣе должна укрѣпляться въ насъ и увѣренность въ себѣ. По большей части родители отдавая дѣтей на руки другимъ, оправдываютъ себя тѣмъ, что собственные ихъ силы и познанія недостаточны для выполненія столь великой задачи. Но рѣчь идетъ у насъ не объ ученіи наукамъ, искусствамъ или ремесламъ, а объ воспитаніи, то есть о развитіи нравственно-религіозномъ. Это дѣло нельзя добровольно предоставить другимъ ни по какому поводу и ни подъ какимъ предлогомъ. Если Богъ возлагаетъ на родителей долгъ воспитанія, то дастъ имъ и всю потребную мѣру силы и опытности, — лишь бы только сами они искренно къ тому стремились. Но родители не всегда хотятъ искать этого дара, — и отъ того многіе находятъ удобнѣе сложить воспитаніе на чужія руки.

Иные охотно и сдѣлали бы все что отъ нихъ зависить, но гонятся только за наружнымъ, смотрятъ на способности и познанія стороннихъ воспитателей, а не на невидимаго раздаятеля даровъ и благословеній. Въ противномъ случаѣ не сошли-бы они съ пути указаннаго Богомъ, въ томъ убѣжденіи, что Онъ, если и менѣе природныхъ дарованій назначилъ имъ на долю, то уже самымъ призваніемъ къ дѣлу внушаетъ вѣру въ успѣхъ его. Не уподобимъ Его жестокому человѣку, который хочетъ пожинать тамъ, гдѣ не сѣялъ и собирать гдѣ не расточалъ. Много требуетъ Онъ, но много и даетъ, и обѣщаетъ неложно увѣнчать благословеніемъ трудъ и преданность родителей, когда они трудятся съ вѣрою въ Его помощь.

Мать которая слагаетъ съ себя на другихъ попеченіе о дѣтяхъ, для того, чтобъ удобнѣе предаться удовольствіямъ, оскорбляетъ нравственное чувство цѣлаго общества: ее осуждаетъ уже общественное мнѣніе. Но въ той же мѣрѣ достоинъ осужденія и отецъ, который уклоняется отъ участія въ воспитаніи дѣтей своихъ, чтобы удобнѣе наживать деньги или почетныя мѣста, — къ чему никакой долгъ его не обязываетъ. Кто заставлялъ его выбрать такое положеніе въ жизни, которое мѣшаетъ ему заботиться о духовномъ благѣ дѣтей своихъ? Кто далъ ему право предаться съ такою ревностью званію, однажды и можетъ быть неозвратно избранному, увлечься страстью къ прибыли и къ матеріальнымъ выгодамъ до такой степени, что для семейства вовсе не остается уже времени? Не имѣетъ понятія отецъ о долгѣ и достоинствѣ родительскомъ, если не готовъ по-

жертвовать и прибылью и временемъ, чтобъ можно было ему самому исполнить этотъ долгъ, самому поддержать это достоинство для блага своего дома*. Добрый христiанинъ оставляетъ въ Воскресный день всѣ дѣла ежедневной жизни, зная что за то въ остальные дни Богъ благословитъ земной трудъ его: такъ и отецъ, какъ бы ни былъ прибыленъ ежедневный трудъ, долженъ что нибудь отнять отъ трудового времени, чтобы послужить Богу въ своихъ дѣлахъ. Плоды такой заботы конечно будутъ для него слаще всякой прибыли, и если онъ для Бога посвятить себя исполненiю этого долга, то тѣмъ надежнѣе можетъ ожидать себѣ помощи и охраненiя свыше во всякомъ дѣланiи.

* Riehl. Die Familie. Стр. 125. Теперь стало принадлежностью хорошаго тона — какъ можно ранѣе удалять дѣтей изъ дому, или по крайней мѣрѣ дома совсѣмъ сдавать ихъ на руки наемному гувернеру. Говорятъ, обязанности званiя, занятiя промышленныя, стали у насъ такъ сложны, что отецъ вовсе ужъ не въ состоянiи посвятить себя воспитанiю дѣтей своихъ. Это самое, когдабъ было справедливо, только доказывало-бы, что наши экономическiя отношенiя стали чрезъ мѣру запутаны, что мы портимъ себя многодѣланiемъ и страстью къ прiобрѣтенiю, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что мы должны лишать дѣтей своихъ домашняго воспитанья. Въ наше время статистическихъ, финансовыхъ и политическихъ расчетовъ привыкли измѣрять трудъ одной мѣрою матеріальнаго прiобрѣтенiя которое отъ него происходитъ. Это — мѣра совершенно ложная. Домашнее воспитанiе дѣтей — трудъ, отъ котораго ничего не прiобрѣтешь — прiобрѣтешь только благословенiе Божіе, да благословенье дѣтей своихъ — и этотъ именно трудъ составляетъ первый долгъ каждаго гражданина: не можетъ быть для него дѣла болѣе важнаго. Риль надѣется, что наступитъ и даже скоро наступитъ счастливое время возрожденiя семейнаго быта въ Германiи: объ этомъ времени говоритъ онъ на 284 стр. 'Тогда, если отецъ скажетъ, что у него нѣтъ времени заняться воспитанiемъ дѣтей, это покажется такъ же странно, какъ еслибъ священникъ сказалъ, что у него нѣтъ времени для проповѣди, или солдатъ — для военнаго ученья'.

Когда мать захочетъ сама кормить ребенка, — она достигнетъ этого, какихъ бы трудовъ ни стоило ей въ началѣ: — такъ въ духовномъ отношеніи отецъ и мать должны единодушно стоять за свое дѣло, должны сами ничего не упуская, питать духовную жизнь въ своихъ дѣтяхъ. Скоро убѣдятся они, что эти усилія не только служатъ залогомъ будущей благодатной жатвы, но и сами по себѣ составляютъ существенную часть семейнаго счастія.

Христіане-родители должны быть увѣрены, что христіанское семейство есть истинное училище духа Христова, что никакія школы, институты, семинаріи и монастыри не могутъ въ этомъ отношеніи замѣнить семейства. И въ правѣ-ли кто нибудь, кромѣ родителей, надѣяться, что онъ лучше и успѣшнѣе выполнить долгъ воспитателя? Положимъ, что въ иныхъ случаяхъ такой воспитатель будетъ имѣть качества, которыхъ недостаетъ у родителей, положимъ, что онъ будетъ превосходить ихъ и благоразуміемъ и благочестіемъ: но что заповѣдано родителямъ, то ему не заповѣдано; тѣхъ обѣтованій, которыя даны имъ, онъ не получилъ. Когда духовная власть предоставляетъ себѣ воспитаніе юношества, — она выходитъ изъ границъ своихъ и нарушаетъ права родителей: родительская власть — въ семействѣ столь же самостоятельна и ненарушима, какъ духовная — въ церкви. Духовный предстоятель христіанской общины — не имѣетъ права вытѣснить главу семейства, ибо область семьи священна, и служитель церкви равно какъ и всякій другой человѣкъ, не имѣетъ права преступать ея предѣлы. Можно даже

сказать, что семейство и власть родительская столь-же древни какъ сама церковь: семейство такъ-же какъ и церковь, учрежденіе Божіе, не менѣе твердое.

Въ Римско-католической церкви проявляется мнѣніе, будто для христіанскаго воспитанья и для лучшаго огражденія юношества отъ вредныхъ вліяній, — необходимо сосредоточить воспитаніе въ рукахъ духовенства и духовныхъ орденовъ. Хотя при этомъ и заслуживаетъ похвалы доброе намѣреніе, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и успѣхъ ему соотвѣтствуетъ, — но не трудно убѣдиться въ ложности того предположенія, на которомъ построена такая система: развѣ Богъ даровалъ духовнымъ лицамъ особенную способность, выше родительской, для воспитанія будущихъ поколѣній? Несправедливо такимъ образомъ снимать съ родителей важнѣйшую часть ихъ семейныхъ обязанностей: церковь есть не мѣсто постоянной опеки духовныхъ лицъ надъ свѣтскими, а собраніе вѣрующихъ, къ которому принадлежатъ не одни духовныя, но и свѣтскія лица. Родители, какъ члены церкви, должны прибѣгать къ духовенству за совѣтами и наставленьями, чтобы при помощи ихъ совершенствовать себя въ исполненіи всѣхъ обязанностей своего званія, между прочимъ и въ дѣлѣ воспитанья. Воспитаніе дѣтей посредствомъ духовенства можетъ быть допускаемо только въ крайности, въ видѣ исключенья, съ цѣлью приготовить дѣтей къ выполненію будущихъ родительскихъ обязанностей.*

* Последнею фразой Тиршъ въ последнемъ изданіи замѣнилъ слѣдующія слова прежнихъ изданій: »Но никогда, ни подъ какимъ предлогомъ не

Точно такая же ошибка—систему воспитанія дѣтей для духовнаго званія въ семинаріяхъ (seminarium priegerum) предпочитать воспитанію въ нѣдрахъ христіанскаго семейства. То образованіе сердца и ума которое достигается здѣсь — ничѣмъ замѣнить невозможно. Заблуждается тотъ, кто думаетъ что священникъ можетъ замѣнить собою природнаго отца, а церковь—мать природную. Не можетъ это быть такъ, потому что не должно быть такъ. Не должно быть потому что противно установленію Божію, на которомъ основано все нравственное преуспѣяніе общества.

Такую систему должно назвать положительно вредною; но едвали не еще вреднѣе для воспитанія, когда родители отдавая своихъ дѣтей въ училище, слагаютъ съ себя воспитательный долгъ свой. Это зло къ несчастью такъ сильно уже распространилось между нами, что нѣтъ по видимому человѣческихъ средствъ искоренить его. Какъ можно скорѣе помѣстить дитя въ учебное заведеніе, предоставить училищу всякую, какую только можно, заботу объ немъ, освободить себя если можно, отъ всякаго труда въ воспитаніи или по крайней мѣрѣ уменьшить этотъ трудъ до послѣдней степени: — вотъ пагубныя начала, по которымъ такъ часто дѣйствуютъ у насъ родители. Эти начала коренятся въ нравственной лѣности, въ матеріальномъ направленіи естественнаго человѣка, въ желаніи устранить отъ себя по возможности всѣ высшіе вопросы жизни: онѣ поддерживаются къ сожа-

слѣдуетъ лишать дѣтей домашняго воспитанья, передавая его въ руки духовенства». — *Прим. Перев.*

лѣнью предразсудкомъ общественнаго мнѣнія, а если по несчастью и самый законъ потворствуетъ этому предразсудку, то и человѣкъ способный къ лучшему, правильнѣйшему воззрѣнію, часто не въ силахъ бываетъ бороться съ ложнымъ направленіемъ цѣлаго общества. Когда государство — въ ущербъ семейству стѣсняетъ свободу родительской власти и предъявляетъ права свои на воспитанье, мудрено-ли что и церковная власть вступаетъ съ нимъ въ споръ о томъ, кому должны принадлежать эти права исключительно: такой споръ у многихъ западныхъ народовъ принималъ размѣры борьбы политической.

Но ни та, ни другая власть не можетъ присвоить себѣ того, что ни той, ни другой не принадлежитъ по праву. Обѣ системы — и національная и клерикальная неправильны, потому что обѣ насильственно вытѣсняютъ семейство и замѣняютъ непризванною властью — власть родительскую, тогда какъ одна только она уполномочена устанавливать образъ и правило, мѣру и цѣль воспитанія и обученія дѣтей. Замѣчательный, и можно сказать — ужасный примѣръ того, до какого заблужденія можетъ дойти въ этомъ отношеніи система, — представляетъ предложеніе Фихте (см. Fichte's. Reden an die deutsche Nation; 2, 3 und 11 Rede): — Государство, по мнѣнію его, должно силою взять дѣтей у родителей и принять на себя всеобщее, такъ называемое національное воспитанье. Такое насиліе самъ Фихте уподобляетъ конскрипціи, и этимъ сравненіемъ думаетъ оправдать его. Человѣкъ, обладавшій столь необыкновеннымъ нравственнымъ достоинствомъ, такою душевною силою, что

нравственное учение его съ философской точки зрѣнія до нынѣ можетъ почитаться лучшимъ сочиненіемъ по этому предмету, — философъ, который такъ вѣрно во многихъ отношеніяхъ разсуждалъ о бракѣ, — могъ дойти до такого заблужденія, что считалъ необходимымъ совершенно исключить воспитаніе изъ круга семейной жизни, запереть молодыхъ людей въ казармы и тамъ совершать полное ихъ воспитанье не для дому и семейства, а исключительно для великаго отечества. Нельзя не вспомнить при этомъ о Ликуртѣ: Ликургово законодательство не признавало священнаго достоинства семьи; — это было еще извинительно для язычества, въ которомъ естественно нѣкоторое помраченіе основнаго нравственнаго закона. Но если подобная идея объ исключеніи домашняго воспитанья могла развиться въ христіанскомъ обществѣ, — то это служить явнымъ признакомъ того, что въ самомъ обществѣ домашнее воспитаніе пришло въ упадокъ. Педагогическіе опыты Базедова, Фантастическіе планы воспитанія у Гете (см. *Wilh. Meist. Wanderjahre 2 Buch*). были уже въ этомъ отношеніи недобрыми признаками помраченья въ общественномъ сознаніи: здѣсь германскій духъ дошелъ до такого же заблужденія, какое въ послѣдствіи выразилось у Французовъ въ мечтаніяхъ Фуррьё и коммунистовъ о всеобщемъ народномъ воспитаніи въ фаланстерахъ.* Конечно утопія останется всегда утопіею: сила естественныхъ условій жизни

* О системѣ Фуррьё см. у Штейна: *Der Socialismus und Communismus im heutigen Frankreich. 2 Aufl. Leipzig. 1848. стр. 556—558.*

такъ непреодолима, что нѣтъ возможности совсѣмъ ниспровергнуть ихъ и тотчасъ же осуществить на развалинахъ новый планъ воспитанія. Но нельзя не сознаться, что ложныя начала которыя мы имѣемъ въ виду, лежатъ въ основаніи учрежденія народныхъ и общественныхъ школъ въ Германіи,—и что по мѣрѣ развитія этихъ началъ вредныя послѣдствія ихъ становятся ощутительнѣе. У семейства отнять естественный кругъ его дѣятельности: въ слѣдствіе того офиціальныя воспитатели и учителя должны получить ложное и преувеличенное понятіе о своемъ призваніи. Они начинаютъ называть себя »учителями народа«, и это высокое мнѣніе поддерживается отчасти всею системою приготовленія учителей и тѣми требованіями, которыя налагаетъ на нихъ правительственная власть. Множествомъ предметовъ и происходящею отъ того именно легкостью преподаванія ихъ въ педагогическихъ семинаріяхъ, систематически приучали учениковъ — будущихъ учителей — къ чрезмѣрно высокому о себѣ мнѣнію, а потомъ, возбуждивъ въ нихъ эту ложную кичливость, развивъ въ нихъ непомерно высокія требованья, оставляли ихъ, по вступленіи въ должность, въ бѣдности: съ этой бѣдностью пожалуй могъ еще помириться простой учитель прежняго времени, а для нынѣшняго она не выносима; въ нынѣшнемъ она возбуждаетъ постоянное недовольство, желчное расположеніе, развиваетъ въ немъ равнодушіе къ дѣлу, а иногда доводитъ его и до отчаянія. Правда начинаютъ уже мало по малу обращать вниманіе на опасныя слѣдствія такой системы;—требуютъ, и справедливо требуютъ упрощенія

училищному образованію. Въ Пруссіи приняты уже важныя мѣры для достиженія этой цѣли.—Чтобъ успѣшнѣе исправить зло, требуютъ нерѣдко усиленнаго религіознаго образованія: и это требованіе еще яснѣе показываетъ ошибочность идеи, на которой построена германская училищная система. Желая указать на корень зла, — говорятъ: »у насъ въ школахъ слишкомъ мало учатъ религіи«. Это неправда. Не правильнѣе ли будетъ выразиться, что учатъ слишкомъ много? Такъ много, что отецъ и мать не чувствуютъ въ себѣ упрека, когда сердца ихъ, изъ которыхъ религія должна была бы переливаться въ сердца дѣтей, становятся холодными и замкнутыми. Такъ много, что въ умахъ мало по малу укореняется обманчивая мечта, будто религіи можно научиться, какъ учатся письму и счету. Понятіе о религіи такъ слилось съ мыслью объ учебномъ курсѣ, — что священное имя Бога и таинство христіанской вѣры сведены на одну степень съ искусствами и превратились въ пустыя слова и фразы, безъ которыхъ нельзя обойтись въ общественной жизни.

Нѣтъ, не въ школахъ мало учатъ закону Божію, а мало религіи въ самихъ учителяхъ. Если хотятъ исправить этотъ недостатокъ умноженіемъ учебныхъ часовъ для закона Божія, — то страшно какъ бы это средство не породило новаго зла еще болѣе разрушительнаго. Мнѣ кажется, лучше вовсе не быть учителю Закона Божія, чѣмъ быть такому, въ которомъ нѣтъ религіи. Какъ бы ни было по наружности правильно изложеніе предмета въ устахъ такого человека, — оно будетъ положительно вредно, если самъ

учитель — человекъ нравственно тупой и равнодушный. Въ необученномъ, въ несвѣдущемъ остается еще на будущее время способность для воспринятія христіанскаго духа.—А въ такомъ воспитанникѣ, который машинально и по принужденію учился у равнодушнаго наставника истинамъ христіанства,—развивается по большей части неисправимая тупость мысли и чувства. Онъ знаетъ — пожалуй въ подробности ученіе о таинствахъ вѣры; но въ немъ это знаніе — трупъ, котораго потомъ не возбуждаютъ къ жизни никакія усилія вѣрныхъ служителей церкви.*

* Слѣдующія за симъ разсужденія Тирша помѣщаемъ въ примѣчаніи, потому что они относятся къ особенностямъ лютеранской церкви и Прускаго Государственнаго устройства.

Для того, чтобъ наставленіе въ религіи могло совершаться въ правильномъ, естественномъ порядкѣ, оно должно принадлежать сначала матери, потомъ отцу, наконецъ уже священнику, — и если всѣ эти лица исполняютъ свою обязанность какъ слѣдуетъ, то не остается ужъ и мѣста участію въ этомъ дѣлѣ школьнаго учителя. Тысячу лѣтъ простояла христіанская церковь, ничего не вѣдая о школьномъ обученіи религіи и нисколько въ немъ не нуждаясь. Если правда, что въ средніе вѣка учителя въ народныхъ школахъ принадлежали къ разряду такъ называемыхъ *лекторовъ* (*Lectores*), составлявшихъ одну изъ нисшихъ церковныхъ степеней, то не мудрено, что на нихъ частію возложено было и церковное обученіе; но съ тѣхъ поръ какъ школы стали государственными установленіями, а школьные учителя служителями государственной власти, — должно было исчезнуть и это церковное значеніе учителей. Исчезла и прежняя потребность, потому что элементарныя знанія гораздо болѣе, чѣмъ прежде распространены между родителями, и силъ духовенства стало достаточно для того, чтобы приступать заблаговременно къ церковному наставленію. Если родители находятъ въ духовенствѣ надлежащее руководство и ободреніе, то могутъ при самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ достигнуть того, что дѣти будутъ знать катихизисъ и важнѣйшія событія библейской исторіи — прежде чѣмъ начнетъ приготовительное обученіе ихъ для конфирмаціи.

Первая связь дѣтей — съ родителями, а не съ Государствомъ. Предос-

Достовѣрно, что во Франціи число преступленій умножилось по мѣрѣ того какъ система общественнаго воспитанія приняла обширнѣйшіе размѣры. Известно, что въ Германіи нравственное образованіе вообще не соотвѣтствуетъ ожиданьямъ, возбужденнымъ всеобъемлющею системою народныхъ школъ. Во время событій 1848 и 1849 годовъ духъ господствующій

тавимъ же родителямъ принадлежащую имъ долю отвѣтственности за развитіе дѣтей для здѣшней и для будущей жизни. Въмѣсто того государство принуждаетъ родителей посылать дѣтей въ школу какъ скоро имъ минетъ 6 лѣтъ, приводить ихъ къ наставленью для конфирмаціи какъ скоро имъ минетъ 13 лѣтъ; а если кто вздумаетъ замѣнить школьное обученіе — домашнимъ; то и домашнее обученіе государство подвергаетъ разнымъ ограниченіямъ и стѣсненіямъ, и его подчиняетъ полицейской регламентаціи. Въ этой системѣ очевидно примѣняются ко всѣмъ и каждому такія предположенія, которыя слѣдовало бы допускать лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ видѣ исключенія. Государственная власть, увлекаясь желаніямъ все привлечь къ себѣ, дѣйствуетъ при этомъ такъ, какъ будто никто изъ родителей не въ состояніи судить о своей пользѣ и о пользѣ для дѣтей своихъ, какъ будто вовсе нѣтъ церкви, для того чтобъ напомнить родителямъ объ ихъ отвѣтственности.

Правда, что родители вообще не въ состояніи принять на себя исключительно заботу объ элементарномъ образованіи дѣтей, потому что не въ состояніи сами учить дѣтей высшимъ наукамъ и искусствамъ. Этотъ недостатокъ дополняется общественными школами, и потому школы суть насущная потребность и великое благодѣяніе. Но полномочіе даваемое учителямъ должно исходить отъ родителей. Оно должно быть добровольное и не должно никогда доходить до того, чтобъ родители вовсе отказались отъ своего воспитательскаго призванія и покинули дѣтей. Положимъ что Государство и церковь даютъ и отъ себя средства къ образованію и содержанію учителей: это ужъ второстепенное дѣло, а главное то чтобъ не была нарушаема святая семья, чтобъ оставалось цѣло родительское право. Небольшимъ частнымъ заведеніямъ съ домашними учителями всегда отдають предпочтеніе передъ многочисленными казенными училищами съ казеннымъ обученіемъ. Въмѣсто того чтобы принуждать дѣтей поступать въ эти училища, слѣдовало бы свѣтскимъ и духовнымъ властямъ всячески поощрять открытіе небольшихъ школъ частными людьми.

въ Германскомъ юношествѣ выразился такъ неблагопріятно, что стали тревожиться даже люди толкующіе все къ лучшему. Всѣ родители, у кого лежитъ на сердцѣ забота о добрыхъ правилахъ, жалуются что становится труднѣе утвердить въ добрыхъ правилахъ дѣтей. Главною причиною этихъ жалобъ должно почитать чрезмѣрное расширеніе у насъ системы училищнаго воспитанія. Въ общественныхъ училищахъ распространяется всегда тотъ же духъ, которымъ проникнуто большинство въ современномъ обществѣ, — а въ юности человѣкъ всего болѣе подверженъ вліянію общественнаго духа. — Какъ скоро молодой человѣкъ вступаетъ въ школу, онъ по необходимости увлекается тѣмъ направленіемъ, на которое попадаетъ: хорошо ли оно, дурно-ли, — трудно съ нимъ бороться; замѣтимъ еще, что во всѣхъ школахъ вліяніе товарищей дѣйствуетъ на вновь поступающаго воспитанника сильнѣе чѣмъ вліяніе наставниковъ. По этому можно судить, какъ необдуманно поступаютъ, какимъ опасностямъ подвергаютъ дѣтей тѣ, которые хотятъ какъ можно ранѣе помѣстить ихъ въ общественное учебное заведеніе. Покуда есть малѣйшая возможность, — покуда не истощены еще всѣ средства и даже пожертвованія, оставляйте ихъ дома, гдѣ вѣетъ надъ дѣтьми благодѣтельный духъ семейства, а не бурное и холодное дыханіе духа времени; здѣсь наблюдаетъ за ними взоръ отца и матери, здѣсь развиваются передъ ними чистыя и нѣжныя чувства, готовятся для нихъ чистыя радости домашняго круга.

Для шестилѣтняго ребенка гораздо важнѣе, чѣмъ умѣнье писать, читать и считать, — развитіе чистаго

семейнаго духа, утвержденіе въ ребенкѣ тѣхъ началъ, которыми проникнута домашняя жизнь у нравственно образованныхъ родителей. Прежде всего должно утвердиться въ ребенкѣ сознаніе, что онъ—дитя христіанскихъ родителей, и что не слѣдуетъ ему дѣлать ничего недостойнаго своихъ родителей и своего христіанскаго званія. Честь его и радость его пусть будетъ вся на томъ мѣстѣ, которое онъ занимаетъ въ домѣ: чѣмъ больше участвуетъ онъ въ ежедневныхъ событіяхъ и въ духовной жизни родителей и старшихъ братьевъ, тѣмъ совершеннѣе должна быть эта честь и радость. Онъ долженъ сдѣлаться развитымъ, сознательнымъ, нераздѣльнымъ членомъ того семейства, къ которому принадлежитъ. Тѣ убѣжденія, которыя господствуютъ въ семьѣ, должны и въ немъ пустить глубокіе корни. Только тогда, но никакъ не ранѣе, добросовѣстные родители рѣшатся отпустить ребенка въ училище, гдѣ со всѣхъ сторонъ могутъ на него дѣйствовать примѣры и внушенія совсѣмъ иного рода. Со вступленіемъ въ дѣйствительную жизнь, для всякаго настаетъ время испытанія, — а безъ испытанія не можетъ окрѣпнуть добродѣтель. Но и добродѣтель только тогда въ силахъ устоять противъ искушенія, когда въ домѣ родительскомъ положено ей твердое основаніе. Подвергать ее опасностямъ преждевременно, смотрѣть сквозь пальцы на эти опасности, увлекаясь мыслью объ удобствахъ училищнаго воспитанія, — развѣ это не безчеловѣчно со стороны родителей въ отношеніи къ дѣтямъ?

Есть однакоже много родителей, которыхъ край-

няя необходимость заставляет дѣйствовать на перекоръ этимъ основнымъ правиламъ. Въ томъ и состоитъ къ несчастью самое печальное свойство крайней бѣдности, что ею подавляется семейная жизнь. Тотъ кто находится въ подобномъ положеніи, не можетъ конечно собственною силой освободить отъ него себя и свое семейство. Но сознавать свое несчастье можетъ онъ и долженъ; долженъ искать средствъ, чтобъ вырваться изъ тѣхъ противуестественныхъ и богопротивныхъ отношеній, которыя отнимаютъ у него свободу, долженъ неотступно просить помощи отъ Бога и отъ людей, покуда не явится помощь. Лишь бы не ослабѣлъ онъ въ вѣрѣ и не охладѣлъ въ молитвѣ: Богъ самъ попечется о несчастныхъ дѣтяхъ, но въ такомъ только случаѣ, если родители для исполненія своего долга относительно семейства сдѣлали все, что состояло въ ихъ власти.

И такъ если все бремя воспитанія лежитъ на родителяхъ, оставимъ его родителямъ. Задача у отца и у матери общая, но раздѣляется между обоими смотря по особенному положенію той и другой стороны. И тѣлесное и духовное благосостояніе дитяти ввѣрено прежде всего надзору и попеченію матери. Какъ отъ нея получаетъ ребенокъ первую тѣлесную пищу, такъ отъ нея же долженъ получать первое питаніе для жизни высшей*. Она учитъ его говорить: она же

* Прекрасно говоритъ Богумиль Гольцъ въ своей книгѣ—о дѣтствѣ (Buch der Kindheit. Frankf. a. M. 1817 стр. 140): Для всѣхъ насъ приходитъ такое время, когда, утомившись отъ свѣта и всѣхъ его мудрованій,

пусть учить его и молиться: какъ скоро умѣетъ онъ произносить первыя слова языкомъ человѣческимъ, пусть учить его мать и тому, какъ вести рѣчь съ Богомъ. Она должна, — не вѣрнѣе ли сказать: она можетъ, она смѣетъ приступить къ этому. И если она сама молится, то вѣрно съ горячимъ желаньемъ и съ радостью станетъ учить тому же дитя свое. Нечего бояться ей, что молитва ребенка будетъ бездушнымъ повтореніемъ словъ, если сама она умѣетъ не однимъ языкомъ молиться. Если святое чувство объемлетъ при этомъ ея душу, то конечно и ребенокъ ея не станетъ употреблять имя Божіе все въ своей молитвѣ. — Если въ ней живетъ тотъ же духъ, которымъ были исполнены святые жены вѣковъ минувшихъ, то она давно уже начала молиться за дитя свое. Святое крещеніе было для нея не пустымъ обрядомъ. Твердо вѣруя что Господь Іисусъ всегда съ нами присутствуетъ, она принесла къ Нему своего младенца, какъ приносили нѣкогда дѣтей своихъ

мы живемъ воспоминаніями дѣтства и дома родительскаго; горе въ эту пору старому человѣку, у кого не было матери, сдѣлавшей для него начало бытія дѣтскимъ раемъ и святынею жизни! Въ позднюю пору жизни забываешь все, облегчаешь духъ отъ всего напрасно заученнаго, отъ всего суетливо прожитаго, для того чтобъ очистившись, погрузиться въ святое, сладкое время, когда любовь матери оберегала каждый шагъ нашъ и небо было для насъ на землѣ. Чему учила насъ добрая и благочестивая мать, что сѣяла она въ дѣтскомъ сердцѣ своимъ примѣромъ, скромными добродѣтелями, любящими и наказующими взорами, словами и дѣлами, — все то глубже и глубже укореняется въ насъ, все то у человѣка нѣжно чувствующаго составляетъ основаніе и опору совѣсти, образа жизни, характера, — и вмѣстѣ съ Священнымъ Писаніемъ образуетъ религію, которая ничего не терпитъ въ себѣ суетнаго, чуждаго и нечистаго, но подобно горному леднику выбрасываетъ наружу все попавшее случайно.

Евангельскія жены, и взяла его обратно съ увѣренностью, что Онъ принялъ и благословилъ его, и что это благословеніе—не пустое слово, а напутствіе къ небесному царствію. Такъ мать-христіянка видитъ въ своемъ младенцѣ святыню, ей порученную. Конечно тѣ матери съ особеннымъ чувствомъ смотрѣли на благословенныхъ Христомъ дѣтей своихъ, конечно онѣ въ свое время заботились объяснить и растолковать дѣтямъ, кто далъ имъ благословеніе: точно такъ-же и теперь мать-христіянка должна смотрѣть на своего младенца и поступать съ нимъ. Тогда будетъ для нея свята молитва ребенка; и не позволить она себѣ требовать отъ него одного повторенія молитвъ, если въ собственной душѣ ея нѣтъ молитвы и благоговѣнія. Со страхомъ Божіимъ станетъ она приступать къ исполненію этого материнскаго долга, въ томъ убѣжденіи, что дѣтская молитва близка къ сердцу Бога. Когда мать творитъ съ своимъ младенцемъ утреннюю и вечернюю молитву, — она творитъ святое и высокое дѣло; она уподобляется служителю Христову, когда онъ возноситъ къ Богу предъ алтаремъ молитвы церкви. Если въ такомъ духѣ дѣйствуетъ мать,—повторяемъ, нечего ей опасаться, что молитва въ устахъ ея ребенка будетъ повтореніемъ словъ ея. Тѣ, которые слишкомъ заботятся о томъ, чтобъ ребенокъ начиная слишкомъ рано молиться, не привыкъ къ одному бездушному механизму молитвы,—пусть лучше позаботятся о самихъ себѣ! не превратилась ли въ пустую форму ихъ собственная молитва, — если только сами они молятся.

Что сказать о такъ называемой школьной молит-

вѣ, то есть о повтореніи молитвъ въ видѣ школьной задачи, или напр. о существующемъ у протестантовъ старинномъ обычаѣ, созывать въ школѣ дѣтей »на молитву« въ присутствіи посѣтителя? Такіе обычаи и всѣ имъ подобныя, недостойны имени молитвы: они заслуживаютъ даже рѣшительнаго порицанія. Мало того, что здѣсь имя Божіе употребляется всеу: такое злоупотребленіе молитвы рѣшительно портитъ дѣтей, даетъ имъ ложное направленье! Положимъ что не всегда еще послѣдствіемъ его бываетъ духовная гордость, — самый пагубный видъ гордости: довольно и того, что святыня теряетъ свою силу. Здѣсь то исполняется угроза наказанія, произнесенная на тѣхъ, кто произноситъ имя Господне всеу. Наказаніе состоитъ въ томъ, что святое имя употребленное всеу, — становится потомъ безсильно, дѣлается пустымъ звукомъ и въ тяжкій часъ нужды, и въ такое время, когда чувствуется необходимость глубокаго благоговѣнія. Какъ скоро ребенокъ начинаетъ вслушиваться въ рассказы, — дѣло матери воспользоваться этою порою, когда понятія раскрываются и дитя можетъ еще учиться шутя: пусть она рассказываетъ ему событія Священной исторіи, особенно исторіи Спасителя, тѣмъ дѣтскимъ простымъ языкомъ, который сердце одной только матери знаетъ въ совершенствѣ. Нельзя не сожалѣть о родителяхъ, когда они сами лишаютъ себя самой чистой радости — передавать ребенку первыя вѣсти объ Искупителѣ и быть свидѣтелями перваго, самаго свѣжаго и глубокаго впечатленія, которое онѣ производятъ на дѣтскую душу. И какую отвѣтственность родители бе-

руть на себя, когда поручаютъ чужому человѣку эту святую, счастливую обязанность: ни нянька, ни гувернантка, ни учитель домашній или школьный не могутъ исполнить съ такимъ успѣхомъ дѣло, на которое Богъ благословилъ прежде всего родителей.

Библейская исторія представляетъ такое сокровище нравственныхъ началъ и глубочайшихъ истинъ, выраженныхъ въ самой наглядной формѣ, — что лучше ея ничего и придумать нельзя для начальнаго дѣтскаго образованія. Можно сказать, что мы сами тогда только и читаемъ эту исторію какъ слѣдуетъ, когда читаемъ ее для дѣтей своихъ, размышляя о томъ, что въ ней для нихъ и что для насъ самихъ можетъ быть полезно. Все это относится и къ исторіи Ветхаго Завѣта. Самъ Іисусъ возрасталъ подъ ея руководствомъ; она привлекала Его къ дому Божію, когда, забывая о всемъ прочемъ, сидѣлъ онъ въ церкви посреди учителей, слушая и вопрошая ихъ.

»Кто видитъ Сына, тотъ видитъ и Отца«. Научившись познанію Искупителя, дѣти начинаютъ понимать и тѣ указанія на Бога Отца, которыя могли встрѣчаться имъ посреди благъ и радостей родительскаго дома, посреди прекрасныхъ созданій внѣшней природы. Рано должны бы были они узнать Отца, Сына и Святаго Духа, единого истиннаго Бога, рано могли бы понимать, чѣмъ обязаны каждому лицу Св. Троицы, но это познаніе Бога можетъ и должно явиться не прежде того, какъ раскрылась въ ребенкѣ способность молиться.

Трудно опредѣлить съ какого времени начинается участіе отца въ религіозномъ обученіи: во всякомъ

случаѣ отецъ не долженъ уклоняться отъ него при самомъ началѣ: потомъ мало по малу пусть и онъ раздѣляетъ дѣло матери, внося въ него мужескую строгость, свойственную отеческой власти. На немъ лежитъ обязанность — утреннимъ и вечернимъ домашнимъ богослуженіемъ охранять все семейство отъ погруженія въ свѣтскую суету, поддерживать въ немъ внутреннюю гармонію и всегдашнее сознаніе высокаго его назначенія и святости. Дѣти, видя, что родители ихъ благоговѣютъ предъ Богомъ, сами утверждаютъ въ вѣрѣ и покорности. И въ этомъ случаѣ нечего опасаться, что ежедневное повтореніе домашней или обѣденной молитвы въ извѣстные часы повредитъ духу молитвы и превратитъ ее въ мертвое механическое дѣйствіе. Не боимся же мы развить въ своихъ дѣтяхъ лицемеріе, когда заставляемъ ихъ при частыхъ встрѣчахъ съ почетными людьми оказывать имъ одни и тѣ же знаки почтенія, — или когда учимъ дѣтей благодарить напр. за обѣдъ или подарки каждый день однимъ и тѣмъ же образомъ. Нѣтъ, — если въ самихъ родителяхъ дѣйствительно есть живой духъ вѣры, благоговѣнія и святости, — всякое опасеніе профанаціи само собою исчезаетъ. Если же нѣтъ этого духа въ родителяхъ, то конечно сколькобъ ни старались они о религіозномъ воспитаніи дѣтей, всѣ ихъ внушенія ни къ чему не поведутъ.

Когда у Евреевъ установлено было священное торжество Пасхальной ночи, — вотъ что между прочимъ было повелѣно имъ: »Когда ваши дѣти спросятъ васъ: что вы такое дѣлаете? отвѣчайте имъ: это Пасха Го-

сподня«. (Исх. XII, 26). Подобно тому и въ Новомъ Завѣтѣ слѣдуетъ допускать дѣтей, въ качествѣ свидѣтелей и участниковъ, къ священнодѣйствіямъ въ церкви. Пусть видятъ они что происходитъ въ дому Божіемъ. Отсюда рождаются вопросы: вопросы эти должны быть обращены къ родителямъ; родители должны быть готовы отвѣчать на эти вопросы съ приличною важностью и съ кротостью: тогда всякій отвѣтъ будетъ принятъ съ вѣрою и глубоко пустить корни къ сердцу ребенка. Вотъ настоящій, Богомъ указанный путь къ распространенію христіанскихъ истинъ и къ утвержденію страха Божія: на этомъ взаимнодѣйствіи церкви и родительскаго авторитета утверждается чистота и плодотворная сила преданія.

Когда такимъ образомъ при помощи матери и отца положено основаніе религіозному воспитанію, и настаетъ для ребенка пора принять самостоятельное участіе въ таинствахъ церкви, — тогда только слѣдуетъ предоставить духовному лицу обученіе его и приготовленіе къ званію самостоятельнаго члена церкви.

Великое бѣдствіе для ребенка, когда его воспитываютъ безъ всякой заботы о христіанствѣ; но иногда не менѣе бѣдственно и то воспитаніе, которое совершается хотъ и во имя религіи, но не въ чистомъ духѣ Христовомъ. Всѣ неправильные толки и разумѣнія, которымъ подвергалась христіанская религія въ рукахъ человѣческихъ, оказали вредное свое вліяніе и въ дѣлѣ воспитанья. Случалось, что и богобоязли-

вые родители, увлеченные ложною системой, подъ вліяніемъ ея допускали въ обращеніи съ дѣтьми самыя опасныя ошибки, и тѣмъ сами отнимали у себя плоды трудовъ, попеченій и молитвъ своихъ. Къ такимъ ошибкамъ можно причислить: настойчивое требованье сердечнаго сокрушенія, обремененіе памяти религіозными словами: — иные рѣшительно не хотятъ обращать вниманія на естественныя требованья физической жизни и пренебрегаютъ тѣмъ, что можетъ быть достигнуто обыкновенными средствами. Мы нисколько не думаемъ уменьшить цѣну сердечнаго сокрушенія и вполнѣ сознаемъ всю его необходимость. »Царство небесное нудится и нуждницы восхищаютъ его«. Необходимо для христіянина, послѣ каждаго проступка со всею строгостью сознанія снова обращаться къ Богу и стремиться всею душой къ возобновленію желаннаго общенія съ Богомъ. Эта необходимость одинакова, какъ для насъ, такъ и для дѣтей нашихъ; мы должны наблюдать, чтобъ и они ей подчинялись, если заботимся о душевной ихъ пользѣ. — Пока еще предстоитъ намъ каждый день молиться: »остави намъ долги наша«, до тѣхъ поръ наша жизнь должна быть непрестаннымъ покаяніемъ. Но это покаяніе основывается на сознаніи того, что Богъ благоволилъ сдѣлать насъ дѣтьми своими. Вотъ что побуждаетъ насъ, вотъ что должно побуждать и дѣтей нашихъ искать Бога съ сердечнымъ сокрушеніемъ всякій разъ, когда почувствуемъ, что сколько нибудь отъ него отделились. Въ этомъ состоитъ непремѣнное условіе истиннаго христіанскаго покаянія.

Соблюденіе: — вотъ истинная цѣль и главная

идея христiанскаго воспитанья.— Говоримъ: соблюденiе, потому что тѣ, кои намъ ввѣрены, суть уже чада Божіи, а не становятся ими съ тѣхъ поръ, какъ ввѣрены намъ. Упуская это изъ виду, мы лишаемъ свое зданіе твердой опоры: можемъ ли ожидать, что Богъ оправдаетъ наше воспитанье, когда начинаемъ его съ того, что стараемся отвергнуть, оставить въ сторонѣ и изгладить изъ сознанія ребенка все, что Богъ для него сдѣлалъ? А такъ именно поступаютъ тѣ родители, которые стараются какъ можно ранѣе внушать ребенку мысль о нравственномъ его паденіи, думая посредствомъ этого развить въ немъ чувство сердечнаго сокрушенія и обращенія къ Богу. Въ томъ и состоитъ высокое преимущество христiанскаго ребенка, что съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ начинаетъ узнавать Бога, онъ можетъ почитать себя чадомъ Божіимъ, можетъ любить Бога какъ Отца и какъ Отцу, молиться Ему. Это понятіе должно исчезнуть изъ дѣтскаго сердца, какъ скоро вы насильно поставите ребенка въ положеніе язычника, не знающаго Бога. Такимъ образомъ — воспитатель христiанскихъ дѣтей самъ себя лишаетъ готовой помощи, которую имѣлъ бы уже въ одной мысли о томъ, что призору и попеченію его поручены въ лицѣ дѣтей существа уже возсозданныя благодатью. Вѣрующій и благочестивый человѣкъ видитъ въ Св. Крещеніи не одинъ обрядъ, не одно человѣческое дѣло, — и это столь же вѣрно, какъ вѣрно то, что и въ Св. Причащеніи сообщается намъ божественная сила благодатнаго соединенія со Христомъ. Во Св. Крещеніи человѣкъ прививается ко Христу, какъ вѣтвь къ лозѣ: какъ по природѣ въ рож-

деніи естественную жизнь принимаемъ отъ Адама, такъ въ крещеніи — духовную жизнь получаемъ отъ Христа. Съ нимъ какъ съ небеснымъ Главою, соединяются и дѣти наши, какъ члены Его таинственного тѣла: мы вѣримъ, что и они состоятъ съ нимъ въ жизненной связи подобно тому какъ вѣтви связаны съ лозою, мы знаемъ, что человѣкъ по природѣ своей, независимо отъ оживляющей божественной благодати, подлежитъ суду: но въ Св. Крещеніи обрѣтаемъ духовное возрожденіе, въ которомъ малолѣтныя нуждаются не менѣе взрослыхъ, и для котораго первые гораздо еще способнѣе послѣднихъ. Грустно признаться, что во всемъ множествѣ христіанскихъ дѣтей такъ мало замѣтно слѣдовъ божественной жизни, но нельзя тому удивляться; — ибо взрослые нисколько по видимому не заботятся охранять и утверждать эту жизнь въ дѣтяхъ, а напротивъ какъ будто сами нарочно дѣлаютъ все возможное, чтобы погасить ее дурными примѣрами и безпечностью. Совершенно погасить ее невозможно; но физическая жизнь новорожденнаго — слабая и ненадежная, требуетъ непрерывно материнскаго попеченія: безъ надзора, подвергаясь всѣмъ случайностямъ, она слабѣетъ и разрушается. Такого же попеченія требуетъ и высшая жизнь возрожденнаго. Если мы видимъ изъ опыта, что большая половина новорожденныхъ младенцевъ умираетъ на первомъ году жизни, — то удивительно ли, что и духовная смерть производитъ такую страшную жатву? Сколько-жъ есть родителей, которые духовнымъ образомъ совершаютъ надъ своими дѣтьми такія же преступленія, какія извѣстны въ мірѣ физической жизни:

бросають и подкидываютъ дѣтей своихъ, медленно убиваютъ ихъ голодною смертію или совершенною беззаботностію.

Въ младенцѣ есть уже всѣ тѣлесныя и духовныя силы: какой безумецъ станетъ увѣрять, что умъ, воля, воображеніе — прививаются къ нему уже въ послѣдствіи? Такъ христіанскій ребенокъ есть уже — новый человекъ во Христѣ: возрожденіе »рожденіе свыше« дало ему разъ навсегда потребныя силы, — хотя въ послѣдствіи силы эти могутъ и повредиться, такъ что человеку приходится снова тяжелою борьбой завоевывать себѣ путь къ Богу изъ области сатаны.

Этимъ не ослабляется безъ сомнѣнія ни въ отношеніи къ дѣтямъ, ни въ отношеніи къ родителямъ, та строгая бдительность надъ самимъ собою, о развитіи коей справедливо прилагаютъ стараніе богобоязливые родители. Чѣмъ обильнѣе благодать дѣйствующая въ ребенкѣ, — тѣмъ строже долженъ быть и взглядъ на проступки и нарушенія обязанности, которыя онъ можетъ дозволить себѣ. — Сознаніе своего христіанскаго званія и благодати принятой въ крещеніи, — если развито правильно и съ достаточною силой, возбуждаетъ въ немъ стыдъ и глубочайшее раскаяніе въ проступкѣ. Самыя высокія нравственныя требованья рождаются отъ Св. Крещенья, ибо силою его мы еще въ дѣтствѣ обязываемся къ безпорочному хожденію по образу святаго дѣтства Іисусова. Дѣтямъ нашимъ не предстоитъ избирать самимъ: быть имъ или не быть христіанами; они уже христіане, уже вступили во владѣніе всѣми правами и обязанностями, которыя заключаетъ въ себѣ это званіе. И такъ въ той мѣрѣ,

въ какой это понятіе прививается къ дѣтскому сердцу и разуму, нравственный судъ ребенка надъ самимъ собой не ослабляется, но укрѣпляется: ребенокъ освобождается только отъ мучительныхъ сомнѣній, отъ тяжелой борьбы, — ибо твердо знаетъ, какъ много любить его Богъ.

Но правильное разумѣніе той же истины дастъ и воспитателю новыя силы, одушевить его болѣе строгимъ сознаніемъ долга. Дѣти суть наслѣдники небеснаго царствія, врученные самимъ Богомъ нашему попеченію, для того чтобъ мы во время малолѣтства соблюдали ихъ къ небесному ихъ призванію и приготовили къ предстоящему принятію назначеннаго имъ наслѣдія. Представимъ себѣ что могущественный царь призналъ за благо сына и наслѣдника своего отдать на воспитаніе въ убогую хижину подъ присмотръ простыхъ и бѣдныхъ людей, желая тѣмъ самымъ сдѣлать его способнѣе къ царствованію, когда онъ вступитъ во владѣніе государствомъ: какъ велика должна быть добросовѣстность и заботливость этихъ людей въ воспитаніи царскаго сына! Въ такомъ же духѣ и мы должны совершать воспитаніе дѣтей, пріявшихъ благодать во Св. Крещеніи. Во время младенчества Іисусова божественное происхожденіе и высочайшее достоинство Его было тайной извѣстною только матери Его и нареченному отцу. Подъ ихъ попеченіемъ младенецъ Іисусъ, какъ сынъ человѣческій, долженъ былъ воспитываться безъ грѣха и быть охраняемъ отъ всякаго зла мірскаго. Съ тяжелою заботой упрекая себя въ несмотрѣніи, искали они Его въ то время какъ Онъ три

дня пропадалъ у нихъ, — оставшись въ Іерусалимѣ. Таковы должны быть и наши чувства въ отношеніи къ дѣтямъ, если мы подлинно почитаемъ ихъ тѣмъ, чѣмъ Богъ сдѣлалъ ихъ въ крещеніи.

Представляя ребенку испорченность падшей природы человѣческой, страшный судъ, казни и вліяніе злаго духа, — конечно не трудно привести его въ волненіе и печаль, развить въ немъ сомнѣнія о его блаженствѣ и такимъ образомъ подвигнуть его ко всему что угодно. Тогда по неволѣ съ молитвой и тяжкою борьбою будетъ онъ искать Спасителя. Такимъ образомъ и дѣйствовали Джонъ Весли съ англійскими методистами, и нѣкоторые изъ нѣмецкихъ піэтистовъ: нельзя ихъ одобрить. Можетъ случиться, что такими средствами ранѣе обыкновеннаго времени достигается нѣкоторая опытность въ обращеніи души со Христомъ. Но намъ кажется, что скорѣе опасаться надобно такихъ послѣдствій, нежели желать ихъ. Здѣсь представляется величайшая опасность: впечатленіе и ощущенія прежде времени испытанныя, могутъ сдѣлаться привычнымъ дѣломъ и утратить свою силу и значеніе; лицемѣріе мало по малу можетъ привиться къ душѣ, по мѣрѣ того какъ исчезаетъ внутренняя сила и остаются однѣ внѣшнія формы. Ощущенія самыя тонкія и сокровенныя, равно какъ самыя строгія и возвышенныя дѣлаются при этой методѣ предметомъ постояннаго размышленія и ежедневнаго разговора, такъ что исчезаетъ по немногу и священная важность и сладкая таинственность, а остается или постоянное самообольщеніе подъ видомъ состоянія благодатнаго или горькое сознаніе усиливающейся не-

правды и внутренняго безплодія при плодovitости словъ и разсужденій.

Долгъ нашъ — воспитать порученныхъ намъ дѣтей Божіихъ для такого образа жизни, какой соотвѣтствуетъ ихъ призванью, и для того чтобъ они могли въ назначенное время вступить во владѣнье своимъ наслѣдіемъ. Прежде всего, въ самомъ раннемъ возрастѣ, подобно нѣжному цвѣту, пусть развивается въ нихъ сознаніе ихъ дѣтства, подѣ кроткимъ вліяніемъ отцовской и материнской любви. Мы ищемъ для нихъ рѣдкаго счастья, — счастья — всегда пребывать въ благодатномъ состояніи, того счастья, которое было удѣломъ нѣкоторыхъ великихъ людей Божіихъ, но должно было бы для всѣхъ насъ быть общимъ удѣломъ. Пока растутъ и умножаются въ нихъ опыты внутренней жизни, — постараемся какъ злую язву, удалить отъ нихъ обольстительную привычку играть и тщеславиться чувствами. Въ той увѣренности, что въ нихъ дѣйствуетъ благодать Божія, станемъ усердно избѣгать всего искусственнаго, всякой хитрости и неправды, чтобъ не было отъ того вреда и помѣхи возрастанію внутренняго человѣка. Пусть будетъ надежда наша не на свои силы, а на солнце и росу небесную, на дождь »ранній и поздній«; оставимъ неразумную мысль — разсчитать напередъ и обнять умомъ таинственное дѣйствіе Бога въ душѣ человѣческой, или вмѣстить въ узкія рамки, высказать въ мертвыхъ правилахъ и формахъ все разнообразіе божественной силы, созидающей и благодатно совершающей свое твореніе: это недоступно для человѣческой ограниченности. Постараемся остеречь и себя самихъ и ввѣрен-

ныхъ нашему попеченью отъ громкихъ но обманчивыхъ фразъ, отъ привычки играть словами и спорить объ нихъ, какъ будто въ словахъ вся сущность дѣла: за чѣмъ множество словъ, если и безъ словъ душа владѣетъ сущностью ихъ и силой? къ чему служить искусство въ словахъ, если нѣтъ въ нихъ — духа и силы дѣйственной?

Писаніе говоритъ о людяхъ »имѣющихъ образъ благочестія, силы же его отвергшихся«;—такое состояніе духа Апостолъ причисляетъ къ признакамъ великаго развращенія послѣднихъ дней, и совѣтуетъ »такихъ людей отвращаться« (П. Тимоѳ. III. 5). Какое горе, если мнимо-религіозное образованіе сдѣлаетъ такими людьми дѣтей нашихъ! Долгъ нашъ—всѣми силами отдалять отъ нихъ при воспитаніи все, что могло бы привести къ такому результату. Замѣтимъ при этомъ случаѣ, какъ опасны тѣ религіозныя упражненія, въ которыхъ дѣти пріучаются рассказывать внутренніе свои душевные опыты, обнаруживать сокровеннѣйшее святилище души своей. Естественнo, что этимъ способомъ нарушается мало по малу первоначальная простота и сила, разрушается всякое чистое стремленіе къ добру, стыдливо сокрытое въ душѣ, и человѣкъ опутывается цѣлою системой лжи,—сѣтью, изъ которой потомъ рѣдко возможно бываетъ освободиться. Въ сочиненіяхъ мистиковъ — даже самыхъ чистыхъ и возвышенныхъ есть нѣчто опасное—именно потому что здѣсь высказываются самыя сокровенныя таинства обращенія души съ Богомъ: тайна чрезъ то необъясняется и ощущеніе души испытавшей ее, не можетъ быть передано, — но всякому от-

бывается возможность святотатственно прикасаться къ ней, говорить объ ней и испытывать духъ свой въ такомъ дѣлѣ, которое зависитъ не отъ человѣческой силы и человѣческимъ словомъ не можетъ быть обнято.*

Въ литературахъ новѣйшаго времени образовался особый родъ сочиненій для развитія религіознаго чувства: это такъ называемые религіозные романы и повѣсти.** Число ихъ,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и требованіе на нихъ въ публикѣ съ каждымъ годомъ увеличиваются. Мы не только не одобряемъ такого вкуса публики, но еще видимъ въ немъ признакъ несовсѣмъ утѣшительнаго направленія господствующаго въ религіозномъ мірѣ. — Такія книги, если будутъ служить замѣною величественно строгаго, здраваго и сильнаго дѣйствія церкви, послужатъ лишь къ замѣнѣ истиннаго христіанства религіей искусственно возбужденныхъ чувствъ и пустыхъ фразъ безъ внутренней силы. Нечего радоваться, если посредствомъ такихъ книгъ совершается въ народѣ религіозное образованіе: онѣ еще болѣе отнимутъ охоту къ строгому ученію христіанскаго катихизиса. Если и дѣти закону Божію станутъ учиться шутя, — то гдѣ и какъ

* На эту опасность отъ неразумнаго чтенія мистическихъ сочиненій указывалъ еще болѣе чѣмъ за сто лѣтъ тому назадъ Бенгель (*Bengels Leben und Wirken von Burk. Stuttgart. 1831. стр. 297. 303*); съ тѣхъ поръ это предостереженіе вполне оправдалось явленіемъ новѣйшей пантеистической философіи.

** Необходимо сдѣлать исключеніе въ пользу извѣстной книги: *Pilgrims progress* — Джона Буніана. Впрочемъ едвали слѣдуетъ говорить здѣсь объ исключеніи. Нельзя и назвать книгу эту религіознымъ романомъ, по глубоко-серіозному ея тону, и по обилію духовнаго опыта.

же наконецъ научиться отличать забаву отъ строгой истины? Мы признаемся, что въ насъ возбуждаетъ только досаду и неудовольствіе большая часть такъ называемыхъ дѣтскихъ книгъ, въ которыхъ забава безразлично перемѣшана съ благочестіемъ. Невольно подумаешь: что если подъ вліяніемъ такихъ сочиненій воспитается молодое поколѣніе, которое эстетическую забаву свою приметъ за религію, а со временемъ пожалуй и величественную строгость религіи превратитъ въ забаву? Салонъ и питейный домъ не должны стоять рядомъ съ церковью подъ одною крышей. Если же и салонъ и шинокъ должны служить преддверіемъ къ церкви, то въ какую же церковь приведутъ они насъ!

Къ оправданію или къ извиненію такой смѣшанной литературы приводится обыкновенно то, что посредствомъ ея христіянскія истины распространяются въ такомъ кругу, въ который иначе трудно было бы имъ проникнуть. Мы узнаемъ здѣсь ту же податливую систему нравственности, которая находила весьма полезнымъ и справедливымъ дѣломъ — привозить въ Китай Библии въ ящикахъ съ опиумомъ, подъ видомъ контрабанды. Божественная истина не нуждается въ такихъ миссіонерствахъ. Только правымъ путемъ, облеченная во всю свою вмѣстѣ плѣнительную и поразительную строгость, войдетъ она всюду открыто и безбоязненно.*

* Для того кто хотѣлъ бы сыскать себѣ руководителя въ лабиринтѣ книгъ для дѣтскаго чтенія, прекраснымъ руководствомъ можетъ служить сочиненіе доктора Гопера: *Mittheilungen über jugendschriften an Eltern*

Власть и повиновеніе суть нравственные понятія, существовавшія до христіянства и получившія въ немъ только высшее освященіе. Даже въ сознаніи язычества сохранились во всѣ времена эти первыя основы воспитанія. *Patria potestas* у всѣхъ древнихъ народовъ неопровержимо свидѣтельствуется о законѣ, написанномъ въ сердцахъ у всѣхъ человѣковъ, о божественности уставовъ и правилъ сохранявшихся искони посредствомъ преданія въ человѣческомъ родѣ. Въ Китаѣ родительская власть стоитъ и теперь такъ высоко, что эти язычники могли бы еще стать на судъ съ христіянскими народами и осудить ихъ. Но въ язычествѣ эта власть имѣла не столько свойство родительской въ благороднѣйшемъ смыслѣ, сколько свойство власти господина и судіи. Какъ отношеніе мужа къ женѣ, такъ и отношеніе родителя къ дѣтямъ поражаетъ еще суровостью и жестокостью. Какъ во всѣхъ человѣческихъ отношеніяхъ, такъ и здѣсь все суровое и тяжкое было смягчено христіянствомъ, и такимъ образомъ открытъ путь божественной благодати, дотолѣ не находившей себѣ мѣста.

Всякая власть отъ Бога, но всякая власть дана ко благу людей врученныхъ ей. Съ тѣхъ поръ какъ Христосъ сошелъ на землю, не да послужать Ему, но да послужить, — съ тѣхъ поръ характеръ всякой власти во всѣхъ ходящихъ по духу Христову, сталъ со-

und Lehrer. 4. Aufl. Furth. 1856. — Разумѣется, что при этомъ однакоже всегда слѣдуетъ разсчитывать на благоразуміе каждаго, кому нужно дѣлать выборъ, сообразно потребностямъ, способностямъ и расположенію ребенка, тѣмъ болѣе что необходимо опредѣлить и количество книгъ какое можно отдать въ распоряженіе тому или другому ребенку.

всѣмъ не таковъ, каковъ былъ прежде. Съ тѣхъ поръ—скажемъ словами одного христіанскаго мыслителя—владычество стало службою, а служба — добровольнымъ подчиненіемъ.*

Никто не въ правѣ самъ облечь себя властію. Но кто облеченъ ею отъ Бога, тотъ долженъ держаться ея, долженъ самъ въ нее вѣрить, долженъ сохранять ее, не изъ себялюбія, но изъ вѣрности, не потому что любить власть, но потому что власть поручена ему отъ Бога, и на дѣло Божіе. Такова и власть родительская, Чтобы достигла она въ отношеніи къ дѣтямъ нашимъ той цѣли, для которой дана намъ, мы не должны сами отрицать ее въ себѣ, съ одной стороны нарушеніемъ своего нравственного достоинства, съ другой стороны — слабостью, небреженіемъ, болѣзненною нѣжностью къ дѣтямъ. Когда мы приказываемъ и требуемъ повиновенія тому что признали за правое,—мы должны вѣрить, что таково право наше — приказывать и требовать повиновенія. Повиновеніе, и повиновеніе добровольное, основанное на внутреннемъ началѣ, именно: на чувствѣ глубокаго уваженія, — есть не добродѣтель вообще, но въ особенностяхи дѣтская добродѣтель, синонимъ всякаго добра, какого можно ожидать и требовать отъ ребенка: — съ перваго взгляда оно представляется только покорностью волѣ человека, отца или матери, но въ сущности есть покорность самому Богу. Ибо въ под-

* См. Baaders Saemmtliche Werke. V. стр. 181. Егоже — Grundzügen der Societäts-philosophie. Würzburg. 1837. Здѣсь можно найти лучшее, что только выработала нѣмецкая философія относительно важнѣйшихъ вопросовъ жизни.

чиненіи нашей волѣ дѣти прежде всего учатся покоряться волѣ высшей, и въ повиновеніи намъ состоятъ — вся, какая возможна для дѣтей, приготовительная наука непосредственно и самостоятельно повиноваться Богу, — когда насъ болѣе съ ними не будетъ. Для того и воспитываются дѣти, чтобъ умѣли со временемъ — не по внѣшнему побужденію, а по внутреннему влеченію, по долгу совѣсти, слѣдовать волѣ Божіей и руководству Духа Божія. Благоговѣніе и самообладанье, отвращенье даже отъ тайной нечистоты, твердость противу всѣхъ пагубныхъ вліяній міра, — вотъ въ чемъ должны состоять главныя черты ихъ характера. Возможно ли чтобъ они пріобрѣли всѣ эти свойства, если не привыкнутъ видѣть ихъ въ насъ, не привыкнутъ, слѣдуя за нами исполнять при насъ въ маломъ видѣ все то, что нѣкогда должны будутъ и безъ насъ исполнять и явить на дѣлѣ въ большемъ видѣ?

Опредѣлить съ этой точки зрѣнія всю нашу дѣятельность въ воспитаніи дѣтей, опредѣлить все наше обращеніе съ ними — вотъ самое вѣрное средство научить ихъ самопознанію и привести ко Христу.

Впрочемъ дѣти наши состоятъ не подъ закономъ. Хотя Павелъ сравниваетъ положеніе несовершеннолѣтняго сына въ дому отца съ положеніемъ Израиля подъ закономъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всякій малолѣтній состоялъ подъ закономъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ состояли Евреи. Христіянскія дѣти состоятъ подъ благодатью, если сами не отпали отъ нея. Законъ не составляетъ, какъ было въ Ветхомъ Завѣтѣ, средостѣнія между нами и Богомъ: мѣсто его

занимаетъ Христосъ, истинный посредникъ, а законъ долженъ быть въ насъ самихъ. Въ такомъ же состояніи находятся и дѣти наши. Состояніе подъ благодатью есть не цѣль, а начало и основаніе христіанскаго воспитанія. Но и благодать »наказуетъ насъ, да отвергнемся нечестія и мірскихъ похотей«. Понятіе о наказаніи нисколько не противорѣчитъ понятію о благодати: даже можно сказать, что только подъ благодатію и возможно истинное плодотворное наказаніе.

И такъ если желаемъ малолѣтнихъ своихъ привести въ сознательное повиновеніе, то пусть во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ не произволъ будетъ виденъ, а видно будетъ собственное наше повиновеніе высшему закону. Трудно для ребенка повиноваться такимъ требованьямъ, которыя имѣютъ видъ каприза или прихотливаго желанья: не трудно подчинить себя твердому закону, уважаемому самими родителями. Справедливо говоритъ Гербартъ: чѣмъ болѣе твердаго порядка видитъ около себя ребенокъ, тѣмъ охотнѣе ему подчиняется*. Непрестаннымъ колебаніемъ, непостоянствомъ, ненужными перемѣнами распоряженій мы сами себѣ затрудняемъ обращеніе съ дѣтьми. Если въ домѣ существуетъ постоянный порядокъ, всѣ домашнія дѣла дѣлаются спокойно и безъ шума,—всякой знаетъ, какъ много всякій трудъ этимъ облегчается. Но главное дѣло еще не въ матеріальномъ облегченіи: всего важнѣе то нравственное вліяніе, которое имѣетъ порядокъ на домашнюю жизнь: влія-

* Herbart. Umriss pädagogischer Vorlesungen. Göttingen, 1841. стр. 162.—Это сочиненіе отличается рѣдкимъ соединеніемъ ума съ знаніемъ дѣйствительной жизни.

ніе это благотвѣтельно, если порядокъ есть; если нѣтъ его, нравственныя послѣдствія безпорядка очевидны. Надобно признаться, что нѣкоторымъ личностямъ, нѣкоторымъ народамъ природа какъ будто даетъ въ этомъ отношеніи особенную способность, тогда какъ другія, по видимому, совершенно лишены ея: но и для сихъ послѣднихъ — нравственный долгъ — стремиться къ ея приобрѣтенію. Домашніе служители и дѣти должны знать, что каждому дѣлать слѣдуетъ такъ-же твердо, какъ прислуга на кораблѣ. Мы видимъ, что люди привычныя къ морской службѣ и въ домашней жизни служатъ примѣромъ правильнаго распредѣленія и порядка занятій: явленіе вовсе не случайное. Въ Англіи это похвальное свойство дѣйствительно основывается вмѣстѣ и на правильномъ понятіи о своихъ выгодахъ, и на особенности національнаго характера, и на религіозномъ побужденіи. Приказъ Нельсона: »Англія увѣрена, что каждый исполнитъ свой долгъ«, — есть не что иное, какъ цитата изъ англиканскаго катехизиса (and to do my duty in that state of life, unto which it shall please God to call me). Этотъ принципъ является какъ бы основнымъ тономъ всей англійской народной и семейной жизни. Напротивъ того въ Германіи весьма не мало такихъ домовъ, которымъ какъ будто вовсе не извѣстно подобное же правило Лютерова катихизиса*.

Съ одной стороны несносная безпорядочность и беззаботность въ мелочахъ, съ другой — обремененіе дѣтей правилами, наставленіями и предостережені-

* »Ein jeder lern sein Lektion; So wird es wohl im Hause ston«.

ями: и та и другая манера, хотя по видимому происходят не изъ одного источника, въ сущности состоятъ во взаимной связи. Гдѣ много законовъ, тамъ много и нарушеній. Но какъ иное правительство старается захватить все подъ свою опеку и множествомъ разнородныхъ предписаній систематически развиваетъ въ подданныхъ привычку дѣйствовать не самостоятельно, точно такъ и въ воспитаніи существуетъ своя система крайней централизаціи, система предписаній и распоряженій, ведущая къ столь же вреднымъ послѣдствіямъ. Плодомъ какъ той, такъ и другой ошибки бываетъ то, что чѣмъ болѣе установлено правилъ, тѣмъ менѣе они исполняются, — а въ воспитаніи, такъ же какъ и въ общественномъ правленіи, — бѣда если результатомъ системы будетъ возрастающее неуваженіе къ закону. Кто могъ бы научить насъ жить подъ руководствомъ немногихъ законовъ, но такъ чтобы сверху законы эти строго соблюдались, а снизу строго исполнялись по долгу совѣсти, — тотъ былъ бы величайшимъ благодѣтелемъ и для общественнаго и для семейнаго нашего быта.

Какъ бы ни былъ твердъ и ненарушимъ порядокъ въ домашней жизни и въ ежедневныхъ занятіяхъ дѣтей, необходимо, чтобы оставлено имъ было время для самаго свободнаго движенія и для самостоятельной дѣятельности. Надъ ними долженъ быть постоянный надзоръ, но нѣтъ ничего хуже привычки безпрестанно тормозить ихъ, понуждать, останавливать, остерегать, давать наставленія, запрещать и позволять снова. Не должно никогда безъ нужды отпускать дѣтей въ такое общество, въ которомъ могутъ

ожидать ихъ непредвидимыя и неизвѣстныя намъ опасности. Но весьма полезно, чтобъ они бывали часто въ такомъ кругу, гдѣ могутъ привыкать къ самостоятельной дѣятельности, а мы можемъ издали наблюдать за ними, не выпуская изъ рукъ узды, съ тѣмъ чтобы въ случаѣ надобности снова натянуть ее.

Позже придутъ, и въ свое время придутъ непременно строгіе опыты, которые готовить для нихъ свѣтъ. Не хорошо держать дѣтей въ такомъ отчужденіи отъ дѣйствительной жизни, что они не могутъ имѣть объ ней понятія; не хорошо, когда дѣти долгое время живутъ не отходя отъ дому, и потомъ вдругъ, выходя въ свѣтъ, должны очутиться въ беззащитномъ положеніи. Въ этомъ отношеніи необходимо тщательно наблюдать за особенностью каждаго характера и соразмѣрять личный надзоръ свой съ этой особенностью. Иному ребенку немного вредитъ сообщество съ грубыми сверстниками, другой— какъ разъ увлекается нравами того кружка, въ который попалъ.

Христіанское воспитаніе есть соблюденіе. Но существенная часть дѣятельности соблюдающей есть— наказаніе.

Основаніе наше будетъ прочно, если смотримъ на дѣтей своихъ, какъ на дѣтей Божіихъ. »Помышляйте себе мертвыхъ быти грѣху, живыхъ же Богови о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ«:—вотъ мысль, которой мы должны держаться въ отношеніи не только къ самимъ себѣ, но и къ своимъ дѣтямъ. Что по-

буждаетъ насъ думать такъ о самихъ себѣ, то же самое обязываетъ думать такъ и о своихъ дѣтяхъ. »Или не знаете что всѣ мы, крестившіеся во Іисуса Христа, погружались въ смерть Его? Мы погреблись съ нимъ крещеніемъ въ смерть.... ветхій нашъ человекъ распятъ съ Нимъ, чтобы исчезло тѣло грѣха, дабы намъ не быть уже рабами грѣху«. (Рим. VI, 1. 6. 11).

Къ чему же послѣ этого наказаніе, откуда то, отъ чего становится необходимымъ наказаніе, — то есть грѣхъ? Христіанское наказаніе необходимо для того, чтобы ветхаго человека, преданнаго на смерть дѣйствіемъ Божественнымъ — удерживать въ состояніи смерти. Правда, что онъ умерщвленъ и покоренъ подъ ноги наши; но ослабѣвая въ вѣрѣ, мы можемъ снова воззвать его къ жизни, можемъ предоставить грѣху случайное владычество надъ собой, которое будетъ суровѣе и тяжеле прежняго. Что преодолѣлъ и умертвилъ Христосъ горькими страданьями, того не должны мы возбуждать вновь и вызывать изъ гроба. Если же, и сдѣлавшись новымъ твореніемъ, мы остаемся склонными къ паденію, то для насъ необходима еще бдительность, необходимо наказаніе. Вотъ истинное значеніе всякаго самонаказанія или аскеза: упражнять и утверждать насъ въ постоянныхъ побѣдахъ надъ ветхимъ человекомъ. Такова цѣль всѣхъ наказаній посылаемыхъ намъ Богомъ; такова цѣль наказанія, которое мы сами назначаемъ другимъ. Какъ необходимо для всѣхъ насъ божественное наказаніе, такъ необходимо наше—для дѣтей нашихъ.

По этому нельзя согласиться съ тѣми педагогами, которые рѣшительно отвергають въ воспитаніи систему наказаній: не исключаемъ отсюда и наказаній тѣлесныхъ. Нельзя не отличить понятіе о наказаніи, какъ дѣйствиіи исправительномъ и воспитательномъ, отъ понятія о казни. Общее въ томъ и другомъ понятіи,—это идея о возмездіи, провозглашеніе правды, но различіе то, что наказаніе—въ указанномъ смыслѣ напоминаетъ намъ о родительскомъ намѣреніи—спасти, очистить и исцѣлить, а казнь можно представить себѣ и безъ этого намѣренія, въ смыслѣ праваго суда, признанія правды, воздаянія за неправду. Этого послѣдняго понятія не допускаетъ воспитаніе: здѣсь всякое наказаніе исходитъ отъ родительской власти, слѣдовательно въ основаніи его можетъ лежать только родительское, а не иное чувство и намѣреніе.

Св. Писаніе говоритъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ о необходимости наказанія при воспитаніи дѣтей.* Можно ли послѣ того исключать рѣшительно изъ воспитанія исправительныя наказанья? Это значило бы слишкомъ увлечься слабостью и мягкостью, по большей части вредною? Рѣшительно отвергать наказаніе можетъ только природа распущенная, не терпящая никакого закона, только тотъ, кто не вѣритъ въ судъ и въ вѣчнаго судію, не хочетъ слышать о гнѣвѣ Божіемъ, не допускаетъ власти воздающей каждому должное, отнимаетъ у казни судебной всю строгость судебной власти: и если хочетъ быть послѣдовательнымъ, необходимо долженъ отвергнуть родитель-

* Притчи Солом. X, 13. XIII, 24. XXIII, 13. 4. Евр. XII, 5—11.

ское право наказывать, изгнать изъ воспитанія всю спасительную его строгость.

Противъ тѣлеснаго наказанія возражаютъ, что оно не можетъ имѣть нравственнаго вліянія, дѣйствуетъ только на чувственную природу, и что наказанный только изъ страха тѣлесной боли станетъ избѣгать того что запрещено ему: стало-быть самое наказаніе склоняетъ его дѣйствовать по чувственнымъ, а не по высшимъ побужденіямъ, что совершенно противоположно истинной цѣли воспитанія.

Это возраженіе справедливо лишь въ отношеніи къ самымъ грубымъ видамъ наказаній: оно такъ сказать имѣетъ въ виду только ребенка и розгу, какъ будто кромѣ того нѣтъ уже ничего болѣе. Но не должно при этомъ упускать изъ виду ни лица наказывающаго, ни отношенія его къ наказываемому. Если наказаніе правильно и справедливо, то оно дѣйствуетъ не на одну только чувственную природу, но посредствомъ чувственнаго страха и боли пробуждаетъ и изошряетъ сознаніе о томъ, что нами правитъ нравственная сила, правый судія и законъ ненарушимый. Не только не разрушаетъ оно, но еще укрѣпляетъ нравственный союзъ соединяющій ребенка съ отцомъ, и самый опытъ показываетъ, что строгихъ отцовъ дѣти очень любятъ. Наказаніе ни въ комъ не утверждаетъ дурнаго навыка поступать такъ чтобы избѣжать тѣлесной боли:—напротивъ, тѣлесная боль скоро проходитъ, а остается строгое впечатленіе, которое на будущее время поможетъ наказанному противиться новымъ искушеніямъ.*

* О правилахъ, которымъ должно слѣдовать въ наказаніяхъ при воспитаніи дѣтей см. у Хр. Целлера, *Lehren der Erfahrung*. III, стр. 48—54.

Всѣ мы живемъ подѣ наказаніемъ Христовымъ. Онъ строго насъ наказываетъ всякій разъ когда то для насъ необходимо; и посѣщая насъ, избираетъ не тѣ наказанія, которыя менѣе причиняютъ намъ скорби, но тѣ, которыя вѣрнѣе могутъ умертвить плотскую нашу волю. Однако наказуетъ Онъ съ мѣрою, ибо не любитъ приводить насъ въ смущеніе, и какъ скоро видитъ, что мы смиряемся и сознаемъ свою неправду,—вновь ободряетъ насъ утѣшеніемъ, да познаемъ сколь благъ Господь. Такъ поступаетъ Онъ съ нами, и писаніе говоритъ: »Отцы, не раздражайте чадъ своихъ, но воспитывайте ихъ въ наказаніи и ученіи Господни«. Наказуйте ихъ какъ Христосъ наказуетъ васъ, возбуждайте, какъ Онъ васъ возбуждаетъ. Оставьте Ему воспитывать васъ и научитесь отъ Него и строгости и кротости истиннаго воспитанія. Подрожайте Ему, сдѣлайтесь Его орудіями, и Онъ самъ воспитаетъ чрезъ васъ дѣтей вашихъ. Все что мы ни прибавили бы отъ себя къ этимъ словамъ писанія, было бы слабою попыткой развить ихъ значеніе.

Наказывайте строго, когда нужно, но безъ страсти и горечи. »Гнѣвъ бо мужа правды Божіей не содѣловаетъ«. (Іак. I. 20). Свойственная человѣку досада, хотя-бъ она, по видимому, происходила отъ нравственнаго побужденія,—не можетъ принести того нравственнаго плода, который имѣетъ въ виду и въ намѣреніи. — Гнѣвомъ возбуждается гнѣвъ, отъ горечи рождается горечь. — Вся польза отъ наказанія пропадаетъ, если оно исполняется не примѣненіемъ высшаго, священнаго закона, а выражаетъ грѣховное

расположеніе духа.—Умертви въ себѣ гнѣвъ, дай въ себѣ мѣсто дѣйствию страха Божія: тогда только можешь быть орудіемъ Бога, тогда только твое наказаніе можетъ принести съ собою благословеніе. Берегись наказывать изъ оскорбленнаго самолюбія, берегись, чтобы въ наказаніи твоёмъ не было тайной досады, зачѣмъ твои именно дѣти поступили дурно: смиришься внутренно въ такомъ случаѣ и потерпи предъ Богомъ огорченіе. — Когда средство подѣйствовало и виновный смирился въ винѣ своей, тогда дай ему снова увидѣть и почувствовать всю твою любовь къ нему, такъ какъ Господь поступаетъ съ тѣмъ, кто принялъ отъ Него наказаніе.—Если ребенокъ на минуту почувствовалъ себя несчастнымъ, постарайся чтобъ онъ потомъ почувствовалъ себя вдвое счастливѣе прежняго, въ новомъ наслажденіи твоею родительскою любовью. Тогда для него будетъ ясно что наказаніе твое происходило не отъ досады и гнѣва, а отъ высшей и непремѣнной необходимости. Возвращаться къ прежнему гнѣву, повторять прежніе упреки, напоминать о случившемся, безъ основательнаго повода къ напоминанью,—не слѣдуетъ: это по большей части производитъ въ дѣтяхъ уныніе и отчужденіе, великое зло, отъ котораго Апостоль предостерегаетъ насъ: »Отцы, не раздражайте чадъ вашихъ, да не унываютъ«. (Колос. III. 21). Если дѣти раздражены и сердце ихъ затворилось для отца и матери, утратило вѣру въ любовь и добросовѣстность родителей,—какое слово наше найдетъ къ нему доступъ и на нихъ подѣйствуетъ? Никто уже не въ состояніи будетъ заступитъ мѣсто родителя, и отчужденныя дѣти будутъ внимательно при-

слушиваться уже не къ родительской рѣчи, а къ недобрымъ внушеніямъ ложныхъ, свѣтскихъ друзей и подругъ.

Если необходима для ребенка скорбь родительскаго наказанья, то столь же необходимы для него радость и утѣшеніе въ родительскомъ домѣ. Кого не окружали въ родной семьѣ домашнія радости, тому не доступенъ будетъ и истинный духъ семейной жизни. Если въ родномъ домѣ господствуетъ духъ суровости, унынія и скуки, то ребенокъ по необходимости будетъ искать внѣ своего дома того освѣженія и утѣшенья, котораго жаждетъ дѣтское сердце: онъ станетъ избѣгать спасительнаго семейнаго крова, и скоро съумѣетъ внѣ его найти себѣ другихъ утѣшителей, друзей, учителей и героевъ, которые будутъ для него всѣмъ тѣмъ, чѣмъ бы слѣдовало быть отцу, матери и братьямъ. Обращаясь съ этими новыми друзьями, онъ изъ ихъ кружка станетъ извлекать идеалы и образцы свои: такимъ образомъ безъ труда можетъ искорениться все то, что родители съ великимъ трудомъ старались возростить и воздвигнуть. Это очень важно, и потому не должно щадить заботъ и трудовъ для того, чтобъ домъ родительскій дѣйствительно былъ для ребенка милою родиной, мѣстомъ счастья, мѣстомъ лучшихъ воспоминаній на цѣлую жизнь. И право, не много требуется для того, чтобы сдѣлать счастливымъ дитя привыкшее къ порядку, и привязать его къ дому. Если же такой привязанности нѣтъ, то причиною тому бываетъ—конечно въ иномъ случаѣ и бѣдность, но большею частію слишкомъ при-

вязчивое, не ровное расположеніе духа, неспокойное и грубое обхожденіе самихъ родителей*.

Для того чтобъ наказанье наше могло уподобиться наказанію Христову, оно должно быть справедли-
во. Въ немъ должна быть твердость и послѣдователь-
ность: не слѣдуетъ чтобъ въ одномъ случаѣ наказы-
вали съ суровостью, а въ другомъ смотрѣли на то
же самое дѣло сквозь пальцы. Пусть наказаніе со-
образуется съ большей или меньшею важностью про-
ступка; особенно пусть удаляется отъ той грубости
взгляда, которая судить о значительности проступ-
ка по значительности матеріальнаго вреда или убыт-

* Надо сказать еще о гнѣвѣ послѣ наказанія. »Когда приходится серь-
ёзно наказывать ребенка, самое наказаніе не такъ важно, какъ важны чет-
верть часа слѣдующая за наказаньемъ и переходъ къ примиренію. Послѣ
лѣтней грозы каждое сѣмя въ пашнѣ находитъ себѣ увлажненную и согрѣ-
тую землю; чувство страха и отвращенія, ожесточившее сердце ребенка про-
тивъ всякаго слова, — теперь прошло; пришла пора тихаго наставленія: оно
проникаетъ въ душу и исцѣляетъ ее, какъ медъ помогаетъ отъ ужаленія
пчелы, и масло смягчаетъ рану. Много можно сказать въ этотъ часъ, если
есть кроткій голосъ и кроткое слово: тутъ, раскрывая боль своего сердца,
можно смягчить боль другаго. За то, какъ ядовито возвращеніе гнѣва по-
слѣ наказанія: можно еще страдать послѣ наказанья вмѣстѣ съ наказан-
нымъ, но продолжать еще его страданія не слѣдуетъ. Матери нерѣдко впа-
даютъ въ эту ошибку. Этого гнѣва послѣ наказанья, этого обращенія къ
ребенку съ такимъ видомъ какъ будто меньше любятъ его, — допускать не
слѣдуетъ: на ребенка погруженнаго въ чувство настоящаго зла, этотъ
гнѣвъ не сдѣлаетъ впечатленья, останется для него непонятенъ; онъ при-
учаетъ обходиться безъ любви, уменьшаетъ жажду ласки въ ребенкѣ, или
раздражаетъ его повтореніемъ наказанья за вину, которая давно ужъ кон-
чилась. И кромѣ того въ этомъ гнѣвѣ пропадаетъ прекрасная, трогательная
минута перехода къ примиренью, теряется благодѣтельная сила прощенья,
когда въ этомъ прощеніи долго отказываютъ«. Слова Жанъ-Поля, въ *Le-
ana oder Erziehlehre*. Stuttgart. 1814. I, стр. 137.

ка имъ причиненнаго, наказываетъ напр. строго за разбитую вещь и остается въ равнодушіи, когда совершенно дѣло дѣйствительно грѣховное, не наказываетъ вовсе за ложь, за жестокое обращеніе съ животнымъ. Столько же предосудительна и другая безумная манера: передъ посторонними людьми или въ чужомъ домѣ бранить ребенка за то, на что не обращаютъ вовсе вниманія, когда нѣтъ постороннихъ свидѣтелей. Отъ Христа получаемъ мы священное званіе воспитателя: Его, а не людей должны по этому имѣть въ виду, и на вѣсахъ Его закона взвѣшивать виновность и невинность.

Ни къ чему не служитъ множество пустыхъ угрозъ и побужденій, которыя остаются безъ исполненія: а такова къ несчастью привычка у очень многихъ матерей. Отъ этого происходитъ въ дѣтяхъ равнодушіе, ослабленіе уваженія къ матери, и сама мать такимъ образомъ готовитъ для себя въ будущемъ множество заботъ и затрудненій, отъ которыхъ могла бы себя избавить. Материнское сердце ея отвращается отъ строгихъ наказаній: вотъ почему она не исполняетъ угрозъ своихъ. Но на самомъ дѣлѣ не было и надобности въ тяжкихъ наказаніяхъ. Самое легкое наказанье, если вѣрно и старательно выполнить его, и потомъ снова повторить въ случаѣ повторенія поступка, — производитъ такое дѣйствіе, какого не могутъ произвести всѣ возможные угрозы. Нѣтъ никакой надобности и въ тѣлесномъ наказаніи, если небольшія лишенія будутъ столь же чувствительны для ребенка и произведутъ въ немъ

такое же, и можетъ быть еще сильнѣйшее впечатленіе, возбуждать сознаніе вины и справедливости возмездія.

Въ маловажныхъ случаяхъ пусть дѣйствуетъ сама мать, и дѣйствуетъ тотчасъ же, безъ всякаго замедленія: въ важныхъ случаяхъ пусть относится къ отцу. Она не должна изъ сожалѣнія къ дѣтямъ скрывать отъ него такіе случаи. На немъ будетъ лежать бремя, ему принадлежитъ власть, — его долгъ — явить свою наказующую строгость: долгъ, отъ котораго онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ уклониться подъ предлогомъ другихъ своихъ занятій. Нечего бояться, что такія ашпеляціи къ суду его со стороны матери сдѣлаютъ его грознымъ страшилищемъ для дѣтей: это опасеніе напрасно, если только онъ, такъ какъ отцу слѣдуетъ, живетъ общею жизнью съ дѣтьми и раздѣляетъ радость матери о добромъ ихъ возрастаніи.

Когда окажется необходимость въ строгомъ наказаніи, — то при совершеніи его не должно быть оскорбляемо чувство чести: ни братья и сестры, ни прислуга не должны при этомъ присутствовать. Для того чтобы внушить другимъ дѣтямъ благодѣтельный страхъ, — довольно если они замѣтили и знаютъ что случилось; еслижъ будутъ они сами свидѣтелями наказанья, то можетъ легко случиться — какъ бываетъ при всѣхъ публичныхъ наказаніяхъ, — что въ нихъ родится дьявольское чувство удовольствія. Выразись хоть въ чемъ нибудь это чувство радости при видѣ чужой бѣды, явись съ ихъ стороны хоть самая легкая насмѣшка надъ наказуемымъ; — тогда въ немъ

родится горькое раздраженіе и чувство чести притупляется.

Правильно развитъ чувство чести и дать ему вѣрное направленіе — вотъ конечно самая трудная задача въ воспитаніи. Ни объ одномъ предметѣ нравственное понятіе человѣка не бываетъ такъ смутно, какъ понятіе о чести и о честолюбіи. Уже Аристотель замѣчаетъ, что выраженіе *philotimos*, — (честолюбивый) употребляется то въ добромъ, то въ худомъ смыслѣ, и что нѣтъ опредѣленнаго выраженія для означенія середины между излишнимъ и недостаточнымъ честолюбіемъ*. Та же неопредѣленность продолжается и до нынѣ, между христіянами, которымъ слѣдовало бы быть просвѣщеннѣе язычниковъ; донынѣ въ воспитаніи предоставляется честолюбію и тщеславію слишкомъ много мѣста; вредъ происходящій отъ того для воспитанія — неисчислимы.

Нетрудно съ помощью тщеславія достигнуть блестящихъ результатовъ: ибо нѣтъ сильнѣе двигателя между всѣми страстями, которыя можно возбудить въ человѣкѣ. Люди самые великіе въ глазахъ чело-вѣчества достигли этого значенія именно въ слѣдствіе того, что они, — какъ открыто выражался Наполеонъ, слѣдовали внушеніямъ честолюбія, а не внушеніямъ совѣсти. Но потому что почестъ можетъ подвигнуть человѣка къ самымъ крайнимъ усиліямъ, — потому именно и нѣтъ ничего опаснѣе, какъ возбуждать въ молодыхъ людяхъ честолюбіе, вмѣсто

* Aristotel. *Ethica Nicomach.* II, 7. IV, 4.

того чтобы превратить его въ чувство чести, такъ чтобы послѣднее сдѣлалось союзникомъ чувству, которое одно должно господствовать въ человѣкѣ—чувству долга. Отъ того мы признаемъ положительно вредными всѣ многочисленныя педагогическія хитрости, которыя имѣютъ въ виду дѣйствовать на юную душу посредствомъ человѣческой чести или человѣческаго стыда. Вредны всѣ торжественныя раздачи школьныхъ наградъ, вреденъ и употребляемый въ училищахъ обычай выставять къ столбу, со всѣми его видоизмѣненіями. Въ первомъ случаѣ дается полная свобода тщеславію, въ послѣднемъ ослабляется чувство чести. Кто поощряетъ тщеславіе, тотъ насильственно нарушаетъ въ молодомъ человѣкѣ состояніе невинности; дѣло, которое можетъ быть сдѣлано изъ такого побужденія, если и имѣетъ видъ добра, будетъ добро не истинное: оно сдѣлано не ради Бога, а ради людей и въ людяхъ получаетъ свою награду. Тщеславіе было причиною того, что добродѣтели язычниковъ не имѣли истиннаго достоинства и были, по выраженію Августина, блестящими недобродѣтелями. Тоже самое побужденіе увлечетъ юношу къ гибели и къ дѣламъ не добрымъ, какъ скоро попадетъ онъ въ средину менѣе защищенную отъ вредныхъ вліяній. Онъ привыкаетъ дѣлать то, чѣмъ привлекается людское одобреніе, а какъ міръ, въ которомъ приходится ему дѣйствовать, ищетъ славы во многомъ, что составляетъ срамъ предъ Богомъ, то и не мудрено, что эта привычка легко увлечетъ его къ нечистому дѣлу. Въ то время когда мы живемъ, болѣе чѣмъ въ какую либо прежнюю эпоху

требуется отъ христiянина рѣшимость и сила пожертвовать людскою честью и славой для того, чтобы явить передъ Богомъ свидѣтельство своей вѣрности. И потому, хотя молодымъ людямъ должно быть внушаемо, что доброе и честное имя между согражданами дороже всѣхъ мірскихъ богатствъ и наслажденій, но и это высокое земное благо не составляетъ еще конечной цѣли нашихъ дѣйствій: юношеское сердце должно быть еще воспитано въ твердой рѣшимости принести и это благо въ жертву, когда того требуетъ долгъ въ отношеніи къ Богу. Великое дѣло сдѣлаетъ кто и себя и другихъ доведетъ до того состоянія, въ которомъ желаніе похвалы и одобренія руководствуется единственно мыслию о похвалѣ отъ Бога, и сердце—въ сознаніи, что есть воля Божія благая и совершенная, обрѣтаетъ свободу и успокоеніе отъ всѣхъ мученій тщеславія.

Когда сознаніе нашего нравственного достоинства побуждаетъ насъ бдительно охранять его и соблюдать въ своихъ поступкахъ, — мы называемъ это чувство — чувствомъ чести. Понятно какъ много чистоты и крѣпости придаетъ ему христiянство. Если это сознаніе подавлено въ ребенкѣ неблагогороднымъ обращеніемъ, какъ возбудить его снова, чѣмъ замѣнить его, откуда достать иную защиту отъ всего постыднаго и матеріальнаго, когда человѣкъ успѣлъ уже отвыкнуть отъ уваженія къ самому себѣ? Правда, что христiянинъ долженъ склониться во прахъ предъ Богомъ; долженъ признавать себя недостойнымъ всякаго божественнаго благодѣянія; долженъ почитать блаженство свое и святость дѣломъ велика-

го Бога, и одного Бога. Но уразумѣвъ, какъ много сдѣлалъ для него Богъ и какую благодать явилъ на немъ, — онъ видитъ себя облеченнымъ въ такое достоинство, коему на землѣ нѣтъ равнаго. Очень прискорбно было бы, еслибъ мы могли говорить своимъ дѣтямъ только о падшемъ ихъ состояніи и о потребности искупленья, и не могли бы сказать ничего о высокихъ преимуществахъ человѣка искупленнаго, дарованныхъ ему божественною любовью.

Нѣтъ у человѣка имени выше имени христіанина. Мы »начатокъ«^с новаго созданія (Іак. I, 18), и чистота, которую даровалъ намъ Богъ, служить для насъ самымъ сильнымъ побужденіемъ — хранить себя чистыми отъ міра. Въ этой мысли нѣтъ гордости; напротивъ, она еще глубоко смиряетъ насъ, когда сравнимъ то что успѣли сдѣлать сами, съ тѣмъ что даровалъ намъ Богъ — по своей милости. Отрицать эту милость было бы гордостью, вѣрить въ нее — есть истинное смиреніе. Все чего достигаетъ фальшивая педагогика посредствомъ внушеній высокаго мнѣнія о человѣческомъ достоинствѣ, пробужденіемъ народной или сословной гордости, — все это нечисто и не можетъ быть чисто. Добро, котораго предполагаютъ достигнуть этими искусственными средствами, только тогда можетъ быть достигнуто въ дѣйствительности, когда удастся внушить дѣтямъ прочное сознаніе достоинства и святости, соединенныхъ съ званіемъ христіанина.

Воспитаніе наше должно имѣть всегда въ виду главныя добродѣтели. Если удастся утвердить ихъ

въ сердцѣ и удалить изъ характера самыя опасныя изъ дурныхъ наклонностей, — то успѣхъ въ рукахъ нашихъ. Если же не этотъ предметъ составляетъ главную цѣль постоянной заботы, то самый тщательный надзоръ служить только къ развитію нравственнаго педантизма. Воспитаніе педантическое опасно: не мудрено что всѣ труды воспитанія пропадутъ вдругъ, какъ скоро такой воспитанникъ вырвется изъ стѣсненія окружавшаго его въ родительскомъ домѣ, и увидитъ себя въ свѣтѣ. Въ родномъ домѣ онъ лишенъ былъ и той невинной свободы, которой требуетъ всегда молодость: отъ одного нетерпѣнья вознаградить себя за прежнее лишеніе, онъ уже бросается во всѣ удовольствія свѣта. Еще хуже, — если отъ фарисейскаго взгляда воспитателей, поставлявшихъ главнымъ дѣломъ наружныя формы богопочтенія, развивается въ душѣ ребенка лицемѣріе или тайное отвращеніе отъ всякаго благочестія. И въ прежнее время были многочисленны и нынѣ часто встрѣчаются примѣры вреда происходящаго отъ такой системы: воспитатель только и твердитъ что о набожности, а въ воспитанникѣ развивается рѣшительное, холодное невѣріе и насмѣшливое пренебреженіе ко всему святому.

Молодость требуетъ нѣкоторой свободы; необходимо развязать ей руки въ играхъ и во всѣхъ невинныхъ занятіяхъ: эта область свободы должна оставаться неприкосновенною; но на границахъ ея юность должна всегда видѣть передъ собою законъ не нарушимый. Надобно держать въ границахъ все легкомысленное, неосмотрительное; но не слишкомъ

строга судить проступки этого рода. За чѣмъ прежде времени употреблять противъ проступковъ происходящихъ отъ дѣтскаго легкомыслія то оружіе, которое слѣдуетъ еще держать въ запасѣ противъ грѣховныхъ дѣйствій? Иначе, — когда явятся эти послѣднія, можетъ оказаться, что средства наши истощены, оружіе притупилось и стало уже безсильнымъ.

Правдивость, вѣра и цѣломудріе — вотъ три главные добродѣтели юности; онѣ доступны для нея и безъ большихъ усилій, съ помощью правильнаго руководства и надзора, а эти добродѣтели составляютъ основаніе всякаго истиннаго христіанства. Благо намъ, — если со всѣмъ нашимъ существомъ и со всею дѣятельностью слилось глубокое отвращеніе отъ лжи, невѣрія и нецѣломудрія; — если сдѣлавши его присущимъ свойствомъ собственной души, мы успѣемъ передать его и своимъ дѣтямъ. Тогда мы можемъ быть за нихъ спокойны: тогда, и совершая воспитанье дѣтей своихъ, мы можемъ не тревожиться за его послѣдствія, и при переходѣ въ другую жизнь можемъ спокойно оставить ихъ въ здѣшнемъ мірѣ. Ложь и упорство въ ребенкѣ не должно оставлять безъ вниманія: это важное дѣло, это грѣхъ по преимуществу; обыкновенные дѣтскіе проступки могутъ происходить отъ вѣтрености, легкомыслія, отъ излишней живости чувствъ и желаній: а во лжи видимъ злой умыселъ, хитрость, и хладнокровный расчетъ. Отъ того ложь заслуживаетъ наказанія строже чѣмъ напр. жадность: это грѣхъ уже нисшей степени. Всякая ложь есть грѣхъ, и тѣмъ болѣе тяжкій, чѣмъ важнѣе авторитетъ того лица, противъ кото-

раго ложь совершается. Сказать неправду постороннимъ людямъ, обмануть братьевъ, учителей, — наконецъ родителей, — все это въ понятіи самихъ дѣтей — разныя степени лживости: послѣдняя конечно есть самая важная, потому что чувство, съ какимъ дѣти взираютъ на родителей, должно быть въ особенности священо, и родители болѣе чѣмъ кто-либо другой имѣютъ право требовать отъ дѣтей своихъ истины.

Присмотримся къ судьбѣ тѣхъ людей, которыхъ признаемъ нравственно погибшими, и увидимъ, что настоящею причиною ихъ гибели была — ложь. »Сей есть судъ яко свѣтъ пріиде въ міръ и возлюбилъша человецы паче тму неже свѣтъ: бѣша бо ихъ дѣла зла. Всякъ бо дѣлаяй злая, ненавидитъ свѣта и не приходитъ къ свѣту, да не обличатся дѣла его яко лукава суть. Творяй же истину грядетъ къ свѣту, да явятся дѣла его яко о Бозѣ суть содѣлана«. (Іоан. III. 10—21). Такъ вѣчная судьба человека разрѣшается въ той глубинѣ внутренняго существа его, гдѣ ложь ведетъ постоянную борьбу съ правдою. Тотъ можетъ еще освободиться изъ самыхъ запутанныхъ сѣтей грѣха, кто сохранилъ любовь къ правдѣ и ненависть къ неправдѣ, и въ силахъ еще искренно исповѣдать все свое беззаконіе, хотябъ это стоило ему жизни. — Но на самомъ дѣлѣ сознаніе грѣха не смерть приносить ему, а открываетъ путь къ жизни. Одна лишь ложь поражаетъ душу смертию.

Но какъ же возможно ребенку сдѣлаться искреннимъ любителемъ правды въ отношеніи къ Богу, если онъ не научился быть вполнѣ искреннимъ и правдивымъ

въ отношеніи къ своимъ родителямъ? И потому, что можетъ быть для насъ священнѣе обязанности — оберегать дѣтей своихъ отъ всѣхъ прельщеній лжи, — вступать съ нею въ борьбу на смерть всякій разъ какъ только покажется она въ дѣтяхъ, и истреблять безпощадно малѣйшіе зачатки страшной склонности къ духу тьмы и неправды? этому чувству не должно быть пощады; съ нимъ не можетъ быть примиренія.

И такъ—прежде всего—да не будетъ лжи въ собственныхъ устахъ нашихъ. Наша искренность въ отношеніи къ дѣтямъ — столь же священный долгъ нашъ, какъ ихъ долгъ — искренность въ отношеніи къ намъ; если мы не исполнимъ своего долга, то и долгъ ихъ останется безплоденъ. Обѣщанія и угрозы наши должны быть ненарушимы, отвѣты наши должны быть тверды, положительны и чужды всякаго противорѣчія и хитрости: поступаая такимъ образомъ, мы подготовимъ почву, на которой должна развиться любовь ихъ къ правдѣ и сила ихъ въ вѣрѣ.

Вѣра въ душѣ ребенка есть священное его наследіе, лучшая драгоцѣнность небеснаго сокровища ему уготованнаго. Вѣра и довѣренность къ провидѣнію—тамъ гдѣ Богъ указываетъ намъ вѣрить—добродѣтель, точно также какъ благодарность за полученные благодѣянья.* Сомнѣнье не добродѣтель, и искусство со-

* О вѣрѣ у дѣтей и о правильномъ ея развитіи см. у Целлера въ приведенномъ сочиненіи: *Lehren der Erfahrung*. I. стр. 51. 63. У Жанъ Поля есть прекрасныя слова о дѣтской вѣрѣ, въ его *Levana*. I. стр. 149. »Свято оберегай дѣтскую вѣру«, говоритъ въ приведенномъ мѣстѣ Жанъ Поль: безъ нея не можетъ быть воспитанія. Не забывай что малое, слабое дитя смотритъ на тебя какъ на высокаго генія и апостола, вѣщателя откровеній, что тебѣ оно предано всею душой, какъ существу высшему, и что ложь въ

мнѣваться такъ же какъ и неблагодарность—вносить опустошеніе во внутреннее святилище души человѣческой. Мы живемъ среди такого поколѣнія, которое въ безпримѣрномъ нравственномъ ослѣпленіи принимаетъ за совершенство науки и за доказательство нравственной способности—полное развитіе силъ сомнѣнія и недовѣрчивости. То что въ протестантскихъ университетахъ преподаютъ подъ именемъ Богословія, служить по большей части приготовленіемъ къ самому искусному скептицизму направленному на все что есть святого. Стоитъ только достигнуть мастерства въ этомъ недостойно прославленномъ искусствѣ, и оно приведетъ насъ къ совершенному сходству съ тѣмъ духомъ, коего характеръ состоитъ въ невѣріи, подозрѣніи, клеветѣ и непрерывномъ отрицаніи.

Но если всѣ авторитеты, коими спасительно охра-

устахъ апостола дѣйствуетъ разрушительно на цѣлый нравственный міръ. И такъ не подкапывай своей непогрѣшимости ни безплодными *доказательствами*, ни сознаніемъ въ заблужденіи. Лучше скажи прямо: самъ не знаю; съ этимъ отвѣтомъ еще уживется дѣтская вѣра. Твоему ребенку будетъ еще много случаевъ укрѣпить силу въ борьбѣ съ сомнѣніемъ послѣ, отъ чужихъ рѣчей, полемикою и протестантизмомъ.

Религія, такъ же какъ и нравственность, всего менѣе нуждается въ резонахъ: отъ множества колоннъ храмы дѣлаются мрачны и тѣсны. Пусть вся святыня какая есть въ васъ, обращается прямо къ святынь дѣтскаго сердца (безъ посредствующихъ выводовъ и умозаключеній). Вѣра — это преддверіе нравственности, этотъ патентъ на благородство ниспосланный человѣку съ неба, — вѣра привлекаетъ малое сердце къ сердцу крѣпкому, взрослому въ жизни. Нарушать эту вѣру — похоже на то, что сдѣлалъ Кальвинъ, изгнавъ музыку изъ церкви. Вѣра, — это отголосокъ небесной музыки сферъ.

Вспомните что когда въ послѣдній вашъ часъ, все отцвѣтеть и замреть въ упадкѣ духа: фантазія, мысль, стремленіе, радость, — останется свѣжъ и зеленъ одинъ только цвѣтокъ, ночной цвѣтокъ вѣры и въ послѣднемъ мракѣ еще крѣпче разольетъ свое благоуханіе.

няется общественная жизнь, потрясены и подкопаны духомъ сомнѣнья, — то есть еще одинъ авторитетъ, который стоитъ твердо и непрестанно обновляется; — каждый изъ насъ долженъ, каждый можетъ изо всѣхъ силъ трудиться къ его усиленію и утвержденію. Это авторитетъ родительской власти. Подъ его вліяніемъ должна окрѣпнуть въ юной душѣ та святая сила вѣры и довѣренности, которая можетъ въ священныхъ преданіяхъ и уставахъ и въ земныхъ властяхъ распознать и обнять божественное, и въ немъ находить себѣ свѣтъ и руководство на время мірскихъ бурь и смятеній. »Предъ лицомъ сѣдаго востани и почти лице старчо«: вотъ основаніе авторитета и уваженія къ нему.* Оно, какъ соль задерживающая гніеніе, противодѣйствуетъ всякому разлагающему началу въ человѣческихъ отношеніяхъ: оно должно по этому служить основнымъ правиломъ нашего воспитанія. — Это не значитъ что подъ прикрытіемъ авторитета заблужденіе и зло могли бы находить себѣ защиту. Злоупотребленіе всегда останется злоупотребленіемъ; заблужденіе, хотя бы прикрывалось именемъ или преданіемъ, должно быть обличено какъ заблужденіе; но пусть это обличеніе совершается не ради насмѣшки, съ соблюденіемъ должнаго уваженія къ лицу, безъ всякой рѣзкости въ выраженіяхъ. — Обличеніе должно имѣть въ виду только любовь къ истинѣ, должно опираться на твердой увѣренности, что Богъ постоитъ за правду и выведетъ ее на свѣтъ. Не должно отказываться отъ него изъ одного опасенія потрясти авторитетъ или ума-

* Левит. XIX. 32.

лить уваженіе къ авторитету.— Не обличеніе того что оказалось ложнымъ, а недобросовѣстность, покрывающая ложь, подкапываетъ довѣріе къ авторитету; и это прикрытіе лжи, если по несчастію превратится въ систему,—ведетъ за собою неминуемое паденіе всякаго авторитета.

Третья изъ названныхъ нами главныхъ добродѣтелей—цѣломудріе. Обязанность блюсти за нимъ—самою природой глубоко уже вложена въ сердце отцу и матери. — Разумъ указываетъ лишь необходимыя правила предосторожности. Пренебрегать ими, въ надеждѣ что все сдѣлается съ помощью наставленій и молитвы — значило бы слишкомъ много на себя надѣяться. Но какъ бы ни была неусыпна въ этомъ отношеніи родительская бдительность, — развратъ общественный окружающій насъ такъ силенъ, что для соблюденія дѣтей въ невинности, необходимо особенное чудесное содѣйствіе Божіей благодати. — Нецѣломудріе, если даже оно ограничивается однимъ воображеніемъ, изгоняетъ Св. Духа: въ немъ заключается тайная причина того недовольства и невѣрія, которое стало такъ замѣтно въ новѣйшее время. Ибо когда отступилъ Духъ Божій, то вмѣстѣ съ нимъ исчезъ миръ и вѣра исчезла. И здѣсь задача воспитанія есть соблюденіе отъ зла и уклоненіе отъ зла во время. Къ этому служатъ: благопристойность и тѣлесная чистота (опрятность), умѣренность и строгая стыдливость. Но что сказать объ искусственно поддерживаемой невинности, о тѣхъ выдумкахъ, съ помощью которыхъ нѣкоторые воспитатели объясняютъ ребенку происхожденіе человѣка? Нѣтъ—всѣ эти вымыслы положительно вред-

ны: они только возбуждаютъ любопытство и заставляютъ ребенка искать ему удовлетворенія путемъ незаконнымъ, а это самое служитъ первымъ поводомъ къ развитію чувственности и соблазновъ.— Не лучше ли будетъ, если самъ отецъ скажетъ сыну, сама мать объявитъ дочери правду объ этомъ предметѣ, со всею должною скромностью и осторожностью, но и со всею приличною важностью, придерживаясь по возможности выраженій Св. Писанія? Что должно сказать, много ли слѣдуетъ открыть и въ какое время, раньше или позже,— пусть о томъ судить благоразуміе самихъ родителей. Не въ этомъ еще состоитъ главное дѣло; но вотъ что всего важнѣе, вотъ чего всѣми силами слѣдуетъ домогаться: чтобы ребенокъ былъ всегда какъ можно болѣе осмотрителенъ, стыдливъ и скромнъ въ обращеніи съ прислугою, сверстниками и всѣми посторонними людьми; какъ можно болѣе откровененъ и довѣрчивъ въ отношеніи къ родителямъ—во всемъ что съ нимъ случается, что интересуется его и близко къ его сердцу.

Проходитъ время, когда игры и физическія упражненія наполняютъ все бытіе ребенка, весь кругъ ежедневной его жизни: настаетъ пора ученія. Въ эту пору напряженіе мысли и разсѣянье, серіозное занятіе и непринужденное веселье пусть наполняютъ жизнь ребенка, смѣняясь въ правильной и ясно очерченной очереди. Скоро придетъ время когда для мальчика ученье перестанетъ уже быть игрою: тогда долгъ воспитателя будетъ—смотришь чтобы все чему ребенокъ

учится, было изучено основательно. Немного, но немногое какъ слѣдуетъ, — вотъ каково должно быть правило всякаго здраваго ученія. — Какъ можно больше знать, и знать все поверхностно: вотъ, кажется, любимый девизъ новѣйшаго времени въ отношеніи къ ученію. Слѣдствіемъ этой-то системы былъ упадокъ истинно-научнаго образованія; можетъ быть въ ней же выражается и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ нея же увеличивается и всеобщій упадокъ нравственныхъ силъ, замѣчаемый въ обществѣ.

Основательность въ ученіи, основательность въ изученіи есть долгъ нравственный. Стоитъ присмотрѣться къ нашимъ школамъ и къ умственному быту юношества чтобъ убѣдиться въ томъ, какое вредное нравственное вліяніе имѣетъ господствующая поверхностность ученія. — Но зло по видимому успѣло уже такъ глубоко проникнуть, что мы какъ будто потеряли даже способность видѣть это нравственное усыпленіе и связь его съ системою обученія. Древній греческій поэтъ, изображая одинъ изъ самыхъ низкихъ, мелкихъ характеровъ, такъ выразился объ немъ:

»Многое онъ изучилъ, но во многомъ немного онъ понималъ».*

Multum non multa, — было главнымъ правиломъ обученія въ лучшее, не такъ давно прошедшее время. — Нынѣ правило это принимается по видимому на оборотъ: multa non multum, — и въ такомъ видѣ стало господствующимъ; такъ что воспитаніе современное, соотвѣтствующее требованіямъ вѣка, должно быть на-

* Изъ Гомерова стихотворенія: *Марситъ*.

правлено къ тому чтобы образовать людей, которые много знают, но ничего не знают основательно. — Къ этой цѣли ведетъ чрезвычайное размноженіе предметовъ въ педагогическихъ, а соотвѣтственно съ тѣмъ, и въ народныхъ училищахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ и число учебныхъ часовъ умножилось чрезъ мѣру; въ гимназіяхъ сѣверной Германіи заведено еще такъ, что на каждый часъ приходится новый преподаватель съ новымъ предметомъ. Чтобы довести учениковъ до какого либо цѣльнаго знанія, преподаватель долженъ дѣйствовать посредствомъ дисциплины и строгаго надзора за ихъ дѣятельностью: но при такомъ устройствѣ ни одинъ преподаватель не имѣетъ времени вполне заняться своими учениками. Каждый привыкаетъ задавать много, а потомъ требовать немногаго, — не имѣя никакого понятія о томъ что ученики его должны приготовить въ тоже время для другихъ преподавателей, — и въ концѣ курса принужденъ довольствоваться жалкимъ результатомъ.

При множествѣ второстепенныхъ предметовъ древніе языки, исторія и математика, эти главныя основы духовнаго образованья, — уступаютъ мѣсто другимъ, — и сами нисходятъ до степени предметовъ второстепенныхъ, — такъ что мальчикъ лишенъ по большей части того, что должно служить необходимымъ приготовленіемъ для курса высшихъ наукъ. Истинная цѣль гимназіи — возбужденіе жажды къ наукѣ — не достигается, потому что вмѣсто настоящаго ученья набиваютъ голову безпорядочными и безплодными свѣденіями: такое ученье вмѣсто того чтобы возбудить въ человѣкѣ внутреннюю, непрерывную

потребность духовной дѣятельности, — поселяетъ въ немъ тупое самодовольство, ослѣпляя его обманчивымъ блескомъ мнимой учености въ разнообразнѣйшихъ отрасляхъ знанія. Вмѣсто того чтобъ съ помощью простой пищи, медленнымъ но вѣрнымъ путемъ довести организмъ до здраваго развитія силъ, доводятъ его до нездоровой, самонадѣянной, преждевременной скороспѣлости, и систематически убиваютъ въ немъ живой позывъ къ здоровой пищѣ. — Вялость нашихъ студентовъ въ Университетѣ происходитъ отъ того, что еще въ гимназій желудокъ ихъ былъ обремененъ чрезъ мѣру. Для нихъ нѣтъ ничего новаго: всего они уже отвѣдали и воображаютъ что все поняли и усвоили. Между тѣмъ они еще не усвоили себѣ ничего, или даже еще того хуже: — всякій разумный преподаватель знаетъ, что скорѣе можетъ онъ сдѣлать что нибудь изъ ученика неимѣющаго никакихъ свѣденій по его предмету, чѣмъ изъ такого, который приходитъ къ нему съ поверхностными и перепутанными свѣденьями.

Вся эта система направлена только къ внѣшнему блеску: блистать наружнымъ видомъ знанія — вотъ въ чемъ состоитъ цѣль ея; — останавливаться на одной внѣшности знанія и не итти дальше — вотъ дѣйствіе производимое ею даже на самыхъ лучшихъ воспитанниковъ. И въ этомъ именно состоитъ та глубокая нравственная порча, — съ которой долгъ велить намъ бороться. Ибо какъ скоро юношество приведено къ тому что удовлетворяется однимъ наружнымъ видомъ знанія, — будьте увѣрены что оно станетъ удовлетворяться и однимъ наружнымъ видомъ добродѣ-

тели. Нравственное лицемеріе должно быть непремѣннымъ послѣдствіемъ лицемерія умственного, которымъ заражены наши школы со всѣми своими экзаменами, отличіями, пересадками и т. п.—» Кто шарлатанъ въ наукѣ тотъ непремѣнно шарлатанъ и въ нравственности: слова Шиллинга, строгія, но справедливыя, золотыя слова! Вѣрнѣе кажется нельзя обозначить духъ, который въ наше время выказывается повсюду. Въ самомъ дѣлѣ, если въ школьномъ мірѣ и передъ судомъ школы довольствуются такимъ слабымъ, обманчивымъ результатомъ,—то отъ чегожь бы не довольствоваться такимъ же результатомъ и въ жизни? Если святое званіе наставника отвлекается отъ прямого пути мишурой и блесками,—то немудрено когда и дѣло государственное или церковное не въ силахъ бороться съ подобными же соблазнами.

Родители, которымъ дорого благо дѣтей и которые не лишены вовсе средствъ, не должны были бы щадить никакихъ пожертвованій, чтобъ доставить себѣ и своимъ согражданамъ выходъ изъ такого бѣдственнаго положенія. Если государство не въ силахъ устроить дѣло, отъ чего не устроить средствами частныхъ людей христіанскія школы и христіанскія гимназіи. Христіанскія: это значитъ, что заведенія должны быть достойны своего назначенія въ нравственномъ отношеніи: для этого пусть будетъ въ нихъ обученіе по возможности простое и здоровое, а требованія по каждому предмету пусть будутъ и просты и вмѣстѣ съ тѣмъ строги.

Есть однако зло еще болѣе важное и достойное сожалѣнья: это нынѣшняя система воспитанія—не вѣр-

нѣе ли сказать—система порчи дѣвицъ! Въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и пансіонахъ еще замѣтнѣе, чѣмъ въ мужскихъ выдается бѣдственное правило: учись не для того чтобъ быть чѣмъ нибудь, но для того чтобъ казаться; не для того чтобъ возрасти во внутреннемъ достоинствѣ, глубинѣ духа и способности, а для того чтобы блистать и нравиться*.

Женская природа еще болѣе нежели мужская имѣетъ нужду въ руководителѣ: для нея еще нужнѣе ровность нрава, внутреннее довольство, сосредоточенность въ духѣ, основательность мысли. Эти до-

* Riehl. Die Familie. стр. 22. »Первый приступъ къ политическому воспитанію народа, кажется долженъ состоять въ томъ—чтобъ женщину снова поставить прочно въ принадлежащее ей положеніе. Отъ воспитанія женщинъ состояніе цѣлаго общества зависитъ гораздо болѣе чѣмъ обыкновенно думаютъ. Изъ молодыхъ дѣвушекъ снова надобно образовать охранительницъ нравовъ;—чтобъ онѣ снова пріобрѣли умѣнье опредѣлить свое положеніе въ домѣ, слѣдуетъ возвратитъ семейству воспитаніе ихъ, которое слишкомъ захвачено школой. Тогда и въ мужчинахъ мало-по-малу снова разовьется и сознаніе нравственныхъ началъ и умѣнье ограничить себя въ опредѣленной сферѣ жизни:—драгоценныя общественныя качества германскаго племени«.

Далѣе, на стр. 75. »Возможно ли воспитывать дѣтей для семейства и въ семействѣ, когда сами родители давно оставили строгую домашнюю жизнь? Вмѣсто того встрѣчается большею частью дамская педагогика, которая хоть и находится въ рукахъ женщинъ, но далеко отводитъ отъ дому и даетъ полувзросшимъ дѣвочкамъ только пѣну всякаго искусства и знанія, подъ именемъ предметовъ образованья. Отъ такой женской системы воспитанья слѣдуетъ намъ освободиться«. Въ томъ же родѣ говоритъ о воспитаніи дѣвушекъ Раумеръ въ своей исторіи педагогики. (Geschichte der Pädagogik. III. 2. 1847. стр. 164.—Юстусъ Мозеръ,—пророкъ семейной жизни, по выраженію Рила, —описывая свою эпоху, когда новомодное французское фальшивое воспитаніе въ первый разъ вторглось въ сферу нѣмецкой женщины, выставяетъ поразительный контрастъ между нѣмецкою дѣвушкой и замужней женщиной прежняго времени—и дамой воспитанной по новой модѣ (См. Patriotische Phantasien. 1. Berlin. 1775. стр. 120).

бродѣтели, составляющія благороднѣйшее украшеніе женской природы, могутъ быть испытаны и утвердятся въ душѣ только посредствомъ борьбы съ естественными наклонностями. Какъ же не назвать это бѣдствіемъ, что воспитаніе дѣвицъ направлено именно къ тому, что составляетъ противоположность всѣмъ столь желаннымъ качествамъ, ибо вовсе не согласно съ названными добродѣтелями поставлять свою славу въ пустой болтовнѣ выученными фразами по французски и питать духовную жизнь свою дикими созданіями новѣйшей изящной литературы.

Правду сказать, — не легко установить и вѣрныя правила для заведеній этого рода, невозможно установить высшую мѣру образованія въ наукахъ и искусствахъ, и сказать: далѣе сего не должно простирается образованіе женщины. Заблужденіе противъ котораго мы ратуемъ, относится не къ степени высшаго образованія, а къ тому, какъ это образованіе усвоено и въ чемъ выражается*. Долгъ супруги можетъ, какъ мы ужъ сказали, требовать отъ нея, чтобъ она въ состояніи была уразумѣть высшія духовныя

* Хорошо говорить объ этомъ Мольеръ въ комедіи: *Les femmes savantes*.

... les femmes—docteurs ne sont point de mon goût.
Je consens qu'une femme ait des clartés de tout,
Mais je ne lui veux point la passion choquante,
De se rendre savante, afin d'être savante;
Et j'aime que souvent aux questions qu'on fait,
Elle sache ignorer les choses qu'elle sait.
De son étude enfin je veux qu'elle se cache,
Sans citer les auteurs, sans dire de grands mots
Et clouer de l'esprit à ses moindres propos.

потребности мужа, и имъ сочувствовать. Призваніе дѣвушки можетъ состоять и въ приготовленіи къ должности учительницы. Могутъ быть заведенія для того, чтобы въ особенности приготовить ее къ этому призванію.

Но всякая школа должна быть похожа не на новѣйшее государство въ маломъ видѣ, а на хорошій домъ добраго стараго обычая, въ большомъ видѣ: въ особенности таково должно быть училище для дѣвицъ. Институтская жизнь должна какъ можно болѣе приближаться къ семейной, и при стремленіи къ развитію духовныхъ качествъ, должно всего болѣе стараться, чтобы въ сердцѣ глубоко укоренилось христіанское понятіе о призваніи женщины къ скромности, храненію нравственныхъ началъ и христіанскому служенію. Ученіе должно быть не школой тщеславія, а школой для развитія—въ маломъ—привычки къ добросовѣстному труду и вѣрности.

Въ учрежденіи высшихъ школъ для женскаго образованья, — въ строгихъ оффиціальныхъ экзаменахъ, съ обширными программами для учительницъ, въ распространяющемся стремленіи получить образованіе нужное для гувернантки — во всемъ этомъ есть нѣчто весьма опасное. Разстройство здоровья, которое часто бываетъ послѣдствіемъ подобной дѣятельности, само по себѣ должно было-бы предупреждать многихъ, что въ ней скрывается опасность*.

* Богумиль Гольцъ »Zur Charakteristik der Frauen. 1859. стр. 218«. »Сомнительно, принесетъ ли счастье необразованному мужу жена по училищному образованная, а что касается до образованнаго или ученаго мужчины, то онъ большею частью не того требуетъ отъ жены, что требуется

Новѣйшей системѣ ученія и обученія вполне соответствуетъ та вольность въ обхожденіи, которая обыкновенно бываетъ связана съ самымъ устройствомъ нашихъ учебныхъ заведеній. При переходѣ отъ дѣтскаго возраста къ юношеству въ отношеніяхъ между молодыми людьми обоего пола является сама собою нѣкоторая уклончивость и стыдливость, — если до тѣхъ поръ не коснулась ихъ нравственная порча, и развитіе ихъ совершалось естественнымъ образомъ. Въ этой взаимной опасливости и стыдливости заключается сила охранительная, безцѣнный напутствен-

для первой воспитанницы или первой кандидатки. Истинно образованный и просвѣщенный человѣкъ не благоговѣетъ ни передъ искусною французскою, итальянскою или англійскою рѣчью, ни передъ ловкой игрою лѣвой руки на фортепьяно или искусствомъ правой руки въ живописи, ни передъ бѣглою разговорною рѣчью начитанной женщины: счастье приносить ему такая супруга и мать, которая и небольшую долю науки и искусства способна сдѣлать привлекательною, съ помощью такта и умѣнья придаваемого любовью, такъ что мужу, подлѣ жены, въ сферѣ ея хозяйственной и воспитательной дѣятельности, — всѣ искусственныя публичныя собранія покажутся чѣмъ-то чуждымъ, какимъ-то ѣдкимъ дымомъ, застилающимъ чистое пламя природы». Стр. 222. »Мужчина, именно въ слѣдствіе утонченнаго и сложнаго своего образованія, въ слѣдствіе чрезмѣрнаго занятія отвлеченными предметами, чувствуетъ потребность дополнить жизнь свою элементомъ естественной простоты, и это-то дополненіе, по священному закону природы, должна дать ему женщина; она должна быть цѣлительнымъ, жизненнымъ, созидательнымъ дѣтелемъ брака; — въ ней благословенное природой нѣдро человѣчества, она навсегда останется зачаломъ и основой естественной исторіи каждаго человѣка и всего человѣчества. Женщины должны быть освободительницами мужчинъ отъ искаженія природы, отъ всего односторонняго и лже-мечтательнаго: таково назначеніе женщины въ исторіи развитія человѣчества; не понявъ этого призванія, женщина можетъ еще увеличить бѣдствія искусственнаго образованія человѣка — своимъ тщеславіемъ, честолюбіемъ ума и умничанья, своими ложными понятіями объ идеалахъ жизни и о какомъ-то превосходствѣ женской природы и женскаго назначенія».

ный даръ на самое опасное время жизни. Танцевальныя собранія для дѣтей и дѣтскіе балы — суть вѣрнѣйшія средства для того, чтобы разрушить эту святую стыдливость и въ замѣнъ ея развить преждевременную свободу и блестящую ловкость въ обращеніи между дѣтьми обоего пола;—вотъ первая ступень того развитія, которое ведетъ постепенно и послѣдовательно къ пустотѣ рѣчей и мыслей, къ свободѣ чувства, сластолюбію и наконецъ разврату. Какой отвѣтъ за это дадутъ родители и наставники Тому, Кто вручилъ имъ дѣтей непорочными и кому они обязаны будутъ представить ихъ непорочными? * — Самый удобный путь къ аду—говоритъ докторъ Лютеръ—открываемъ мы себѣ въ собственныхъ своихъ дѣтяхъ.

* Riehl, die Familie, стр. 257. »Чтобы придать гостинной семейный видъ, посылаютъ иногда и маленькихъ дѣтей въ гостиную. Они должны тамъ учиться хорошимъ манерамъ и занять хоть что нибудь изъ того прекраснаго французскаго тона, который беретъ выше своей нотной партіи«. А по нашему—грѣхъ, истинный грѣхъ погружать во всю эту суету тихую дѣтскую душу. Дѣтскіе балы напоминаютъ мнѣ всегда средневѣковую ниже-германскую картину пляски мертвецовъ. Въ этой картинѣ представлена между прочимъ и дѣтская пляска. Смерть танцуетъ съ дѣтьми, и дитя говоритъ смерти:

Смерть! Смерть! какъ мнѣ это понять?

Не умѣю ходить,—а иду танцевать!

ОБЯЗАННОСТИ ДѢТЕЙ.

Все что христiянское правоученiе можетъ сказать дѣтямъ, Священное Писанiе соединило въ словахъ: »Дѣти, повинуйтесь вашимъ родителямъ для Господа«. (Ефес. VI, 1). Не по изученiю катихизиса распознается и опредѣляется въ ребенкѣ христiянское преуспѣянiе, а по добровольному повиновенiю родителямъ. Всѣ обѣтованiя дѣтямъ заключаются въ словахъ: »да благо ти будетъ и долголѣтнѣ будеши на землѣ«; точно такъ же и всѣ ихъ обязанности заключаются въ словахъ: »чти отца твоего и мать твою«. Правда: и послушныя дѣти умираютъ въ дѣтскомъ возрастѣ; но это не противорѣчитъ обѣтованiю. Для христiянскихъ дѣтей есть нѣчто выше и драгоцѣннѣе земнаго долголѣтiя, и если Богъ посылаетъ имъ раннюю смерть, то это значитъ, что Онъ уготовалъ для нихъ нѣчто лучшее. Богу извѣстно, что нужнѣе для соблюденiя избранныхъ Его къ небесному царству: оставить ли ихъ въ видимомъ мiрѣ или взять отъ земли въ мiръ невидимый. Твердость обѣщанiя, соединяющаго земное благополучiе съ почтенiемъ къ подателямъ всѣхъ земныхъ благъ, — видна изъ того

проклятія, которое тяготѣетъ еще въ земной жизни на непокорныхъ, непочтительныхъ и неблагодарныхъ дѣтяхъ. Кто въ чемъ согрѣшилъ, тотъ въ томъ и наказуется: ни въ чемъ этотъ законъ Божественнаго промысла (премудр. Солом. XI, 17) не выказывается такъ явственно и такъ ужасно, какъ въ той сердечной скорби, которую испытываютъ въ собственныхъ дѣтяхъ люди, бывшіе причиною такой же скорби своимъ родителямъ. Этотъ законъ въ мірѣ нравственномъ такъ же твердъ и очевиденъ, какъ всякій законъ міра физическаго.

Заповѣдь дѣтскаго послушанія не допускаетъ никакого исключенія: въ ней нѣтъ ни условій, ни ограниченій. Для дѣтей не должно быть никакой казуистики. Когда дитя спрашиваетъ: что же мнѣ дѣлать, если родители требуютъ отъ меня несправедливаго? — это будетъ нескромный вопросъ, который не долженъ слышаться въ устахъ христіанскаго ребенка. Мы знаемъ, что иногда сами родители учатъ дѣтей преступленіямъ. Есть заповѣди, которыя и ребенокъ долженъ знать: нарушать такія заповѣди было бы уже послушаніе «не ради Господа». По началамъ уголовного права, дѣти привлеченныя родителями къ участию въ преступленіи, подвергаются самому легкому наказанію, но все таки не вовсе освобождаются отъ наказанія. Однакоже такая печальная возможность не должна быть предметомъ размышленія для дѣтей: тѣмъ болѣе не слѣдуетъ наводить ихъ на мысль объ ней. Когда у ребенка есть поводъ къ подобному опасенію, первая мысль его должна быть не мысль о сопротивленіи во что бы то

ни стало, а твердое упованіе на Бога, что Богъ не доведетъ его до необходимости сопротивляться. Богъ далъ заповѣдь: »чти отца твоего и мать твою«, и если эта заповѣдь придетъ въ столкновеніе съ другой ненарушимой заповѣдью, Онъ же выведетъ изъ этого противорѣчія. Его должно молить, чтобъ отвратилъ печальную необходимость неповиновенія. Богъ не можетъ не услышать такой молитвы. Его промышль управить все къ добру. Въ сомнительныхъ случаяхъ, только вѣра въ живаго Бога можетъ указать прямой выходъ изъ такого положенія.

Такія правила должно внушать дѣтямъ которыя думаютъ, что они мыслятъ болѣе по христіански, чѣмъ ихъ родители. Такія дѣти часто уклоняются отъ призыва родительскаго, не хотятъ участвовать съ родителями въ томъ или другомъ, потому что считаютъ это за неприличное, недозволенное по общему понятію. Въ такихъ случаяхъ не столько важно дѣло само по себѣ, сколько то гордое самомнѣніе и высокомеріе, которое большею частію выражается въ подобномъ уклоненіи или отказѣ. Если въ самомъ дѣлѣ въ совѣсти ребенка возникаетъ сомнѣніе, то онъ можетъ и это свое желанье, такъ же какъ всякое другое, передать родителямъ въ видѣ просьбы. Если ея не слушаютъ, то остается повиноваться, съ твердымъ упованіемъ на Бога, основателя и поборника родительской власти. Онъ одинъ имѣетъ силу соблюсти и защитить, и защита Его въ той мѣрѣ, въ какой наша покорность Его волѣ. Такъ и въ играхъ Богъ хранитъ дѣтей до тѣхъ поръ пока они слушаютъ родителей, но какъ скоро дѣти на-

рушаютъ ихъ приказанія, Божественная защита отступаетъ отъ нихъ. Слишкомъ было бы самонадѣянно думать, что полагаясь на свои придуманныя мѣры и правила предосторожности, мы лучше уберемъ себя, чѣмъ предаваясь промыслу Божію. А дѣти, которыя находятся еще подъ родительской властью, должны искать Божія руководства въ руководствѣ родительскомъ.

Въ такихъ случаяхъ духовникъ долженъ употребить все свое вліяніе на родителей, и оставивъ всякій человѣческій страхъ, дѣйствовать на нихъ въ защиту и для блага дѣтей. Онъ впадетъ въ тяжкую вину, если станетъ ослаблять и подрывать авторитетъ родительскій, который долженъ утверждать во всей его святости въ сознаніи дѣтей. Прекрасно говоритъ объ этомъ Францъ Баадеръ: »Въ Писаніи сказано: »кто говоритъ я люблю Бога, и брата своего ненавидитъ, ложь есть: не любящій брата своего, котораго видитъ, — Бога котораго не видитъ, какъ можетъ любить?« — Точно также можно сказать: кто не слушаетъ человѣка, котораго видитъ, какъ можетъ послушать Бога, котораго не видитъ?

Долгъ дѣтскаго повиновенія уменьшается и исчезаетъ не съ наступленіемъ извѣстнаго возраста жизни, а по мѣрѣ того какъ дѣти становятся самостоятельными въ земномъ бытіи своемъ и достигаютъ возможности устроить свой домашній бытъ, независимо отъ родительской помощи. Но что никогда не исчезаетъ, никогда не уменьшается—это долгъ почтенія. Съ приближеніемъ старости родителей онъ даже выступаетъ болѣе и усиливается, тогда какъ долгъ

повиновенія въ той же мѣрѣ уменьшается. Возникаютъ новыя отношенія, образуется новый кругъ обязанностей.

Въ среднемъ и нисшемъ сословіи часто случается, что родители или тестъ съ тещей оставляютъ свое хозяйство, передаютъ дѣтямъ управленіе домомъ и за то до конца жизни поступаютъ на содержаніе и попеченіе ихъ, какъ члены вновь устроившейся семьи. Странно, что такія отношенія чрезвычайно рѣдко бывають мирны и счастливы. Обычай этотъ однакоже нельзя не признать естественнымъ и правильнымъ. Въ Священномъ Писаніи есть указаніе на подобныя отношенія и на соединенныя съ ними обязанности (1. Тимоѳ. 4. 8); въ нихъ много и побужденій и случаевъ явить на дѣлѣ и родственную любовь и благодарность. Если въ наше время отношенія эти почти всегда представляются въ непріятномъ и печальномъ видѣ, это происходитъ частію отъ всеобщаго ослабленія чувства родственной связи, частію отъ неправильнаго, ошибочнаго понятія о положеніи, какое принадлежитъ каждому члену въ такомъ вновь совокупившемся семействѣ.

Старые люди, вступая въ это новое отношеніе, не оставляютъ привычки господствовать и распоряжаться. Имъ обыкновенно приходится жить въ тѣхъ же самыхъ стѣнахъ, въ которыхъ они прежде, и такъ долго трудились, хлопотали и достойно пользовались всею домашнею властью. Теперь — знаютъ они сами, что обстоятельства перемѣнились, но не въ силахъ привыкнуть къ другому чувству и держать себя такъ, какъ будто на нихъ по прежнему лежитъ долгъ у-

правленія и отвѣтственности за все что происходитъ въ домѣ. Что было прежде законнымъ, а потому казалось и естественнымъ и сноснымъ приказаніемъ и распоряженіемъ, то принимаетъ теперь видъ дѣйствія незаконнаго, и потому вызываетъ осужденіе и возраженіе и служитъ источникомъ непрерывныхъ взаимныхъ неудовольствій. Притомъ старымъ людямъ естественно представляются въ благопріятномъ свѣтѣ воспоминанія о томъ, что было въ ихъ молодости, а всѣ привычки и дѣйствія молодаго поколѣнья представляются въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. Всякій старикъ непременно

Laudator temporis acti

Se puero, censor castigatorque minorum *.

Тѣмъ труднѣе старымъ людямъ понять и, какъ бы ни казалось тяжело, сознать на самомъ дѣлѣ, что власть должна перейти совсѣмъ въ другія руки, въ руки людей, которыхъ они считаютъ неопытными. Потребна необыкновенная сила самоотверженія, для того чтобы, глядя на молодыхъ, сказать: вамъ пора расти, а мнѣ умаляться.

И правда это. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что какъ скоро устроился новый домъ съ новымъ хозяйствомъ, въ этомъ домѣ глава — мужъ и отецъ, а не дѣдъ, не бабка, здѣсь же доживающіе свою старость. Одна воля должна здѣсь господствовать — и ничья иная воля какъ того человѣка, которому пе-

* Старикъ хвалитъ прежнее время, когда онъ былъ еще мальчикомъ, становится строгимъ судьей и порицателемъ молодаго поколѣнья.

редано имѣніе. Онъ ужъ не несетъ на себѣ отвѣтственности передъ отцомъ и матерью. Отъ того въ немъ и въ супругѣ его, хозяйкѣ, естественна ревность къ новому своему положенію, чувствительность ко всякому вмѣшательству со стороны родителей.

Этому чувству есть множество случаевъ выказаться въ столкновеніяхъ всякаго рода, соединенныхъ съ ежедневною домашнею жизнью. Особливо женскій духъ занятый мелочами домашней жизни, привыкаетъ дорожить мелочами, тревожиться мыслью о томъ, что то или другое дѣло въ домѣ дѣлается такъ, а не иначе. Свекрови не нравится, что и какъ дѣлаетъ невестка: что дѣлаетъ свекровь, то невестка считаетъ устарѣлымъ. Такъ въ мелочахъ загараются раздоръ между женою сына и старухой матерью, раздоръ который все глубже и глубже разѣдаетъ домашнюю жизнь и разрушаетъ миръ въ домѣ. Наступаетъ состояніе совершенно противное волѣ Божіей; врагъ всякаго добра, разрушитель всякаго порядка достигаетъ своей цѣли.

А слѣдуетъ во что бы ни стало поддержать порядокъ и согласіе. Этого не трудно достигнуть, когда всякой сознаетъ свое положеніе и покоряется обстоятельствамъ по совѣсти, предоставляя всѣ послѣдствія Богу. Старые люди — гости въ такомъ домѣ. Такъ они должны думать о себѣ, такими слѣдуетъ и считать ихъ. Гость не приказываетъ и не мѣшается въ хозяйство. Можетъ быть онъ позволитъ себѣ иногда сдѣлать замѣчаніе, дать добрый совѣтъ, но не иначе какъ въ самой осторожной формѣ, и только тогда когда видитъ, что совѣтъ его примутъ съ доб-

рымъ расположеніемъ. Желанія его готовы узнать и выполнить по возможности. Всѣ стараются быть съ нимъ почтительными. Но самъ онъ долженъ смотрѣть за собой, чтобъ не увлечься прихотью, не потребовать больше чѣмъ ему нужно. Въ этомъ отношеніи никому не придетъ въ голову смѣшивать почтительность съ покорностью. Такъ и въ организмѣ подобнаго семейства почтительность всегда должно отличать отъ покорности; первая принадлежитъ почетному гостю, старому человѣку; послѣдняя — хозяину дома. Только такимъ образомъ можетъ быть разрѣшена трудная и тонкая задача устройства общей домашней жизни въ подобномъ семействѣ.

ПРИСЛУГА.

Съ другой стороны расширяется кругъ домашнихъ обязанностей — присутвіемъ въ домѣ прислуги. Отношеніе между господами и прислугой въ наше время искажено не менѣе, если еще не болѣе чѣмъ всѣ прочія семейственныя отношенія. По духу древности слуги тоже принадлежатъ семейству, и это воззрѣніе вполне подтверждается Св. Писаніемъ. Ему соотвѣтствовало домашнее устройство и по старому германскому обычаю. По такому основному понятію слѣдуетъ намъ и въ этомъ кругу вновь направить свою дѣятельность; если будемъ вѣрны духу христіанскому, то нечего опасаться, что обращеніе съ прислугою какъ съ частью семейства, поведетъ къ ложной фамиллярности.

Всеобщія жалобы на порчу прислуги вполне основательны; но нечего и удивляться этому если примемъ во вниманье общественное положеніе слугъ и обращеніе господъ съ ними. Въ старыхъ патріархальныхъ отношеніяхъ было много дурнаго, но рѣшительное разрушеніе этихъ отношеній въ наше время — конечно еще большее зло. Вѣрной оцѣнки каждаго состоянія по его достоинству, истиннаго сознанія о

чести принадлежащей каждому состоянью, — этихъ качествъ нѣтъ уже болѣе. Еслибъ это сознаніе чести еще сильно было въ подначальныхъ людяхъ, они стали бы искать своей чести въ томъ, чтобы посвятивъ себя въ своемъ скромномъ кругу добросовѣстной дѣятельности, — вѣрно прослужить одному хозяину долгое время и совершить вполне призваніе слуги. Если бы начальствующие умѣли еще понимать достоинство каждаго состоянія и воздавать каждому должную честь, они съ любовью и уваженіемъ относились бы къ такой дѣятельности, въ той вѣрѣ что и человѣкъ низкаго состоянія, въ немъ выказывающій нравственное совершенство, точно такъ же вѣрно выполнилъ бы и самое блестящее призваніе, когдабъ оно выпало ему на долю. Вмѣсто того люди высшихъ состояній привыкли съ презрѣніемъ смотрѣть на людей нисшаго званія, чуждаться ихъ; а въ послѣднихъ по естественному закону противодѣйствія развилось стремленіе перейти границы своего званія, или по крайней мѣрѣ сравниться съ высшими сословіями въ роскоши и развлеченіяхъ, такъ чтобы посреди праздничнаго убора и въ шумѣ веселостей исчезло всякое различіе состояній. Бывало человѣкъ принадлежавшій къ среднему или нисшему кругу, полагалъ честь свою въ томъ чтобы быть вполне тѣмъ, чѣмъ онъ есть, не стыдился и платьемъ и образомъ жизни показывать кто онъ такой; теперь ищетъ онъ своей чести въ томъ, чтобы казаться не тѣмъ, чѣмъ есть.

Это внутреннее разложеніе общественнаго организма, пагубное само по себѣ, становится еще пагубнѣе отъ того что различіе между сословіями по степени

ихъ образованія все болѣе и болѣе усиливается. Въ прежнее время по нравамъ и образу жизни сословія отличались очень рѣзко, а языкъ и образованіе были одни и тѣже у всѣхъ сословій;—тоже и теперь на востокѣ. У насъ въ Германіи теперь высшія сословія до такой степени отличаются отъ нисшихъ и образомъ мыслей и рѣчью и всею духовной атмосферой въ которой человѣкъ живетъ и движется, что можно подумать будто эти люди отдѣляются другъ отъ друга цѣлымъ тысячелѣтіемъ или огромнымъ географическимъ пространствомъ. Тѣмъ глубже укореняется въ нисшихъ сословіяхъ зависть, недовѣріе, жажда возвышенія,—что за всѣ свои нужды, за весь тяжкій жизненный трудъ они не имѣютъ возможности участвовать даже и въ духовныхъ наслажденіяхъ, которыми пользуются счастливцы высшаго состоянія.

Этотъ разладъ проникаетъ и въ семейство. Всѣмъ временемъ, всею физическою силой прислуги господа пользуются до послѣдней крайности,—а въ духовной и умственной жизни господъ слуги не имѣютъ никакого участія.

Всякій смертный требуетъ освѣженія; этого-то освѣженія прислуга не находитъ въ домѣ:—по неволѣ она ищетъ его въ мѣстѣ публичныхъ развлеченій, и окончательно развращается здѣсь всѣми дурными примѣрами, грубостями и соблазнами, которые видитъ и слышитъ около себя. Теперь прислуга вообще пользуется личною свободой, которая сама по себѣ есть неоцѣненное преимущество въ сравненіи съ состояніемъ крѣпостныхъ—*glebae adscripti*. Положеніе иныхъ становится еще хуже отъ этой свободы, именно по-

тому, что съ нею сопряжена возможность разрывать отношенія, переходить отъ одного хозяина къ другому. Тѣ крѣпостные, о которыхъ рассказываетъ Св. Писаніе, конечно были счастливѣе иной служанки, которая мѣняя господъ, переходя отъ одного къ другому, ни отъ кого не видитъ благодарности за годы жизни ему посвященные, и наконецъ, потерявъ силы, отпускается послѣднимъ хозяиномъ безъ призрѣнія въ старости и болѣзни.

Здѣсь слѣдовало бы вступить въ законодательству. Слѣдовало бы установить правила къ огражденію прислуги. Съ какой именно стороны законъ можетъ коснуться зла, — должны опредѣлить тѣ, кто призванъ будетъ къ этому дѣлу. Могутъ возразить на это что законодателью пришлось бы вмѣшаться въ частныя отношенія, и что чрезмѣрное вмѣшательство такого рода вредно. Этотъ предлогъ выставляютъ обыкновенно, когда не хотятъ удовлетворить справедливымъ требованіямъ нисшихъ сословій, и отказываютъ въ нихъ до тѣхъ поръ, пока зло созрѣетъ до послѣдней степени и разразится страшнымъ взрывомъ: тогда коммунизмъ оружіемъ несправедливымъ принудитъ дать то, что давнымъ давно должна была бы дать правда. То что могло бы еще совершиться теперь въ христіанскомъ духѣ и во славу Божію, совершится тогда въ духѣ не христіанскомъ и къ возвышенію противниковъ христіанства. Законъ Моисеевъ превосходитъ законодательства христіанскихъ народовъ человеколюбіемъ столько же, сколько и священной строгостью. Онъ содержитъ въ себѣ самыя человеколюбивыя правила въ пользу чужестранцевъ, рабовъ, бѣдныхъ,

вдовъ и сиротъ*. Ничѣмъ нельзя оправдать то, что гражданское устройство у христіанскихъ народовъ съ одной стороны страдаетъ нравственнымъ разслабленіемъ, съ другой недостаткомъ или отсутствіемъ началъ человеколюбія.

Между тѣмъ—долгъ всякаго честнаго человека, у кого только есть прислуга, приложить все старанье чтобы сдѣлать отношенія свои къ ней истинно-христіанскими отношеніями**. Намъ нѣтъ возможности однимъ разомъ исправить распавшуюся народную жизнь и прекратить разладъ между высшими и низшими сословіями. Но каждый въ кругу своей дѣятельности можетъ обратить особенныя усилія на ту сторону жизни, которая осталась еще общею у всѣхъ классовъ; только съ этой стороны, только въ этой области и можно ожидать исправленія зла. Это область религіи. Для знатныхъ и не знатныхъ все

* Еще Іоганнъ фонъ Мюллеръ указывалъ на удивительный духъ человеколюбія въ Моисеевомъ законѣ. Прочтемъ напр. въ книгѣ Второзаконія Гл. 24. ст. 5—22, и спросимъ: есть ли что нибудь подобное въ любомъ изъ новѣйшихъ законодательствъ? Ко всѣмъ примѣняется жалоба, извѣстная еще древнему міру: законы написаны въ пользу владѣющихъ, а не въ пользу неимущихъ. Только къ Моисееву закону жалоба эта не примѣняется.

** Риль, *Die Familie*. стр. 147. »Съ понятіемъ о цѣлой семьѣ связано понятіе о »цѣломъ домѣ«. Въ наше время знаютъ только семейство, но гдѣтъ уже понятія о домѣ,—родственного, задушевнаго понятія о »цѣломъ домѣ«, который заключаетъ въ себѣ не только природныхъ членовъ семейства, но и всѣхъ по доброй волѣ присоединившихся къ нему сожителей и сотрудниковъ, кого въ старину означали словомъ: домочадцы (*Ingesinde*). Въ этомъ понятіи о »цѣломъ домѣ«,—семейный пріютъ, благодать семейная простирается на цѣлыя группы безсемейныхъ людей: и они привлекаются, какъ бы усыновленіемъ, въ нравственное отношеніе любви и власти. Идея эта имѣетъ глубокое значеніе: ею укрѣпляется общественный союзъ, охраняется цѣльность народная«.

еще одна церковь, одно слово Божіе, одни таинства. И въ домашней жизни должно представляться это единство, должно проявляться равенство наше предъ Богомъ. Лучшимъ выраженіемъ этого единства служить общее семейное богослуженіе. Прислуга имѣетъ полное право участвовать въ немъ; на ней лежить главное бремя домашней работы; ей принадлежитъ и участіе въ высшей благодати какою благословляется домъ христіанскій. Если въ домѣ нѣтъ вовсе общей утренней и вечерней молитвы, или къ молитвѣ не приглашается прислуга, — начальникъ дома виноватъ въ этомъ: отсюда происходитъ такое зло, котораго потомъ ужъ не исправить онъ, хотя бы заботился всѣми силами о церковномъ наставленіи своей прислуги. Господину дано то чрезвычайное преимущество, — что люди, люди-христіане работаютъ для него, для его выгоды и успокоенія, работаютъ истощая всѣ свои силы, посвящая работѣ годы своей юности: за то и на господинѣ лежитъ священный долгъ обращаться съ этими бѣдными людьми какъ съ такими же христіанами, заботиться объ охраненіи ихъ отъ міра, объ утвержденіи ихъ въ союзѣ крещенія, объ утѣшеніи ихъ въ бѣдѣ и скорби.

А этого невозможно достигнуть безъ домашняго богослуженія. Когда начальникъ семейства, во главѣ всѣхъ своихъ домашнихъ молится и приноситъ Богу ихъ молитвы и благодаренія, — тогда на всѣхъ домашнихъ распространяется Божіе благословеніе, ко-его посредникомъ долженъ быть глава дома. Когда общая дневная работа начинается торжественнымъ исповѣданіемъ общаго Небеснаго Отца, — тогда невоз-

можно будетъ домашней власти впасть въ обыкновен-
ный тонъ горечи, раздраженія, недоверія, упрека и
угрозы относительно прислуги. А почтеніе прислуги
нисколько отъ того не ослабитъ, такъ же какъ и
дѣтское почтеніе. Духъ Христовъ каждому приноситъ
довольство своимъ состояніемъ, каждаго дѣлаетъ сча-
стливымъ въ своемъ состояніи. Когда Онъ владыче-
ствуетъ въ домѣ, — каждый членъ дома утверждается
въ своемъ положеніи, господинъ — во власти, служа-
щій — въ служеніи. Если христіанское достоинство
каждаго изъ малыхъ членовъ дома признано въ до-
пущеніи ихъ къ семейной молитвѣ, — то тѣмъ менѣе
будетъ для нихъ искушенія къ чрезмѣрной фамиль-
ярности съ господами.

Не подлежитъ сомнѣнію, что для своей прислуги,
особенно же для малолѣтнихъ и сиротъ, мы должны
отчасти заступать мѣсто отца и матери, и нѣкогда
должны будемъ отчасти дать Богу отчетъ за ихъ ду-
ши. Нисколько не думая объ этомъ, даже самые че-
ловѣколюбивые господа обращаются съ прислугой такъ
же какъ съ домашними животными, которыхъ только
кормятъ какъ слѣдуетъ, для того чтобъ они работали
какъ слѣдуетъ, — а болѣе ни о чемъ уже не заботятся.

И домашнимъ животнымъ скорѣе еще пожалуй ос-
тавятъ день на отдыхъ нежели человѣку. На сосло-
віи служащихъ лежитъ невыразимо тяжкимъ бреме-
немъ великій народный грѣхъ цѣлой Германіи — не-
уваженіе къ праздничному дню. Это грѣхъ противъ
Бога, и вмѣстѣ съ тѣмъ столько же если еще не бо-
лѣе, — тяжкій грѣхъ противъ человѣчества, видимый
знакъ отпаденія отъ Бога цѣлаго народа христіан-

скаго. Какъ израильскій народъ рѣзко отличается празднованіемъ дня субботняго, такъ христіанскій долженъ отличатся празднованіемъ воскреснаго дня. Безчеловѣчная система промышленнаго пользованія (эксплуатаціи) человѣка человѣкомъ, достигла крайней своей степени въ принятомъ у насъ повсюду обыкновеніи работать по воскресеньямъ на фабрикахъ и въ типографіяхъ, на почтѣ и на желѣзныхъ дорогахъ, въ большихъ и малыхъ хозяйствахъ. Кому дорого спасеніе души своей, тотъ долженъ позаботиться, чтобъ на рукахъ его не было этого пятна. Онъ долженъ отказаться отъ мірской выгоды, долженъ подчинить себя всякому ограниченію и отреченію, для того чтобъ освободить своихъ подвластныхъ отъ бремени праздничной работы и показать къ возбужденію другихъ примѣръ того, что можетъ совершить покорность и вѣра въ борьбѣ съ мнимовсесильнымъ потокомъ обычая и духа времени*. Въ 1848 году, подъ вліяніемъ страха, хозяева уступали рабочимъ часть своего права, но когда миновалось время страха, исчезла и мысль объ уступкѣ, и съ каждою недѣлей увеличивается бремя отвѣтственности: когда нибудь настанетъ новый день разсчета.

Воскресенье у христіанъ не день поста а праздничный день, то есть день священнаго радованія.

* Многіе сомнѣваются въ возможности соблюдать праздничные дни; но примѣръ Англіи и Шотландіи доказываетъ эту возможность. Скажу болѣе: мнѣ кажется, что безъ этихъ праздничныхъ дней погибла бы Британія. Общественный механизмъ распался бы подъ тяжестью усилій, которыя соревнованіе довело до крайней степени. До сихъ поръ покой воскреснаго дня охраняетъ еще эту страну отъ соціального переворота.

Гдѣ есть святая радость, тамъ только день этотъ достойно празднуется. Кто ея не знаетъ, тотъ не знаетъ что такое праздникъ, но все таки и онъ обязанъ, какъ только можетъ, хранить праздничный день. Для того чтобы праздничная радость снова вселилась между нами, необходимо сложить съ себя иго земной работы: иначе гдѣ найдетъ себѣ въ насъ мѣсто »духъ радованія«, и можетъ ли свободно въ насъ дѣйствовать? Когда радостью о Духѣ Святомъ исполнится Богослуженіе, исполнятся жилища христіанъ, когда вступая во врата Іерусалима въ день субботній, оставимъ за ними и не станемъ вносить съ собой бремя житейскихъ попеченій, — тогда пріятно будетъ Богу наше празднованіе. Но въ томъ видѣ, въ какомъ теперь устроились у насъ праздничныя увеселенія народа, — они представляютъ не радость, а уродливое искаженіе радости. Похоже на то, будто всѣ злые духи, которыхъ цѣлую недѣлю до Воскресенья держала въ тяжкомъ заключеніи будничная работа, — вдругъ выпускаются на волю въ Воскресенье послѣ полудня. Отъ этого — не довольно еще дать работникамъ отдыхъ въ Воскресенье, освободить ихъ отъ работы. Долгъ нашъ доставить имъ, кромѣ возможности посѣщать Богослуженіе, еще возможность отдохнуть, освѣжиться духомъ въ безвинномъ общественномъ развлеченіи. И сами господа, и общества дѣйствующія для человѣколюбивыхъ цѣлей, должны стремиться всѣми средствами къ осуществленію этой возможности.

Слѣдуетъ уважать и всячески укрѣплять нравственную связь, возникающую между людьми въ слѣдствіе

услугъ, которыя одни принимаютъ, другіе дѣлаютъ. По этому не должно рѣзко и равнодушно обращаться съ слугами. Всякій изъ нихъ можетъ имѣть свои слабости — лишь бы не имѣлъ пороковъ. Когда открывается явная опасность для нравственности дѣтей — (а эта опасность всего чаще оказывается въ обращеніи съ прислугой) — когда слуга не слушаетъ наставленій и запрещеній, и становится въ домѣ помѣхой установленію христіанскаго порядка, — слѣдуетъ удалить его изъ дому. Но если слугу нельзя упрекнуть ни въ чемъ подобномъ, если мы надѣемся только, замѣнивъ его другимъ, доставить себѣ нѣсколько болѣе внѣшнихъ удобствъ въ домашней жизни, — въ такомъ случаѣ несправедливо было бы отослать его — по одной только этой причинѣ.

Въ великомъ организмѣ человѣчества должно быть различіе между членами; порядки и степени въ человѣческомъ обществѣ — отъ Бога; христіанство не только не отмѣнило ихъ, но признало и утвердило. Но, по мѣрѣ того какъ охлаждалась любовь въ большинствѣ человѣческаго рода, — различіе сословій и состояній приняло видъ открытой язвы въ обществѣ. Для этой язвы христіанство служить не раздражающею примочкой, а успокоительнымъ бальзамомъ. Не только тамъ гдѣ вѣетъ духъ Христовъ, смягчается власть господствующихъ; но и тамъ даже, гдѣ не слышно этого вѣянія, подвластные находятъ утѣшеніе, облегчающее несносное ихъ бремя.

»Рабы, слушайте господъ своихъ по плоти, со страхомъ и трепетомъ въ простотѣ сердца вашего, какъ и Христа; не передъ очами только работая, какъ че-

ловѣкоугодники, но какъ рабы Христовы, творя волю Божію отъ души, — съ благоразуміемъ служа какъ Господу, а не какъ человѣкамъ, зная что каждый что сотворить благо, то и пріиметь отъ Господа, рабъ ли онъ или свободный». (Ефес. VI, 5—8). У предковъ нашихъ была правдивая поговорка: служить господамъ—Богу служить; но изъ нея время—по милости Божіей давнопрошедшее — сдѣлало другую поговорку: сперва господамъ, а потомъ Богу. Слуга долженъ знать, что Христосъ всегда близокъ къ нему: такъ близокъ, какъ ближе быть нельзя. Христосъ передъ нимъ—когда служить онъ и господину, господину не только доброму и вѣрующему, но и строптивому и не просвѣщенному. Такъ, служа по видимому — человѣку, служащій долженъ смотрѣть на себя какъ на слугу Христа, самаго благого, сильнаго и великодушнаго господина. Пусть не думаетъ онъ, что тяжкіе труды его, что годы жизни его, годы горькой работы—пропали для него даромъ. Того именно, въ чемъ отказали ему люди, что взяли у него, чего ему не отдали, чего не могутъ уже вознаградить ему, — того не забудетъ Христосъ, всеблагой Господь и Владыка. Такъ долженъ вѣровать слуга, но эта вѣра должна выражаться у него въ добровольномъ повиновеніи и вѣрной преданности.

Слуга, въ которомъ нѣтъ христіанскаго духа, считаетъ интересъ господина враждебнымъ собственному интересу, и эта мысль служить ему постояннымъ соблазномъ и искушеніемъ. Если даже онъ не позволяетъ себѣ явнаго ослушанія и противорѣчія, выхо-

дѣть еще того хуже: дѣло дѣлается только для виду и на глазахъ у господина, и подъ лицемѣрнымъ видомъ преданности скрывается духъ самой низкой лжи и невѣрности.

Напротивъ слуга — христіанинъ не видитъ противорѣчія между своимъ благомъ и пользою своего господина. Для него всего выше — творить волю Христа, а эту волю видитъ онъ въ волѣ господина. Его успокоиваетъ мысль, что онъ служитъ Христу: отсюда происходитъ въ немъ чуждое всякой лести чувство нравственного достоинства, и это чувство умѣетъ онъ поддержать во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ господину. Такой слуга, безъ сомнѣнія, есть одно изъ самыхъ высокихъ и благородныхъ явленій нравственного міра.

ОБЩИТЕЛЬНОСТЬ.

Кругъ семейной жизни расширяется гостепріимствомъ и взаимною веселою общительностью. Семейство и съ этой стороны благодѣтельно дѣйствуетъ на жизнь, возвышая ее нравственно.

Долгъ гостепріимства и уваженіе къ праву гостя—понятія не новыя: это коренные законы человѣческаго общества. Къ сожалѣнію они почти изгладились изъ сознанія и вышли изъ употребленія въ новѣйшую эпоху общественной жизни, подъ вліяніемъ новыхъ отношеній. При всемъ томъ гостепріимство, соединенное съ нравственнымъ тактомъ, составляетъ и теперь самую деликатную форму благотворительности: въ немъ выражается, имъ укрѣпляется довѣріе человѣка къ человѣку, составляющее существенную основу истиннаго дружелюбія. Общительность по видимому не состоитъ въ прямомъ отношеніи къ чувству любви; но и въ ней представляется намъ важная общественная задача: смотря по тому какъ эта задача понимается и разрѣшается, можно судить довольно вѣрно о состояніи нравственнаго развитія въ цѣломъ обществѣ. Эта задача понимается вовсе

ложно тамъ, гдѣ въ общественныхъ собраніяхъ слышится только пустая болтовня, состоящая изъ жидкихъ фразъ или напыщенныхъ рѣчей о высокихъ предметахъ. Въ такихъ собраніяхъ только теряется попусту время, они производятъ утомленіе духа, а не освѣженіе духа, которое должно быть ихъ цѣлію. Всякая пустая трата времени производитъ только безпокойство въ совѣсти христіанина. Время, — по словамъ Лейбница — драгоцѣннѣйшее изъ благъ земныхъ; время—это сама жизнь человѣческая. Особливо непріятно слышать, когда религію дѣлаютъ предметомъ разговора, имѣющаго цѣлью только наполнить пустоту времени: такое употребленіе религіи даже вредно. Лучше ужъ говорить о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, чѣмъ унижать предметы священные, дѣлая ихъ средствомъ — прогнать скуку, когда говорить больше не о чемъ.

Шутка можетъ быть дозволенная, приличная. Въ жизни бываютъ промежутки покоя, равновѣсія силъ. Въ такія минуты — по словамъ Аристотеля — настоящее время для шутки; Соломонъ говоритъ, что есть свое время и для слезъ и для смѣху. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и Аристотель напоминаетъ, что въ шуткѣ не должно быть ничего неприличнаго, оскорбительнаго. Апостоль Павелъ съ высшей христіанской точки зрѣнія внушаетъ удалять изъ общественной бесѣды все, что сколько нибудь противно нравственному достоинству и любви христіанской (*μωρολογία* и *εὐτραπεία*)*. За всѣмъ тѣмъ остается еще открытое поле для ум-

* Сравни. Аристотеля *Ethica Nicomach.* IV, 8. Премудрости Соломонов. III, 4. Посланіе къ Ефесеямъ V, 4.

ной и безвредной шутки, и притомъ именно въ такое время, когда высшія, святыя потребности души успѣли уже удовлетвориться и когда мы успѣли уже поработать всѣми своими силами въ исполненіи обязанностей своего званія. Если въ дѣтствѣ между братьями и сестрами есть мѣсто милой и невинной шуткѣ, почему же и не быть ей между взрослыми, отблескомъ дѣтской веселости? У кого же достанетъ смѣлости отвергнуть вовсе такую общественную бесѣду, въ которой зрѣлая жизненная мудрость выражается свободно и весело.

Но только въ такомъ случаѣ духъ нашъ можетъ свободно предаться легкой гимнастической игрѣ шутки, когда бесѣдное собраніе наше проникнуто сознаниемъ единства во всемъ, что требуетъ священнаго благоговѣнія. Правда — многимъ изъ насъ слишкомъ тяжело ложатся на душу явленія времени и жизненные отношенія, и у тѣхъ кто глубоко носитъ въ сердцѣ своемъ чувство благочестія, сохраняется не всегда воспріимчивость духа, которая помогаетъ распуститься самому нѣжному цвѣтку общественной бесѣды: насладиться благоуханіемъ этого цвѣтка удастся не часто и не всякому. Но кто испыталъ это наслажденіе, тому кажется вдвое отвратительнѣе и пошлое препровожденіе времени мѣщанскихъ кружковъ, и блестящее выложенное ничтожество салонной бесѣды, изъ которой повсюду проглядываетъ пустота умственного образованія и легкость нравственной идеи.

К О Н Е Ц Ъ .

Übermeier
Bucheinbände nach RAL 86 495
• Neufahrner Str. 8 • Tel. 08781/530
8303 Rottenburg/L.

Thiersch, Heinrich Wilhelm Josias,

Christianskija načala semejnoj žizni Soč. Tirša. Perevod s německago

Moskva 1861

Mor. 1294 v

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10598062-9